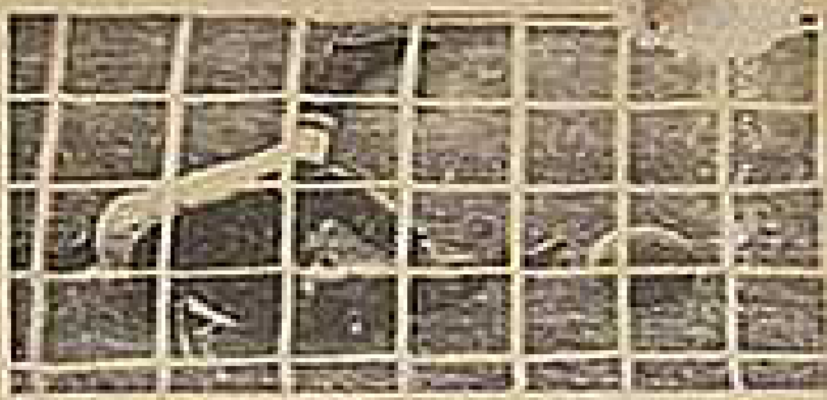
Мих. Ромм

Я болею за „Спартак"



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В чем же эта таинственная, поистине непреодолимая магия футбола?

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

Жене и другу Евдокии Ромм посвящается

1

У истоков русского футбола

За два часа до начала соревнования футбольная Москва ринулась в Лужники. Поезда метро выбрасывали на перрон станции «Спортивная» толпы людей и дальше шли пустыми. Все эскалаторы вестибюля, обращенного в сторону стадиона, работали только вверх. К поездам надо было спускаться из другого вестибюля. Вереницей шли троллейбусы и автобусы. Шурша шинами по асфальту, мчались по набережной Москвы-реки от Кутузовского проспекта легковые автомобили.

По главной аллее стадиона тек к Большой арене, этому футбольному Колизею, непрерывный поток людей, шумный, веселый, оживленный; он тек, бурля и завихряясь у тележек с мороженым и газводой, у ларьков с бутербродами и фруктами, у закусочных с пивом и сосисками. У Большой арены он раздваивался, охватывая ее сплошным кольцом, и сквозь железные гребенки волнорезов просачивался на трибуны.

Монументами высились над толпой конные милиционеры. Холеные лошади косили глазами, нервно встряхивали головой, переступали с ноги на ногу, цокали копытами по звонкому асфальту. Пешие милиционеры в отутюженных брюках навыпуск и безупречно пригнанных кителях с кажущимся безучастием поглядывали вокруг.

За час до начала я вышел из гостиницы «Спорт», вписанной дугой в четвертый этаж трибун Большой арены, и, подхваченный толпой, стал пробираться к своему месту. Шелестели в руках программы сегодняшнего матча. На обложках броскими буквами было написано «Италия — СССР» — встреча на кубок «Европы», на развороте можно было прочесть боевую летопись обеих команд, возраст, рост и вес каждого игрока, предполагаемые составы. Из боковой аллеи в общий поток вливалась толпа итальянских «тиффози» — болельщиков, прилетевших из Рима, Турина, Милана. Сто пятьдесят интуристских автобусов доставили их на стадион.

У огороженной передвижными металлическими барьерами площадки сгрудились в ожидании приезда футболистов наиболее ярые болельщики.

К площадке подкатили два автобуса. Из них вышли участники встречи — футбольная элита Италии и Советского

Союза. Не спеша, небрежно перекинув через плечо лямки спортивных сумок, игроки при благоговейном молчании зрителей пересекли площадку и скрылись в дверях. Впереди шли тренеры — располневший Фаббри в толстом, крупной вязки свитере с большой надписью «Italia» на груди и худощавый, подтянутый Константин Бесков в пальто и шляпе. Это он, знаменитый «бомбардир» московского «Динамо», во время турне по Англии в 1945 году, когда советские футболисты впервые встретились с английскими профессионалами, забил гол в ворота знаменитого «Арсенала»; это о нем капитан английской команды «Челси» Джон Гаррис сказал: «ни один центральный нападающий не доставил мне столько хлопот, сколько Бесков: он был повсюду!»

Я прошел на свое место в сорок пятом ряду западной трибуны, против одной из линий ворот. Отсюда, сверху, отлично просматривалось великолепное футбольное поле, похожее на гигантский бильярд, расчерченный белыми линиями. Сверкали белизной ворота с оттянутыми назад сетками. Трибуны были уже заполнены до последнего места. Сто три тысячи зрителей с билетами и никем не учтенное, но немалое количество безбилетных, проникших им одним ведомыми путями сквозь все преграды, сквозь милицейские кордоны, сквозь цепь контролеров, ждут начала матча. Стайки итальянских флажков колышутся на западной и восточной трибунах.

Эти сто три тысячи — лишь небольшая часть зрителей сегодняшнего матча: не надо забывать о заочниках! Миллионы людей во всех странах Европы настраивают приемники на московскую волну или включают телевизоры и с нетерпением ждут первых подмывающих звуков блантеровского футбольного марша.

В чем же эта таинственная, поистине непреодолимая магия футбола? Она и в стремительном полете мяча, и в неожиданном остроумном финте, и в четком взаимодействии одиннадцати игроков, невидимыми тактическими нитями объединенных в неразрывное целое, и в мужественной, жесткой спортивной борьбе, и в загадочных психологических взлетах и спадах, превращающих подчас верную победу в поражение, и неотвратимый, казалось бы, проигрыш вничью, и в тех случайностях — «мяч круглый, а поле большое», — которые нередко опровергают все прогнозы тренеров и знатоков; во всем этом и еще одном: в футболе, как ни в каком другом виде спорта, сказывается характер народа. Трезвый расчет и уравновешенность англичан, механическая, жесткая систематичность немцев, артистичность австрийцев, солидность и основательность чехов — все находит отражение в стиле футбольных команд каждой

страны. И только команды Италии и Испании, где успехи уже давно строятся на южно-американском «импорте», потеряли свой национальный облик, а вместе с ним и былую славу. Итальянцы поняли это, и сегодняшний состав «Squadra azzura» включает только коренных жителей Апеннинского полуострова.

Моросит холодный осенний дождь, поле потемнело и намокло. Случилось то, чего больше всего боялся Фаббри, о чем мечтал Бесков: на мокром поле потускнеет главное оружие итальянцев — отточенная техника, но зато сильнее скажется неисчерпаемая выносливость наших игроков. А ведь до сегодняшнего дня два с половиной месяца стояло безоблачное, московское «бабье лето», и только этой ночью набежали тучи. Вот уж, поистине, дома помогают не только стены, но и погода.

Через месяц предстоит ответная встреча в Риме, и там уже стены будут помогать итальянцам. По сумме мячей, забитых командами в обоих соревнованиях, определится победитель, который будет продолжать борьбу за кубок Европы. И потому, что бы ни говорил Фаббри в своих интервью о надеждах на победу, его затаенная мечта известна всем: удержать в Москве ничейный счет, в худшем случае проиграть с разницей в один мяч, а через месяц, в Риме, показать нашим почем фунт лиха. И потому Бесков строит всю игру на атаке, чтобы добиться крупного счета, и когда на электрических табло над южными и северными трибунами появляются, наконец, составы команд, по толпе проходит сдержанный гул: девятым номером играет Понедельник, едва ли не самый результативный нападающий Советского Союза, в полузащите — Воронин и Короленков, игроки атакующего стиля. Футбольная команда высокого класса — сложное органическое соединение из одиннадцати ингредиентов. Измените один или два из них — изменятся все свойства этого соединения. Сегодня наша сборная нацелена на атаку.

Но вот на стадионе воцаряется тишина: из прохода на поле вышли три человека. Они одеты в видимую для всех форму судей международной категории — черную рубашку с белой розеткой и черные трусы — и в невидимый психологический скафандр. Вне его должны остаться все человеческие чувства и страсти, все сознательные и подсознательные симпатии и антипатии, внутри его — место только для бесстрастия, хладнокровия, способности к молниеносным решениям. Беда, если будет не так: одна ошибка судьи, подсказанная раздражением, пристрастием, невниманием, может непоправимо испортить игру.

Судьи, конечно, нейтралы — не итальянцы и не русские. На этот раз они — поляки. Сегодня утром они уложили в Варшаве в чемоданчики судейские доспехи и прилетели в Москву: вечером,

отсудив встречу, улетят обратно в Варшаву. Перелет недолог, но телефонный звонок по международному кабелю или телеграмма могли бы вызвать их в Калькутту или Мельбурн, в Буэнос-Айрес или Токио; они так же спокойно уложили бы свои чемоданчики и поднялись на борт самолета, чтобы пересечь континенты и океаны, отсудить матч и вернуться обратно. В этом, да еще в том, чтобы всегда быть в безупречной физической форме, заключаются их обязанности. Их несколько десятков человек, этих вершителей футбольных судеб. Без них не могло бы крутиться многомиллионное колесо международной футбольной жизни.

Трое из Варшавы вышли на поле. Идущий посередине — главный судья — несет мяч. Он несет его перед собой в обеих руках очень бережно, словно сосуд с драгоценной влагой; дойдя до середины поля, так же бережно кладет на центральную отметку, выпрямляется и, повернувшись к западной трибуне, свистит. Из прохода, постукивая шипами бутс о бетон, выходят участники встречи — итальянцы в голубых майках и сборная СССР в красных. Впереди идут капитаны — защитник Чезаре Мальдини, включенный в состав «сборной мира», которой через месяц предстоит играть против сборной Англии в ознаменование столетнего юбилея со дня «рождения» футбола, и нападающий Валентин Иванов. Мальдини защищал честь Италии тринадцать раз, для Иванова сегодняшняя игра — сорок четвертая в составе сборной Советского Союза.

Сорок четыре встречи — это не только 66 часов напряженной, с отдачей всех сил, борьбы за честь страны: это стадионы пяти континентов и многих городов, это лучшие вратари, защитники и полузащитники всех стран, манеру игры которых надо разгадать в первые же минуты после начального свистка, чье сопротивление надо преодолеть, это умелый учет сильных и слабых сторон противника, выбор правильной тактики в каждом соревновании, твердое руководство командой, мужество и стойкость в неудачах.

Вот и сейчас, выходя на поле, Иванов присматривается к итальянцам и решает задачу с одиннадцатью неизвестными: ведь со «Squadra azzura» — голубая команда — мы встречаемся впервые. Кто в защитных линиях будет для нас наиболее трудно «проходимым» — знаменитый Мальдини или рослый Факетти, или, быть может, этот невзрачный на вид, худощавый Траппатони, единственный в мире полузащитник, умеющий наглухо закрывать знаменитого Пеле? Кто будет опаснее других перед нашими воротами — лучший итальянский бомбардир Сормани или быстрый и умный двадцатилетний Ривера с мышлением тридцатилетнего футболиста, как говорит о нем Фаббри?

Команды выстроились у центрального круга. Звучат гимны Италии и Советского Союза, а затем стадион замирает в напряженном ожидании.

Сейчас раздастся свисток и все придет в движение. Я жду начала с таким же нетерпением, как и остальные сто три тысячи зрителей. И не только с нетерпением, но и с тревогой. Сборную СССР я вижу после войны впервые. А игры наших клубных команд, которые мне пришлось видеть за те три месяца, что я живу в столице, были мало обнадеживающими. Команды бились в тисках заимствованной у бразильцев системы 1 — 4 — 2 — 4, не совсем еще освоенной. Играли без творчества и вдохновения. Лишь остро атаковавший «Спартак» и солидное, мощное во всех линиях московское «Динамо» составляли исключение, а в памяти моей, как заноза, засели воспоминания о наших неудачах в мировых первенствах в Швеции и Чили. Как же будет играть наша сборная? Ведь голубая команда — одна из сильнейших команд в мире.

Свисток. Понедельник вводит мяч в игру, советские футболисты, пренебрегая разведкой, бросаются в атаку. Стремительно проходит по левому краю невысокий коренастый крепыш Хусаинов, и вот уже завязывается его первая дуэль с капитаном итальянцев Мальдини. Финт, еще финт, неожиданный, резкий, стремительный, и оторопевший Мальдини обойден. Гуарнери вынужден, покинув свое место, спешить к нему на помощь; в образовавшуюся брешь немедленно врывается Понедельник и получает точную передачу от Хусаинова. Сильнейший удар, мяч угрожающе проходит над самой штангой итальянских ворот. Многообещающее начало!

Но быть может, это только удачный эпизод? Нет, ураганная атака советских футболистов продолжается. Оттягиваются назад, на помощь защите, Ривера и Сормани. Не помогает. Неудержимый Хусаинов буквально рвет на части оборону гостей, Иванов, Численко, Понедельник проникают в образовавшиеся пустоты, мяч не раз проходит рядом с боковыми штангами итальянских ворот. Техническое преимущество гостей — а оно несомненно — пасует перед этой стремительной, динамичной игрой, с неожиданными, быстрыми перемещениями, непрерывной сменой тактических комбинаций.

Итальянцы смяты, они только обороняются. И вскоре приходит развязка: Хусаинов издалека бьет по воротам, вратарь отбивает мяч, он отскакивает к игрокам — двум итальянцам и Понедельнику. Ростовчанин, как всегда, начеку. Не успевают итальянцы опомниться, как он мощным ударом забивает гол.

Нужно ли описывать, что творится на трибунах!?

Гости начинают с центра, но советские игроки тотчас же перехватывают мяч и продолжают атаку.

Проходит немного времени, и снова прорывается Хусаинов, обходит Мальдини и Траппатони и посылает мяч в центр Иванову. Вратарь бросается ему в ноги, капитан сборной СССР спокойно, словно на тренировке, выкладывает мяч своему соседу Численко, и тот посылает его в ворота. 2:0!

Итальянцы начинают с центра, но через минуту уже опять кипит борьба у их штрафной площадки.

Я внимательно всматриваюсь в то, что происходит на поле. Есть в игре наших футболистов и еще что-то, кроме быстроты, натиска, разнообразных тактических комбинаций, нечто такое, что отличает ее от игры итальянцев: самоотверженная, самозабвенная готовность отдать все для победы своей команды; и отсюда смелость, мужество, простота, полное отсутствие рисовки. Это идет уже не от футбола, не от тактических систем, не от методов тренировки, это идет от всего строя нашей жизни.

Моя тревога улеглась: советская сборная — команда высокого класса, она может потягаться со сборной любой страны.

* * *

...Мне вспоминается первый матч сборной России 22 августа 1911 года в Петербурге. Лучшие русские игроки встретились с английской командой, готовившейся к Стокгольмской олимпиаде, и проиграли со счетом 0:11. Как говорят футболисты, по голу на игрока.

Большой путь прошел наш футбол с тех пор, и вот в особо отведенной для них ложе я вижу участников этого пути — ветеранов русского и советского футбола, чемпионов разных лет и эпох — Семичастного, Старостиных, Гранаткина, Жибоедова, Чулкова, Аркадьева. Седина посеребрила их головы, но почти все они сохранили спортивную выправку. А вон и профессор неорганической химии Лев Иванович Фаворский, когда-то лучший русский вратарь, мой товарищ по сборной России 1911 — 1912 годов. Постарел Лев Иванович — уже под семьдесят подкатило.

Но память уводит еще дальше, к тем временам, когда никаких сборных команд в России и в помине не было, когда на месте стадиона в Лужниках полого спускались к Москве-реке десятин сорок огородов с разбросанными на них домиками

огородников, когда на Ленинских горах, называвшихся тогда Воробьевыми, на месте высотного здания университета, зеленела роща, где влюбленные студенты встречали рассвет, глядя, как в первых лучах солнца загораются купола сорока московских церквей и шпили кремлевских башен; а неподалеку от рощи стояли деревянные двухэтажные трактиры с отдельными кабинетами, где кутили московские купцы.

Спортивной прессы не существовало, общая печать таким «пустякам», как спорт, не уделяла ни строчки. Для футбола, как и для других видов спорта, это было время изустных преданий.

Помню, как летом 1903 года я ехал на велосипеде по твердым утоптанным дорожкам в подмосковной дачной местности Быко□во. Огромные сосны выпускают из-под заборов на дорожку толстые змеи корней, и на них, если ехать медленно, приятно потряхивает в седле. Я тороплюсь на футбольный матч. Пересекаю железнодорожный переезд и по пыльной улице добираюсь до большого ровного поля, где в наши дни приземляются воздушные лайнеры. Поле покрыто вытоптанной травой, глубокие колеи проезжей дороги пересекают его по диагонали. Часть поля огорожена канавками, заменяющими боковые и лицевые линии. Ворота состоят из трех жердей, сеток нет.

Футболисты переодеваются, сидя прямо на земле. Это наша команда «Быково» и гости из Сокольников, две единственные русские футбольные команды в Москве. В Сокольниках, на Ширяевом поле, есть площадка и даже ворота с сетками, правда, не веревочными, а сплетенными из узких жестяных полос. Думается, что это была единственная в то время пара футбольных ворот в Москве.

Мы, мальчишки, с благоговением смотрим, как игроки натягивают «настоящие» бутсы с шипами на подошвах, завязывают их длинными крепкими шнурками, перехватывая крест-накрест подъем и лодыжки, закладывают под чулки щитки, чтобы защитить голень от ударов. Ни одна подробность не ускользает от жадного мальчишеского внимания. Тут же поблизости лежит на земле новенький, блестящий, туго набитый мяч!

Быко□вцы, как и ширяевцы, — представители первого поколения русских футболистов, предтечи тех, кто сегодня, через 59 лет, 13 октября 1963 года, защищает в Лужниках спортивную честь Советского Союза против сборной Италии. Запомним их имена — они это заслужили. Быко□вцы — братья Виктор и Роман Серпинские, Саша Скорлупкин, вратарь Баньолесси, высокий стройный, черноволосый, ширяевцы — вездесущий центральный

полузащитник Машин и братья Розановы, Федор и Петр, рослые, крепкие — вот и все, кого я сейчас могу припомнить.

Как зародился футбол в Москве? От англичан, служивших на московских фабриках инженерами, бухгалтерами, конторщиками, или был завезен из Петербурга, где он появился уже в 1897 году? Трудно сказать, но одно несомненно: в Россию, как и в другие страны Европы, он проник из Англии. Недаром 26-го октября 1963 года, в столетний юбилей этой игры, именно английской национальной сборной была предоставлена честь выступать против сборной команды мира.

Ровно сто лет назад, 23 октября 1863 года, в маленькой лондонской таверне на Куинс-стрит собрались представители клубов и школ, практиковавших футбол, и после жарких споров разделились на две группы — сторонников игры только ногами и сторонников игры и руками и ногами. Первые разработали правила, которые легли в основу современного футбола и основали Английский футбольный союз, вторые стали родоначальниками игры в регби.

Вскоре предприимчивые английские дельцы почуяли, что футбол, быстро завоевавший популярность, может стать доходным предприятием, и уже в 1885 году в Англии появились первые профессиональные команды. А затем футбол перешагнул через Ламанш. Английские моряки, коммерсанты, инженеры занесли его к своим ближайшим соседям — в Данию, Голландию, Францию, Испанию; и футбольная «эпидемия» охватила Европу.

Но вернемся к скромному быко□вскому полю, на котором уже идет ожесточенное сражение. Мы, мальчишки, стоим у ворот и «болеем», страстно болеем за «наших», чье футбольное искусство, довольно-таки, как я сейчас вспоминаю, примитивное, кажется нам верхом совершенства. Когда же и нам выпадет счастье надеть футбольные бутсы?

Это счастье пришло скорее, чем мы ожидали: уже следующим летом Саша Скорлупкин, центральный нападающий быко□вцев, организовал две детские команды. Этот невысокий, стройный, голубоглазый паренек, студент-путеец, был, вероятно, первым общественным тренером в Москве в те времена, когда слово «общественный» в современном его понимании еще не существовало и когда о тренерах еще ничего не слыхали. Он обладал двумя незаменимыми качествами — терпением и дружелюбием. Из меня он упорно старался сделать нападающего — эта «должность» уже тогда была дефицитна в русском футболе. Но его старания остались втуне, я был рожден для роли защитника.

Тренировались мы с неутомимым прилежанием, готовы были

бить мяч с утра до вечера. Не осуществилась еще только мечта о настоящих бутсах: играли в чем попало. Когда я разбил вторую пару ботинок, мать отвела меня к сапожнику, и он обшил носки толстой кожей. Получилось нечто по форме похожее на широконосые лапти. Мои сверстники называли их «броненосцы». Вряд ли даже Хусаинов смог бы продемонстрировать в них высокий класс футбольной техники.

А затем мне вспоминается четвертый класс Медведниковской гимназии, куда я поступил в 1904 году.

Во дворе школы были установлены футбольные ворота, и здесь ежедневно во время большой перемены шли ожесточенные баталии. Осенью и весной играли мячом, зимой двор заливался, и мяч заменяла небольшая деревянная шайба.

Но вот начинались каникулы, и футбол перекочевывал в дачные местности. С каждым годом росло количество команд. Играли уже не только в Быко□ве, но и в Малаховке, Томилине, Краскове, не только по Казанке, но и по Северной, Нижегородской, Николаевской, Брестской дорогам.

Команды выезжали для соревнований в соседние дачные местности, вместе с ними, занимая несколько вагонов в медлительном дачном поезде, приезжали болельщики. И хотя в то время этого слова еще не существовало, на футбольных полях с канавками вместо линий и воротами без сеток бушевали те же страсти, что и на стадионе в Лужниках.

Гимназистом старших классов я был принят в команду «Быко□во», где играли пионеры русского футбола, войдя, таким образом, в число игроков второго его поколения.

Главным нашим соперником был кружок футболистов Мамонтовки, дачной местности по Северной дороге.

Организовал мамонтовский футбольный кружок доктор Сергей Миронович Никольский, большой энтузиаст физической культуры, один из немногих врачей того времени, понимавших ее ценность и значение. Он был капитаном команды и играл в ней правым защитником. Среди игроков он пользовался большим авторитетом и уважением, и они охотно несли дополнительную нагрузку, подстраховывая своего капитана, который в сорок с лишним лет был, конечно, не «на высоте».

Каждый год в мамонтовской команде играли один или два английских офицера из частей, расположенных в Индии. Эти офицеры приезжали в Москву для изучения русского языка — такова была, во всяком случае, официальная цель командировки — и летом жили на даче в Мамонтовке. Участие англичан наложило отпечаток на стиль игры мамонтовцев, особенно в нападении: оно отличалось сыгранностью, точной низовой

распасовкой и сильными ударами по воротам.

Красивая и корректная игра принесла мамонтовцам большую популярность. Нигде так страстно не болели за свою команду. Футболисты были кумирами дачных барышень. В дни соревнований уютное мамонтовское поле в березовом лесу было окружено густой толпой зрителей не только из близлежащего дачного поселка, но и с соседних станций и окрестных деревень. Так было и в тот осенний день 1910 года, когда мы, быко□вцы, приехали в Мамонтовку и впервые развенчали мамонтовцев на их поле.

Начало соревнования не предвещало нам ничего хорошего. С первых же минут мы были прижаты к своим воротам и долго не могли «выйти на оперативный простор». Когда же это, наконец, нам удалось, счет был 2:0 в пользу наших противников.

Во втором тайме наш вратарь Кудрявцев, отчасти виноватый в пропущенных голах, обрел свое обычное спокойствие и спас наши ворота от нескольких «мертвых» мячей. А затем наш полузащитник издалека послал мяч в ворота мамонтовцев. Вскоре мы забили второй гол. Незадолго до конца игры прорвался Скорлупкин и спокойно, не торопясь, «положил» мяч в нижний угол мамонтовских ворот. Счет стал 3:2 в нашу пользу. Верная, казалось бы, победа оборачивалась для мамонтовцев поражением, первым поражением на их поле. И тут они начали поистине дьявольскую атаку. Стиснув зубы, мы пытались удержать преимущество.

Моим непосредственным противником был левый полусредний Федор Розанов. Из всех полусредних, против которых мне приходилось играть, он был одним из самых трудных. Одного роста со мной, сильный, быстрый, напористый, умевший вести мяч, почти не отпуская его от ноги, отлично сыгранный со своим соседом, центральным нападающим Евгением Никольским, он заставлял меня напрягать все силы, чтобы не дать ему прорваться. Это была непрерывная, жесткая, изматывающая борьба.

...Итак, мы вели 3:2, и мамонтовцы штурмовали наши ворота, во чтобы то ни стало стремясь отыграться. Но Кудрявцев, казалось, решил искупить свою вину в первом тайме и брал один «мертвый» мяч за другим.

Время игры истекало. На последних минутах Розанов сильнейшим ударом пробил в «девятку». Я уже видел, как мяч входит в верхний угол ворот, но Кудрявцев, распластавшись в немыслимом прыжке, выбил его на угловой.

Мяч был подан прямо на ворота. Никольский, Розанов и я потянулись к нему в одновременном прыжке. Мы столкнулись в

воздухе, но мне удалось опередить их на мгновение, и мяч ушел в поле. И тут же раздался свисток. Игра была окончена. Под испепеляющими взглядами болельщиков мы направились к густым кустам, заменявшим раздевалку.

Вскоре мамонтовцы взяли у нас реванш: выиграли в Быко□ве ответную встречу со счетом 3:1. Эти две игры показали, что дома стены не всегда помогают.

2

Первые футбольные клубы в Москве. — Первый осенний розыгрыш московского первенства. — Рождение спортивной прессы. — Первая междугородняя встреча московских футболистов.

1909 год бы важной вехой в истории московского футбола: из дачного он становится городским.

Футбольные команды превращаются в футбольные клубы, впервые разыгрывается первенство города по твердому календарю, в первых междугородних встречах кладется начало футбольному соперничеству Москвы и Петербурга, рождается спортивная пресса, на ее страницах появляются первые, еще робкие, по-дилетантски написанные отчеты о футбольных соревнованиях.

Немногочисленны были участники первого первенства Москвы, которое проводилось осенью в один круг. Их было всего четыре: Сокольнический клуб спорта (СКС), «Унион», Клуб спорта Орехово (КСО) и Британский клуб спорта (БКС).

СКС существовал уже несколько лет, в нем культивировался теннис и хоккей.

В 1909 году в клубе сооружается первое в Москве футбольное поле почти международных размеров с травяным покровом и трибунами в виде нескольких рядов скамеек.

«Унион» обосновался в Самарском переулке, также соорудив поле с травяным покровом, хотя несколько меньших размеров.

Оба клуба были основаны на средства меценатов: председателем Сокольнического клуба спорта (СКС) был владелец шелкоткацкой фабрики француз Мусси, почетным секретарем — хозяин большого ювелирного магазина Роберт Федорович Фульда, председателем «Униона» — биржевой маклер Миндер. Как видно из этих имен, спортивными меценатами были преимущественно иностранцы.

Иначе обстояло дело с созданием спортивного клуба в Орехово-Зуеве на ткацких фабриках Викулы Морозова. Здесь организаторами были профсоюзные работники и англичане, служившие на фабриках инженерами и мастерами. Вскоре в Орехово образовалось больше двадцати команд из фабричных

рабочих. В 1910 году там был открыт стадион, живописно расположенный в сосновом лесу, с прекрасным полем, настоящими трибунами и хорошей раздевалкой. На нем ежегодно разыгрывалось первенство орехово-зуевской футбольной лиги.

Клубу спорта Орехово (КСО) суждено было сыграть большую роль в истории московского футбола; в течение четырех лет до первой мировой войны он неизменно выигрывал звание чемпиона Москвы.

Четвертым участником первенства был Британский клуб спорта. Московские англичане уже несколько лет назад организовали на Салтыковской улице спортивный клуб и там за глухим забором разыгрывали между собой товарищеские встречи по футболу и теннису. Чтобы принять участие в общемосковских соревнованиях, им пришлось мобилизовать все футбольные ресурсы английской колонии. Не осталась в стороне даже англиканская церковь: правым защитником в команде БКС был пастор Даун. Впрочем, удивляться не приходится: играл же в Лондоне один из архиепископов кентерберийских вратарем.

Секретарь СКС Фульда пожертвовал для розыгрыша первых команд кубок — первый футбольный кубок в Москве.

Вместе с еще несколькими быковцами я вошел в команду СКС. В ней приняли участие также ширяевцы и мамонтовцы. В команде объединились игроки первого и второго поколения московского футбола. Вратарем у нас играл Владимир Виноградов, защитниками — Петр Розанов и я, полузащитниками — Павел Виноградов, Парфенов и Константинович, нападающими Вентцелли, Роман и Виктор Серпинские, Скорлупкин и Федор Розанов.

Впервые начались регулярные тренировки. Два раза в неделю я садился со своим чемоданчиком на Арбате в трамвай; по вымощенным крупным булыжником улицам громыхали обитые железными обручами колеса извозчичьих пролеток и ломовых телег. Над витринами магазинов висели аляповатые вывески с фамилиями владельцев. На Арбатской площади, против церкви Бориса и Глеба, стоял усатый городовой, всегда один и тот же, в фуражке, белой рубашке, с шашкой на боку. Охотный ряд встречал нас приземистыми лабазами. Краснощекие приказчики — их тогда называли «молодцами» — в белых фартуках и кожаных черных лакированных манжетах поверх рукавов заманивали покупателей.

У Красных ворот посреди площади высились вполне реальные каменные ворота, вернее, высокая массивная арка, выкрашенная в красный цвет. Проехав под ней, трамвай спускался на Каланчовскую площадь с ее привокзальной сутолокой. Отсюда

длинная прямая Каланчовская улица вела в Сокольники.

Я слезал у Сокольнической пожарной каланчи. Ноги сами несли меня к калитке в зеленом заборе, из-за которого долетал упругий, манящий звук: мои товарищи по команде били мяч. Через несколько минут я уже выходил на поле в футбольном костюме, испытывая ни с чем не сравнимое чувство легкости и мышечного нетерпения. Каждая жилка во мне играла, каждый мускул просил работы. Дорого бы я дал, чтобы еще раз пережить это чувство!

Нарочито медленно и небрежно спускался на поле и, ощущая, как мягко уходят в грунт шипы бутс, становился позади тренирующихся форвардов. Кто-нибудь из них откатывал мне мяч, я разбегался и бил по мячу, бил из всех сил, испытывая чувство полной мышечной разрядки. Думается, ни одно спортивное упражнение не может в этом отношении сравниться с ударом по мячу в футболе. Движение метателей в легкой атлетике, смеш в теннисе слишком сложны технически, и эта сложность отвлекает внимание спортсмена; боксер, нанося удар, должен думать о защите, пловец скован тяжелым, вязким сопротивлением воды.

В ударах по воротам, да и в игре между первой и второй командами заключалась вся наша тренировка. О легкоатлетических упражнениях, о специальной спортивной гимнастике, о разучивании технических приемов и тактических комбинаций, о сыгрывании отдельных звеньев команды мы не имели понятия. Да и откуда нам было знать, как надо тренироваться? Пример брать было не с кого, тренеров и методических пособий у нас не существовало.

23-е августа 1909 года надо считать знаменательной датой в истории московского футбола: в этот день состоялись первые календарные встречи первого розыгрыша футбольного первенства Москвы. Наш клуб играл с Британским клубом спорта. Мы проиграли со счетом 2:3.

Ясно помню один из эпизодов этого соревнования. Мяч был послан через меня к нашей лицевой линии, и Нэш, левый крайний нападающий англичан, устремился за ним. Я бежал рядом, отстав на полшага. Нэш замахнулся, чтобы пробить с полулета по снижающемуся мячу и послать его к нашей штрафной площади. Я мог дотянуться до мяча и прижать его подошвой, но не сделал этого: был уверен, что Нэш не поспеет к мячу, что он уйдет в аут. Однако я ошибся на долю секунды: в то мгновение, когда мяч коснулся лицевой линии, Нэш точным ударом направил его к нашим воротам, и центральный нападающий БКС Джонс молниеносно забил гол. До сих пор

помню отрывистый удар мяча о доску в глубине ворот, за которую крепилась сетка, укоризненный взгляд нашего вратаря Виноградова, охватившее меня жгучее чувство стыда за свою оплошность. С тех пор я всегда предпочитал играть наверняка, а не заниматься сомнительными расчетами секунд. Каждый матч по-своему поучителен...

...За два месяца до начала розыгрыша, 29-го июня, произошло событие, знаменательное не только для московского, но и для всего русского спорта: после нескольких лет перерыва снова стал выходить еженедельный журнал «Русский спорт», орган российских коннозаводчиков. В нем печатались родословные и фотографии знаменитых скакунов и рысаков, портреты их владельцев в роскошных шубах, сюртуках и мундирах, известных наездников и жокеев, объявления о скачках и бегах, занимавшие несколько страниц с таблицами выдач по тотализатору, описания бесчисленных в то время авиационных катастроф, фотографии «мировых» чемпионов профессиональной борьбы, подвизавшихся в летних садах «Аквариум» и «Эрмитаж», рекламы разных торговых фирм, А на задворках журнала можно было найти скромные, в несколько строчек заметки под заглавием: «Фут-боль», «Лаун-теннис», «Сокольская гимнастика», «Гребля в императорском речном яхт-клубе».

Почему же нельзя было приступить к изданию спортивного журнала в современном понимании этого слова? Очень просто: спорт не был еще достаточно распространен, и журнал не нашел бы сбыта.

С большим интересом перелистываешь комплекты «Русского спорта» старых лет. На их потемневших страницах читаешь летопись младенческих времен нашего физкультурного движения и видишь фотографии его пионеров. Трогательно и немного наивно выглядят эти борцы-любители и гимнасты, стоящие в лихих позах, лыжницы, теннисистки и велосипедистки в длинных широких юбках, кофтах и громоздких шляпах.

А чего стоят разного рода сенсационные заметки и сообщения!

Вот, например, фотография коренастого, дикого вида мужчины с горящими глазами и длинными до плеч волосами, перепоясанного широким кушаком с огромными металлическими бляхами.

«Паван Билль — гражданин мексиканской республики», — гласит подпись под фотографией. — «Борется сейчас в Петербурге, скоро приедет в Зоологический сад. На родине славится как выдающийся — без промаха — стрелок и как лихой наездник. Известен еще оригинальным трюком: бросая вверх

семипудовую гирю, ловит ее головой».

В каждом номере много реклам. Они составляли основную доходную статью журнала. Никакого отношения к спорту эти рекламы не имели, но зато ярко живописали некоторые стороны жизни царской России.

«Радостная весть для каждой читательницы нашей газеты — 2000 пакетов «Альбиколы», — вещает некая Рита Нельсон. — «Альбикола» помогает от недомогания почек и печени, расстройства пищеварения, слабости сердца и легких, катара, болей внизу живота и т. д. и т. д.

Требуйте пробный пакет с приложением двух семикопеечных марок».

Под текстом изображение неизвестной женщины в трех периодах ее жизни: изможденной и худой до приема знаменитой «Альбиколы», сильно пополневшей во время лечения и цветущей, радостно улыбающейся — после курса.

Не было и, конечно, не могло быть в те времена спортивной журналистики: отчеты и заметки в первые годы существования «Русского спорта» написаны наивно по форме и содержанию.

Вот как, например, отражена в 10-м номере «Русского спорта» от 30 августа 1909 года упомянутая встреча между БКС и СКС.

«Атака была начата англичанами, и очень энергично, что немного обескуражило СКС и дало возможность англичанам через пять минут вбить первый гол. Не спас даже В. Виноградов, замечательно отбивший за момент до этого летевший мяч. Затем перед самым перерывом СКС удается вбить гол англичанам, таким образом, до перерыва игра выразилась 1:1. Было довольно жарко, спортсмены страдали, в особенности СКС, которому пришлось играть против солнца, что значительно парализовало главную силу его голкипера».

А вот несколько строк из статьи о тактике игры защитников, называвшихся тогда беками.

«Бек не только должен обладать физическими качествами для того, чтобы парализовать натиск нескольких быстро нападающих игроков противной стороны, но он должен еще уметь ловким движением уходить от них.

О быстроте: не обладающий этим качеством только облегчает задачу нападающих, которым тогда очень легко ускользнуть от бека или же пробежать мимо него.

Между беком и голкипером должно существовать, так сказать, духовное общение, взаимное понимание, так как часто случается, что, благодаря этой солидарности действий, предупреждается почти верный проигрыш».

Сейчас эти строки могут вызвать улыбку. Но прокладывать

лыжню по целине всегда трудно...

В последние годы перед первой мировой войной мы уже видим таких энтузиастов, как М. Якушев, чьи статьи и отчеты интересны и носят зрелый характер.

Под каждым номером «Русского спорта» стоит подпись: «Редактор-издательница Л. В. Ковзап». Итак, первый русский спортивный журнал, выходивший еженедельно на 16—20 страницах большого формата, с многочисленными фотографиями, вела женщина. Только через четыре года она уступила функции издателя некоему Юзбашеву, оставив за собой редактирование.

Судя по заметке в 29-м номере «Русского спорта» за 1911 год, эта «первопечатница» русской спортивной журналистики отличалась не только незаурядной предприимчивостью, но и хорошо понимала дух эпохи.

Вот эта заметка:

«Издательница журнала «Русский спорт» г-жа Ковзан всеподданнейше поднесла Его Императорскому Величеству комплект журнала за 1910 год. Подарок доставлен по высокому назначению. Государь Император соизволил передать через канцелярию двора Его Величества г-же Ковзан благодарность».

Журнал «Русский спорт» рос из года в год по мере того, как развивался в России спорт. Маленькие спортивные рубрики превращались в солидные отделы, появилась зарубежная спортивная хроника. Рысакам и коннозаводчикам, жокеям и «черным маскам» пришлось потесниться и уступить спорту добрую половину площади в журнале.

Любопытно также проследить, как менялся характер реклам. Разные Риты Нельсон и знаменитое лечебное вино Сен-Рафаэль, «лучший друг желудка», уступают место рекламам спортивных фирм. Появляются объявления о теннисных ракетках, прессах, мячах, сетках, столбах, оборудовании для спортивных площадок братьев Цыганковых, талантливых кустарей, чьи изделия могли соперничать с лучшим импортным спортивным инвентарем; магазин Мюр и Мерилиз предлагает широкий ассортимент спортивных товаров, завод Меллера рекламирует велосипеды «Дукс» русского производства, фехтовальный зал Житкова предлагает уроки гимнастики и фехтования, манеж Гвоздева — уроки верховой езды, издательства начинают выпускать руководства по лыжам, конькам, гимнастике, джиу-джитсу. Значительно слабее была представлена литература по футболу. Это побудило меня совместно с моим товарищем по команде СКС Папмелем перевести с английского книгу «Football association». На ее страницах семь самых знаменитых английских

профессиональных футболистов: вратарь, защитник, центральный и крайний полузащитники, центральный, полусредний и крайний нападающие — рассказывали о том, как они тренируются и играют. Книга была издана в 1912 году владельцем спортивного магазина Битковым, тем самым, о котором пишет в своих воспоминаниях Андрей Старостин. Это он, Битков, коммерсант и вместе с тем бескорыстный любитель спорта, продал Николаю Старостину, тогда еще начинающему футболисту, бутсы, стоимостью в пять рублей семьдесят копеек, за четыре тридцать. В ту минуту у Николая больше не было денег. Видя его отчаяние, Битков, почесав затылок, с азартом крикнул:

— Забирай бутсы! Может, из тебя не только футболист, но и человек выйдет!

Наш перевод он издал отлично: на плотной глянцевой бумаге четким, красивым шрифтом. Один экземпляр до сих пор хранится у меня. Иногда я беру его в руки, перелистываю и вспоминаю «дела давно минувших дней», а в 1962 году я отметил пятидесятилетний юбилей этой книги.

1909 год ознаменовался не только первым календарным первенством, не только выходом в свет журнала «Русский спорт», но и первыми междугородними соревнованиями.

В сентябре СКС выехал в Петербург для встречи со сборными города. На выигрыш надеяться не приходилось: в царской столице уже с 1901 года существовала футбольная лига. Она объединяла двенадцать клубов, Было бы разумнее встречаться не со сборными, а с клубными командами, тем более, что нам еще не приходилось играть на поле международных размеров.

Встречу с первой сборной мы проиграли со счетом 1:7, со второй — 0:3. У этой мы могли бы выиграть, но петербуржцы применили военную хитрость: после первой игры закатили великолепный банкет, на который, однако, не допустили игроков своей второй сборной. Это было для нас хорошим уроком, — навсегда запомнилась непреложная истина: даже небольшая доза алкоголя отражается на игре.

Преимущество петербуржцев сказывалось больше всего в слаженной и точной игре нападающих, среди которых выделялись сильные игроки: Никитин, Егоров, Сорокин. Лучше всех был, пожалуй, центральный полузащитник Хромов, единственный в то время русский полузащитник, умевший точно, низко и разнообразно распасовывать мяч своему нападению.

В конце сентября английская сборная Петербурга приехала в Москву для встречи с СКС.

Игра началась несколько необычно: сразу же после свистка судьи центральный нападающий петербуржцев Монро издалека

несильно пробил по воротам. В это время наш вратарь, запоздавший со своим спортивным «туалетом», еще только натягивал перчатки и пропустил нетрудный мяч. Так, по его небрежности петербуржцы уже на первой минуте повели 1:0.

Такое начало сразу обострило игру. Мы старались сравнять счет, англичане делали все, чтобы развить успех.

Особенно опасными были прорывы Монро. Овладев мячом, он стремительно мчался с ним к нашим воротам, сметая все и всех со своего пути, не щадя живота своего, а заодно и нашего. Как снаряд, врезался он в Розанова, в меня, в нашего центрального полузащитника Парфенова и нередко сбивал нас с ног. Да он и был похож на снаряд — невысокого роста, плотный, круглый. Это был первый игрок таранного типа, с которым мне пришлось встретиться.

На этот раз, однако, Монро не повезло: Розанов и я с нашими девяносто килограммами веса и Парфенов, жилистый, костлявый, состоявший, казалось, из одних острых углов, весьма «неприятный» при столкновениях, были для маленького петербуржца непреодолимым препятствием.

Это была одна из тех встреч, где до последней минуты нельзя предсказать результата, настолько равной была борьба. Незадолго до конца игры Скорлупкину удалось обвести центрального полузащитника англичан Станфорда, техничного и изящного игрока, и сквитать счет. И все же петербуржцы едва не добились победы: Монро, наконец, прорвался и устремился с мячом к нашим воротам. Я преследовал его, отстав на полшага. Когда он вошел в нашу штрафную площадь и замахнулся для удара, я, опередив его на долю секунды, выбил мяч за боковую линию.

С почетным для нас счетом 1:1 окончился этот матч с сильнейшей петербургской командой.

Любой игрок, вписавший свое имя в летопись большого футбола, назовет вам соревнование, в котором впервые неожиданно для зрителей, товарищей по команде, для него самого раскрылась полная мера его умения и таланта, соревнование, после которого его право на место в сборной города или страны стало бесспорным. Таким соревнованием была для меня игра против петербургских англичан.

3

Новые футбольные клубы и поля, новое поколение футболистов. — Демократизация московского футбола. — В муках рождается футбольная лига. — Морозовцы — первые чемпионы Москвы. — Первая международная встреча.

Если в 1909 году московский футбол встал на ноги, то в 1910 году он далеко шагнул вперед. Организуются новые клубы: «Кружок футболистов Сокольники» (КФС) на Ширяевом поле, Замоскворецкий клуб спорта (ЗКС), арендовавший участок на Даниловской улице, Московский клуб лыжников (МКЛ) на Ходынке. К концу сезона дачная команда в Новогирееве превращается в спортивный клуб под тем же названием. Не богатые меценаты, а служащие и студенты стояли во главе этих клубов. КФС организовал Андрей Иванович Вашке, сам игравший в первой команде, и студент Саша Филиппов, центр нападения; председателем ЗКС был ткацкий мастер Бейнс, пожилой англичанин, простой, добродушный, с седыми серповидными усами; во главе МКЛ стояли Булычев и Дубинин, в «Новогирееве» заправляли Вайнтрауб и игравший в первой команде Борис Чесноков.

Совсем по-другому складывались и отношения между руководителями этих клубов и игроками — не было между ними той грани, которую мы, СКС-овцы, всегда ощущали. Игроки принимали участие в выборных органах клуба, в его хозяйственных делах.

В новых клубах выросло третье поколение русских футболистов, поколение, создавшее преемственность русского и советского футбола. Замоскворецкий клуб спорта ЗКС передал советскому футболу таких мастеров, как вратарь Баклашев, защитник Сергей Сысоев, полузащитники Константин Блинков и Михаил Романов, нападающие Житарев, Шурупов, Сергей Романов. Из «Новогиреева» пришли в советский футбол Павел Канунников, Петр Артемьев, братья Чесноковы, Сергей Бухтеев, Цыпленков, Троицкий. Многие из них в первое десятилетие советского футбола входили в состав сборной Москвы и РСФСР.

Баклашев, высокий стройный блондин, был одним из первых русских вратарей, которые ловили мяч руками, а не отбивали его

кулаком, как это делали Виноградов и Кудрявцев. Баклашев был одинаково хорош и на высоких, и на низких мячах.

Великолепным техником был центральный полузащитник ЗКС Константин Блинков. Он отлично владел всеми видами остановки мяча, его передачи были остры и точны. В годы после первой мировой войны я играл вместе с ним в команде ЗКС. Помню такой эпизод: высокий мяч опускался перед ним на землю. И в то же время его стремительно атаковал противник. Не оборачиваясь, не глядя на меня, стоявшего за ним, Блинков остановил мяч так, что он от его ноги пошел назад прямо ко мне.

Братья Романовы отличались неисчерпаемой энергией, натиском, самоотверженностью. Михаил играл левым полузащитником, Сергей — левым нападающим. Вместе с левым полусредним Житаревым они составляли мощное крыло нападения, которое способно было измотать любую защиту.

Правый полусредний ЗКС Шурупов, атлетически сложенный, напоминал по манере игры прославленного впоследствии Михаила Бутусова. Он таранил защиту и сильно, и плассированно бил по голу.

Большой след в истории русского и советского футбола оставил левый полусредний «Новогиреева» Павел Канунников, неоднократно входивший в состав сборных команд Москвы и РСФСР. Среднего роста, коренастый, с быстрым сильным ударом, он был очень труден для защитников. Столкнуть его было невозможно. Он словно врастал в землю на своих толстых с массивной мускулатурой ногах.

ЗКС построил на Даниловской улице первый в Москве стадион с беговой дорожкой и настоящими трибунами.

Появление новых клубов, оборудование новых полей повело к тому, что московский футбол окончательно перестал быть дачным футболом и стал городским. Главными событиями футбольного сезона были теперь весенний и осенний розыгрыши первенства Москвы; дачный футбол постепенно отошел на второй план, хотя и продолжал развиваться, захватывая новые дачные местности и организуясь в футбольные лиги железных дорог — Казанскую, Ярославскую, Александровскую, Нижегородскую, Николаевскую.

Рост числа футбольных клубов настойчиво требовал их организационного объединения, и 12-го июня 1910 года, после длительных и тяжелых потуг, рождается, наконец, московская футбольная лига; в Петербурге лига к этому времени существовала уже 9 лет. В обеих лигах, как впоследствии и во Всероссийском футбольном союзе и Всероссийском олимпийском комитете, верховодили, к сожалению, меценаты-иностранцы.

Председателем московской футбольной лиги был тот же Мусси, товарищем председателя — Фульда, казначеем — Миндер. Это повлекло за собой футбольный сепаратизм и пренебрежительное отношение к периферийному футболу, к киевлянам и одесситам, и сыграло не последнюю роль в наших неудачах на Стокгольмской олимпиаде.

2-го июня, в день организации футбольной лиги, был утвержден и календарь осеннего первенства Москвы. В первой группе на кубок Фульда играли СКС, КСО, ЗКС, КФС и «Унион».

В каждый календарный день одна из пяти команд оказывалась свободной и играла товарищескую встречу о БКС, который, хотя и вошел в лигу, но от участия в первенстве отказался.

Поскольку англичане не участвовали в розыгрыше, фаворитом считался наш клуб СКС. Мы и сами надеялись стать чемпионами Москвы.

Результаты первого круга превратили нашу надежду в уверенность. Мы выиграли все четыре соревнования, нанесли поражение нашему главному сопернику КСО со счетом 6:2, забили 24 мяча, пропустили восемь. Кубок Фульда, казалось, был уже у нас в руках. Но второй круг принес нам горькое разочарование. Мы «споткнулись» в первой же игре против ЗКС со счетом 3:5. Следующую встречу с КФС мы выиграли.

3-го октября мы выехали в Орехово-Зуево для встречи с морозовцами. Обе команды имели к этому времени по десять очков, но у нас была лишняя игра в запасе.

Стадион был заполнен до последнего места. Деревья вокруг него превратились в дополнительные трибуны, Как непохожи были орехово-зуевские болельщики в рабочих куртках и рубахах, в картузах и смазных сапогах на чистую московскую публику в пальто и котелках! И с каким энтузиазмом встретили они своих игроков, когда те выбежали на поле для разминки! Вот где черпали морозовцы резервы, вот кто помог им стать лучшей московской командой довоенных лет и четыре года подряд выигрывать кубок Фульда.

Мы сразу поняли, что игра предстоит трудная, что силы противника будут удвоены моральной поддержкой зрителей. Но хуже всего было то, что футбольная лига, в нарушение всех правил, назначила судьей на нашу встречу члена КСО Олдфильда. Необходимости в этом не было никакой: у лиги имелись такие испытанные судьи, как А. Н. Шульц, Белл и особенно И. И. Савостьянов, пользовавшийся непререкаемым авторитетом за свое безупречное судейство и большой такт в обращении с игроками. Именно его и надо было назначить судить

решающую встречу первенства.

Редко приходилось видеть, чтобы «свой» судья судил удачно: либо, опасаясь быть или казаться пристрастным, он «зажимает» своих, либо, если он проще смотрит на дело, подсуживает своей команде.

Олдфильд принадлежал к последней категории. С первых же минут мы убедились, что играем не против одиннадцати, а против двенадцати противников. При любом столкновении назначался штрафной против нас, заведомые свободные удары оказывались «корнерами», выбрасывание из-за боковой линии стало незыблемой привилегией морозовцев. Мы играли, в буквальном смысле стиснув зубы, с трудом сдерживая накипавшее негодование. Даже правильные решения судьи казались нам предвзятыми. Как всегда в таких случаях, игра стала грубой. Наконец, когда Олдфильд после моего очередного столкновения с Вильямом Чарноком явно вне штрафной площади назначил в наши ворота одиннадцатиметровый, я увел команду с поля. Мы согласились продолжать игру лишь после того, как пенальти был отменен.

КСО выиграл со счетом 7:2. Хозяева поля играли с большим подъемом и превосходили нас сыгранностью и точностью распасовки. Сильно провел встречу Вильям Чарнок, забивший три мяча. И все-таки кто его знает, как сложилась бы игра с другим судьей? Ведь проиграли же морозовцы месяц тому назад на нашем поле со счетом 2:6. Судил тогда Савостьянов, и, как всегда, судил безукоризненно.

Поданный нами в лигу протест был отклонен. Теперь КСО, сыгравший все свои встречи, имел двенадцать очков, на два очка больше нас. Нам предстояло еще играть с «Унионом». Победа с преимуществом в три мяча выводила нас на первое место. Такой результат казался вполне возможным: после семи игр «Унион» вписал себе в таблицу семь нулей.

Легко себе представить, какую психологическую обработку каждого игрока провели бы тренеры и начальники команд «Спартака» или «Динамо» при такой ситуации. Но мы в то время не знали никаких обработок. Тренеров не было, а роль капитана сводилась к подписыванию протоколов, пожиманию руки судьям и выбору стороны поля. Сомневаюсь даже, сделал ли кто-нибудь из нас подсчет забитых и пропущенных мячей, чтобы выяснить, с каким преимуществом нам надо выиграть у «Униона». И случилось то, чего никто не ожидал: мы проиграли аутсайдеру и не только не вышли на первое место, но и уступили второе ЗКС.

В чем была причина нашей неудачи? Теперь, когда я уже шестьдесят лет слежу за футболом, мне нетрудно ответить на

этот вопрос: команда нуждалась в омоложении. Часть игроков, особенно нападающие, перешли зенит своей спортивной формы. Но заменить их было некем: игроки второй и третьей команд были еще слабее.

Омоложение команд даже теперь, при наличии дубля и молодежной команды, при возможности черпать игроков из класса «Б», — процесс длительный и трудный. Тренер не сразу замечает, что некоторые «звезды» в команде начинают тускнеть. Затем надо найти замену и преодолеть сопротивление других игроков, которые чувствуют, что скоро и им придется пересесть на скамью запасных. Наконец, требуется время, чтобы новый игрок приигрался к команде, усвоил ее стиль.

Примером всех этих трудностей может служить затяжной «кризис» московского «Спартака». Выиграв в 1958 году первенство и кубок, он в последующие годы оказался в середине таблицы, приводя в трепет и отчаяние миллионы своих болельщиков.

Помнится, встретился я как-то в ту пору с начальником команды Николаем Старостиным. Он постарел, похудел, осунулся.

— Что с вами, Николай Петрович, больны? — спросил я.

— Нет, Михаил Давидович, здоров.

— В чем же дело?

— Очков мало...

Отсутствие полноценных резервов повело к тому, что наша команда с каждым годом спускалась на ступеньку ниже в таблице розыгрыша, уступая более молодым командам ЗКС и КФС.

Сезон 1910 года ознаменовался в Москве международным матчем. Осенью в Россию приехала чешская команда «Коринтианс», в составе которой было шесть игроков знаменитого пражского клуба «Славия». Не следует удивляться, что команда, состоявшая из игроков чешских клубов, выбрала себе английское название: в то время так обычно поступали зарубежные сборные команды, отправлявшиеся в поездки. Чехи приехали после успешного турне по Европе, овеянные славой одержанных побед. Они выиграли в Петербурге у второй сборной города с убедительным счетом 15:0, проиграли первой сборной города 4:5 и победили сильнейшую петербургскую команду «Спорт», забив 6 «сухих» мячей.

После Петербурга чехи должны были играть в Москве. Футбольная Москва была взбудоражена. Еще бы — первая международная встреча, да еще с таким грозным противником...

Билеты были распроданы за несколько дней, на поле СКС подновляли линии, красили ворота, ставили на них новые сетки.

Что же представляет собой команда «Коринтианс»,

разгромившая сборную Петербурга? Об этом думали мы, которым предстояло скрестить с ней шпаги. Случись это в наше, советское время, в Ленинград были бы посланы наблюдатели, и мы бы уже наперед знали во всех подробностях, с кем нам придется иметь дело. Но тогда о наблюдателях и не слыхали, и чехи после петербургских встреч оставались для нас уравнением с одиннадцатью неизвестными.

Первым пришлось разгадывать это уравнение нам, СКС.

Матч «Коринтианс» — СКС состоялся 8-го октября и кончился победой гостей со счетом 5:1. Впервые увидели мы безупречную сыгранность и точную распасовку. В команде выделялись двухметрового роста вратарь Хайда, левый защитник Веселый, левый крайний Ян и великолепный центр нападения Медек с искусной обводкой и пушечным ударом.

Через два дня на поле СКС вышли команды «Коринтианс» и сборная Москвы, или, по тогдашней терминологии, «Вся Москва». Она состояла... из девяти англичан и двух русских.

Быть может, команда была составлена неправильно? Нет, это был самый сильный состав, который можно было выставить. Просто таково было в то время соотношение сил в русском футболе. Иначе и не могло быть. Московскому футболу исполнилось в ту пору десять лет, в Англии он существовал уже полстолетия. В Москве футбольные соревнования собирали пять-шесть тысяч зрителей, финал кубка Англии смотрели на стадионе в Уэмблее 70 тысяч. В школах и университетах Англии футбол был чуть ли не обязательным предметом. В России бытовала пословица: «У отца было два сына: один умный, другой футболист». Что удивительного, если даже рядовой англичанин, в поисках заработка уезжавший в другие страны инженером, прядильным мастером, бухгалтером, конторщиком, играл лучше, чем местные футболисты. Недаром же сборная олимпийская команда Англии, составленная в основном из студентов Оксфордского и Кэмбриджского университетов, в своем турне по Европе в 1911 году разгромила сборные Германии, Франции, Голландии, Швейцарии с двузначным или почти двузначным счетом...

...Стоял погожий осенний день. Подмораживало. Три тысячи любителей футбола — небывалое для Москвы количество — с нетерпением ждали начала первой международной встречи.

Разминка кончилась, команды заняли свои места. Знакомый холодок предстартового волнения охватил меня сильнее обычного: как сложится игра, поймут ли меня англичане, мои сегодняшние товарищи по команде? Ведь до сих пор я встречался с ними только как с противниками. Лишь вдалеке, на левом краю,

маячил мой одноклубник Федор Розанов. Мои опасения рассеялись после первых же минут. Левый защитник Паркер с его далеким настильным ударом, центральный полузащитник Трипп, долговязый, худой, с жесткими черными как смола волосами, дыбом стоявшими на голове, похожий скорее на испанца, чем на англичанина, розовощекий правый полузащитник Элиссен понимали меня с полуслова. И впервые мне пришлось играть в команде, где нападение было не самым слабым звеном, как в СКС, а едва ли не самым сильным. Трех безупречно сыгранных между собой нападающих из БКС — Уайтхеда, Ньюмана и Джонса — великолепно дополняли на левом фланге Вильям Чарнок и Федор Розанов.

«Вся Москва» выиграла встречу со счетом 1:0, и тогда, после финального свистка судьи, мне казалось, что мы победили по заслугам. Но теперь, когда я вспоминаю эту игру во всех ее подробностях, прихожу к выводу, что ничья или выигрыш чехов со счетом 2:1 больше соответствовали бы соотношению сил. В чем же было дело? В том, что эта встреча показала классический пример «железного» закона спортивной борьбы: тот, кто чрезмерно уверен в победе, почти всегда проигрывает даже более слабому противнику.

После успехов в Европе, разгромных побед в Петербурге, после легкого выигрыша у СКС чехи надеялись так же легко одержать верх над сборной командой Москвы. И в то время, как москвичи играли самоотверженно, выкладывая все силы, боролись за победу, чехи срывали аплодисменты зрителей, демонстрируя эффектный, изящный футбол, точные передачи, красивые удары.

В середине первого тайма мирный ход игры был внезапно нарушен: Розанов, стремительно обойдя правого полузащитника, прорвался с мячом к лицевой линии, послал оттуда простреленную передачу в центр, и Ньюмэн, опередив вратаря и защитника, головой направил мяч в ворота у самой боковой штанги: неожиданный и редкий по красоте гол.

Чехи начали с середины и пытались перейти в атаку. Но «железный» закон продолжал действовать: им не сразу удалось избавиться от своей «настроенности», и до перерыва мы без особого труда сдерживали их атаки.

Совсем иначе пошла игра во втором тайме. Чехов словно подменили. Отбросив рисовку и не думая больше о красоте игры, они упорно стремились к победе, играли резко и подчас грубо. В середине тайма они нащупали наше слабое место: быстрый, шустрый, неутомимый Ян на левом краю измотал нашего полузащитника Элиссена и стал легко обходить его. Мне

приходилось оттягиваться на край, ослабляя нашу защиту в опасной зоне перед воротами. Когда я приближался к Яну, тот, не пытаясь меня обвести, навесным ударом посылал мяч к нашей штрафной площади. Оборачиваясь, я видел, как Паркер и Трипп отчаянно борются против трех нападающих чехов, как оттягивается назад Ньюмэн, чтобы добыть мяч и начать атаку. Тактические связи нашей команды были порваны, мы были прижаты к нашим воротам. Гол назревал. Однако он так и не назрел. В борьбе со мной Ян применил запрещенный прием и сам оказался его жертвой. Когда мы поднялись с земли, чех хромал. Элиссену уже не стоило труда справиться с ним, и я вернулся на свое место. Чехи продолжали атаковать. Теперь они сосредоточили все усилия на том, чтобы вывести на удар Медека. Но Трипп, долговязый, сутулый, нескладный Трипп, вцепился в него, как клещ. Он путался у него в ногах, мешал принимать мяч, не давал бить по воротам. Он преследовал его по пятам, терпеливо снося толчки и удары Медека.

На последних минутах тот все же прорвался. Опередив Паркера и меня, он стремительно шел с мячом к воротам. Только подкатом мог бы я выбить у него мяч, но этого приема тогда никто в футболе не знал. Когда Медек замахнулся для удара, я сделал шпагат и полулежа дотянулся до мяча. Медек ударил — мяч, как пригвожденный, остался на месте, а чех, перекувыркнувшись, влетел в ворота. И тогда я увидел, что Паркер тоже сделал шпагат, и мяч застрял в вершине угла, образованного нашими ногами. Такой случай одновременного шпагата мне никогда больше не приходилось видеть,

Свисток судьи возвестил первую и, увы, единственную в дореволюционные годы победу «Всей Москвы» над зарубежной командой.

«Русский спорт» посвятил этой игре в своем отчете... четырнадцать строчек.

4

Снова международная встреча. — Берлинцы показывают класс игры. — Морозовцы во второй раз выигрывают первенство Москвы. — Футбольные курьезы. — Сильнейшая команда мира выступает в Петербурге.

Международной встречей закончился в Москве футбольный сезон 1910 года, международной встречей начался сезон 1911. Не успело еще как следует просохнуть футбольное поле СКС, не успела окрепнуть на нем весенняя травка, футболисты еще не обновили бутс, а судья уже вызвал из раздевалки русскую сборную Москвы для игры со сборной Берлина.

Не проведя ни одной тренировки, мы выступали против немцев, только что закончивших футбольный сезон (в Западной Европе, как известно, в футбол играют зимой) и находившихся в отличной форме.

Так нередко случалось в те годы, и с этим положением приходилось, к сожалению, мириться. Русский футбол еще не пользовался таким международным авторитетом, чтобы диктовать зарубежным командам сроки встреч. Да и самый футбольный сезон в те времена складывался довольно своеобразно: он начинался весенним первенством в один круг, после которого игроки разъезжались по дачам. Все лето разыгрывалось первенство подмосковных железных дорог; в них команды выступали не в клубных, а так сказать, в территориальных составах. В середине августа начиналось основное соревнование сезона — осеннее первенство Москвы. Оно продолжалось два, два с половиной месяца. Затем обычно игралась какая-нибудь международная встреча, после чего бутсы смазывались жиром, заворачивались в бумагу или тряпку и клались в шкаф до будущей весны. Такая нелепая структура сезона, отнюдь не способствовавшая прогрессу футбола, вызывалась необходимостью: нельзя же было проводить первенство Москвы летом, когда учащиеся, основной костяк клубных команд, разъезжались по дачам. Только ЗКС и КФС, большую часть игроков которых составляли мелкие служащие и рабочие, играли летом товарищеские встречи в Москве или в прилегающих дачных местах.

...Итак, 13 апреля 1911 года на поле СКС вышли сборные команды Москвы и Берлина. Не без удивления и не без некоторой иронии поглядывали мы на центрального нападающего немцев Мюллера: неужели этот толстяк, эта семипудовая туша сумеет выдержать напряженный темп футбольного матча? Однако Мюллер оказался своего рода феноменом. Он был достаточно быстр и вынослив, а остановить его или хотя бы заставить уклониться в сторону оказалось невозможным. В течение всей игры он давил меня своими семью пудами, а при борьбе за высокие мячи просто отодвигал плечом.

Немцы показали отличную, красивую, корректную игру. Хороша была вся линия полузащиты, особенно правый полузащитник Крюгер, капитан команды. Нам, впервые вышедшим на поле после зимнего перерыва, нечего было противопоставить тренированной, хорошо сыгранной классной команде Берлина, забившей нам 6 «сухих» мячей. Столько же мячей немцы забили через два дня «московским англичанам», но на этот раз их вратарю Шмидту также пришлось три раза вынимать мяч из сетки ворот.

17 апреля берлинцы выступали в третий раз. Против них играла сборная команда, составленная из сильнейших московских игроков — русских и англичан. К сожалению, не играл левый защитник Паркер.

Судить встречу приехал из Петербурга Дюперрон, один из ведущих дореволюционных спортивных деятелей и журналистов. Однако как судья, он — малоподвижный и близорукий — оставлял, мягко говоря, желать лучшего.

Встреча протекала в упорной борьбе. Берлинцы атаковали краями. Их крайние нападающие, великолепно сыгранные со своими полусредними и крайними полузащитниками, прорывались к нашей лицевой линии и посылали оттуда навесные мячи. Мюллер, которого не мог сдержать даже цепкий Трипп, вырастал перед нашими воротами огромной глыбой и старался забить гол головой. Много хлопот доставлял мне «мой» полусредний Фойгт, подвижный, с быстрой и точной обработкой мяча.

И все же встреча могла окончиться вничью, если бы не грубые ошибки Дюперрона. В первом тайме при счете 1:0 в пользу берлинцев Фойгт, принимая передачу, придержал мяч рукой. Дюперрон стоял рядом и, казалось, не мог этого не видеть. Нарушение правил было настолько явным, что все игроки остановились в ожидании свистка. Но свистка не было. Фойгт дал мячу упасть на землю и с полулета забил второй гол. После перерыва сборная Москвы усилила натиск. Вскоре Ньюмэн, а

затем Джонс забили по голу, и счет сравнялся. Но в конце тайма Мюллер снова вывел свою команду вперед. Немцы вели 3:2. Шли последние минуты встречи. Вырвался Фойгт и устремился с мячом к нашим воротам. Я шел за ним, отстав на полшага. Когда он замахнулся, я догнал его и выбил мяч за боковую линию. Фойгт споткнулся о мою ногу и ничком упал на землю. Дюперрон дал одиннадцатиметровый. Берлинцы забили. Соревнование окончилось со счетом 4:2 в пользу гостей. После финального свистка мы окружили Дюперрона, и под нашим эскортом он под свист и улюлюкание зрителей скрылся в раздевалке.

Правильно ли было решение Дюперрона? Может ли чистый удар по мячу, нанесенный сбоку, считаться подножкой? Вряд ли...

В осеннем первенстве 1911 года участвовало уже не пять, а двенадцать команд, разделенных на два класса. В группе «А» к пяти прошлогодним участникам прибавился Московский клуб лыжников (МКЛ), группу «Б» образовали команды Общества любителей лыжного спорта (ОЛЛС) — прародителя ЦДСА, — «Вега», «Шереметьево», Сокольнический клуб лыжников (СКЛ), Измайловский клуб спорта (ИКС) и «Новогиреево», ставший впоследствии одним из сильнейших московских клубов.

Победителями в первой группе и чемпионами Москвы второй год подряд были морозовцы. На очко от них отстал КФС, на два — ЗКС. «Унион» был на четвертом месте, СКС, часть игроков которого перешла в другие клубы, остался на пятом. Таблицу замыкал новичок в группе «А» — Московский клуб лыжников.

Не обошлось в 1911 году и без футбольного курьеза: летом в Пушкино под Москвой образовались три женских, или, как тогда называли, дамских команды из школьниц старших классов. Они аккуратно и старательно тренировались три раза в неделю и посылали вызовы всем женским командам, которые хотели бы померяться с ними силами. Вызов был принят женской командой Петровского-Разумовского пригорода Москвы, где помещалась сельскохозяйственная Академия. Встреча состоялась 4 августа. Команды подвергались жестокому испытанию — во время игры шел проливной дождь. Непогода не охладила воинственный пыл пушкинских футболисток: они забили в ворота соперниц пять мячей, пропустив только один. В номере 47-м «Русского спорта» за 1911 год можно видеть фотографию команды-победительницы. На этом женский футбол закончил свое недолгое существование.

1911 год был годом предолимпийским. Почти все страны Европы и США готовились к Стокгольмской олимпиаде 1912 года: шли отборочные соревнования, разыгрывались национальные первенства по видам спорта, включенным в программу олимпиады, намечались кандидаты в олимпийские сборные,

проводились международные встречи.

Большое внимание уделялось подготовке сборных команд по футболу. Даже англичане, признанные гегемоны в этом виде спорта, уже весной сформировали свою сборную и летом отправили ее под названием «Английские странники» в турне по Европе сыгрываться и изучать будущих стокгольмских противников. Это «изучение» дало весьма красноречивые результаты: «Странники» выиграли у сборной Франции 10:1, Уэллса 6:0, Голландии 9:1, Швейцарии 6:1, Германии 9:0, Швеции 7:0 и 5:1 и сделали ничью с Ирландией. Только последнюю встречу с датчанами, единственными своими соперниками, «Странники» проиграли 2:6: сказалось, очевидно, утомление после длительного турне.

В августе англичане приехали в Петербург. Здесь они встретились не с хорошо подготовленными сборными, а с командами, в которых участники впервые играли в одном составе — установившаяся в русском футболе традиция оставалась неизменной.

20-го августа «Странники» выиграли со счетом 14:0 у своих соотечественников — сборной команды петербургских англичан, 21-го забили семь «сухих» мячей англо-русской сборной, 22-го играли с русской сборной. Первоначально она была составлена только из петербуржцев, но накануне игры телеграммой вызвали меня из Москвы, включили в состав и назначили капитаном.

У меня в архиве до сих пор сохранилась пожелтевшая от времени программа этой встречи. Привожу ее текст, сохраняя терминологию и орфографию:

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАТЧ-ФУТБОЛ
22-го августа 1911 года
Англия — против Сборной команды лучших русских игроков Петербургских и Московских клубов

Бребнер
Мартин Бардслей
Оллей Тайсон Хили
Овен Хор Чапман Берри Рэнь

Егоров Сорокин Коженин Никитин Филиппов
Уверский Штиглиц Хромов
Соколов Ромм
(капитан)
Нагорский

В таком составе команды вышли на поле. Коженин не явился (!) и был заменен Лапшиным.

Отдельные эпизоды этой игры я помню смутно — был слишком поглощен беспрерывной, отчаянной, судорожной борьбой за то, чтобы не дать англичанам забить. Помню косую сетку дождя, черные купола зонтов на трибунах, ощущение сразу возникшей крепкой, точной сыгранности с моим напарником, прекрасным петербургским защитником Соколовым, самоотверженные выбеги вратаря Нагорского, помню, как легко и изящно обводил правый крайний англичан Овен нашего полузащитника Уверского, помню опасные положения, создавшиеся у наших ворот, лишь только мяч попадал к центральному нападающему англичан Чапману, помню, вдали, на другом конце поля фигуру лучшего вратаря мира Бребнера, стоявшего под проливным дождем, прислонившись к столбу ворот и нахлобучив кепку на самый нос. Время от времени Бребнер, окончательно промокнув и окоченев, выходил далеко за пределы штрафной площадки и делал отчаянные знаки своим защитникам. Бардслей или Мартин, овладев мячом, отпасовывали его своему вратарю. Бребнер с видимым удовольствием ловил мяч, выбивал его из рук к нашим воротам и, размявшись, возвращался на свое место. В то время вратарь имел право играть руками на всей своей половине поля.

В течение двадцати трех минут мы с помощью оттянувшейся назад полузащиты сдерживали натиск «Странников». Попытки наших нападающих прорваться ликвидировались защитниками англичан, превосходивших их быстротой бега. На двадцать четвертой минуте Чапман головой забил нам первый гол. Надо отметить, что в предыдущих двух встречах гости добивались успеха с самого начала. Натиск англичан продолжался, но мы не сдавали позиций. К перерыву мяч побывал в наших воротах всего три раза. А ведь мы играли против сильнейшей команды мира — южно-американцы еще не появлялись на футбольном горизонте.

Вряд ли и после перерыва англичане забили бы нам больше трех голов, но, к сожалению, в начале второго тайма из-за травмы покинул поле Уверский. Играя вдесятером, мы пропустили еще 8 мячей и проиграли со счетом 0:11. Результаты этих трех встреч, конечно, довольно плачевны. Но немногим лучше сыграли против «Странников» и сборные других стран.

Сезон 1911 года окончился поздно. Последняя встреча игралась уже по снегу, 13-го ноября. На этот раз, учитывая цель соревнования, в нем принимали участие игроки всех клубов: встреча была организована в пользу голодающих крестьян. Сбор

составил шестьсот девятнадцать рублей 40 копеек. Да, о многом, характеризующем жизнь царской России, могут рассказать комплекты «Русского спорта»...

5

Финские олимпийцы в Москве. — Как в России «готовились» к олимпиаде. — Меня выбирают капитаном олимпийской сборной и на следующий день дисквалифицируют. — Стокгольмская олимпиада — Цусима русского спорта или Цусима его руководителей? — В Москву приезжают венгры.

Весной 1912 года Москву посетила еще одна олимпийская команда — финская. Финляндия составляла нераздельную часть Российской империи, но ей, с согласия российского и международного олимпийских комитетов, было предоставлено право выступать в Стокгольме самостоятельно. В этой маленькой стране с ее тогдашними двумя с половиной миллионами населения, спортивное движение было развито гораздо лучше, чем в остальной России. Спортом в Финляндии занимались не только рабочие и служащие в городах, но и крестьяне. В легкой атлетике, борьбе и лыжах финны держали мировые рекорды. Уже был увенчан лавровым венком знаменитый финский стайер Колехмайнен, предтеча Нурми. Финны, само собой понятно, не хотели, чтобы на их олимпийских достижениях стоял штамп Российской империи. Да и русским спортсменам не улыбалась перспектива уступить финнам почти все места в олимпийской команде, если бы они выступали совместно.

Финны приехали в Москву в конце апреля. Уже закончилось весеннее первенство города, москвичи успели войти в спортивную форму. Первыми скрестили шпаги с гостями московские англичане. Мне довелось быть судьей на линии, и я хорошо видел весь ход игры. Финны были коренасты, мускулисты, круглоголовы, с светлыми голубыми глазами и удивительно похожи друг на друга: казалось, что в команде играют по крайней мере семь или восемь братьев-близнецов. Выделялся высоким ростом крайний левый нападающий Ниска.

Играли финны напористо и тяжеловато, словно выворачивали гранитные валуны со своих полей. При столкновениях англичанам приходилось плохо: уж очень прочно стояли на ногах эти северяне. Гости часто и сильно били по воротам. Особенно мощный удар был у Ниски. Я внимательно к нему присматривался, предвидя, что в игре с русской сборной он

доставит мне немало хлопот. Финны забивали англичанам мячи почти с одинаковыми промежутками времени. Они выиграли 7:2.

Русская сборная играла с гостями 6-го мая. В голу стоял Фаворский, вратарь сильный, смелый и решительный на выбегах. В паре со мной играл унионец Миндер. Были в Москве левые защитники и посильнее, но с Миндером мне было как-то особенно удобно играть. «Замок» в нашей команде был крепкий, однако в целом она по составу была слабее московских англичан. Мы готовились к проигрышу с большим счетом. Но, как известно, «мяч круглый, а поле большое». Игра сложилась неожиданно и крайне своеобразно: команды не забили ни одного гола в чужие ворота, но зато... не пощадили своих.

По жеребьевке нам выпало начало. Центральный нападающий передал мяч не полусреднему, как это обычно делается, а сильным ударом послал его правому крайнему Михаилу Смирнову на прорыв. Смирнов, великолепный бегун, стремительно прошел с мячом к лицевой линии финнов и подал его в центр. Один из финских защитников, пытаясь отбить мяч, срезал его в свои ворота. Так уже на первой минуте Москва вела 1:0. Но это был лишь пролог. А дальше шли 89 минут почти беспрерывных финских атак. Их форварды наваливались на нас тяжелыми волнами. Как я ожидал, мне часто приходилось иметь дело с Ниской, обводившим нашего полузащитника. Отобрать у него мяч было нелегким делом. Даже мои «коронные» верхние мячи приходилось отбивать в борьбе, не всегда оканчивавшейся в мою пользу. Хорошо, что у Фаворского был особенно удачный день. Он брал «мертвые» удары, выхватывал мяч из-под ног противника. Но в одной жаркой схватке, выбивая мяч из рук, он попал мне в спину, и мяч отскочил в наши ворота. Счет сравнялся.

Очень трудно пришлось нам во втором тайме: лил дождь, поле стало тяжелым, кое-кто из наших игроков «выдохся». Но забить нам гол финнам все же не удалось. Мы сыграли вничью с заведомо более сильным противником.

После игры я дольше обычного задержался в раздевалке: смазывал йодом многочисленные ссадины. Думаю, что тем же самым занимался за перегородкой Ниска.

Через два дня финны играли против англо-русской сборной. В голу опять стоял Фаворский, вместо Миндера моим партнером был Паркер. Встреча была напряженной. Финны забили в каждом тайме по два «сухих» мяча.

После этого они выиграли товарищескую встречу с ЗКС со счетом 8:1 и уехали к своим «хладным финским скалам», увозя с собой двадцать забитых мячей и оставив Москве всего лишь

четыре пропущенных.

Итак, к весне 1912 года в Москве успели побывать две олимпийские сборные, а наша еще не приступала к тренировке по той простой причине, что… ее не существовало.

Российский олимпийский комитет (РОК) с подлинно олимпийским спокойствием взирал на приближение дня открытия олимпиады. Не больше рвения показывал и родившийся, наконец, в январе 1912 года Всероссийский футбольный союз. Зато энергичную инициативу проявила петербургская футбольная лига: присвоив себе полномочия этих двух организаций, она вынесла 12-го марта решение, что через два месяца, 13-го мая, в Петербурге встретятся московская и петербургская сборные, после чего из них будет выбрана олимпийская команда. Это «мудрое» решение, во-первых, отметало кандидатуры лучших игроков из других городов: киевского вратаря Оттена и одесских нападающих Злочевского и Богемского, имевших несомненное право войти, если не в основной состав, то в число запасных. Здесь сказалось характерное для того времени местничество в спорте и пренебрежение к периферии. Назначение отборочной встречи Петербург — Москва на 13 мая, за месяц до начала олимпийского турнира, отрезало всякую возможность отобрать игроков и дать им хотя бы немного сыграться.

Встреча сборных Петербурга и Москвы, состоявшаяся 13 мая, окончилась вничью со счетом 2:2.

Вечером того же дня был наконец определен состав сборной. На другой день сборная с трудом выиграла тренировочную игру у случайной команды из петербургских футболистов, после чего олимпийцы разъехались по домам и встретились вновь уже на борту океанского парохода «Бирма», на котором ехали в Стокгольм русские участники олимпиады. Сыгрываться команде пришлось в Стокгольме на соревнованиях. В довершение всего команда — единственная из всех участников олимпийского футбольного турнира — выехала на олимпиаду без тренера и руководителя. Игроки были предоставлены самим себе. Между тем вопрос о приглашении опытного тренера из-за границы дебатировался в петербургской футбольной лиге уже в течение трех лет.

Все это объяснялось тем, что деятели Российского олимпийского комитета и Всероссийского футбольного союза, все эти Макферсоны, Фульда, Дюперроны и Бертрамы имели самое смутное представление о формировании и тренировке футбольных команд и были поглощены организационными и финансовыми вопросами.

Немало вреда наносило делу то, что спорт в России находился под строгой полицейской опекой. Русское правительство, напуганное революцией 1905 года, относилось с подозрением ко всем общественным организациям, в том числе и к спортивным.

Всякое спортивное начинание должно было получить чуть ли не «высочайшее» одобрение. Вопрос об участии России в олимпиаде был решен еще в 1911 году, но председатель Российского Олимпийского Комитета доктор Срезневский продолжал выяснять отношение к нему «высших сфер». 12-го января 1912 года он мог, наконец, с удовлетворением доложить комитету, что Его Высочество Великий князь Николай Николаевич обещал ему свое «высокое покровительство», что олимпийцам для поездки в Стокгольм будут беспрепятственно выданы паспорта и предоставлен океанский пароход «Бирма». Олимпийские перспективы, наконец, прояснились.

Ярким штрихом «блестящей» постановки дела был случай при отплытии «Бирмы» из Петербурга в Стокгольм. Он описан в номере 25-м «Русского спорта» от 17 июня: «Пароход, расцвеченный флагами, все удаляется и удаляется. Музыка играет на нем беспрерывно.

Вдруг на пристани происходит волнение: оказывается, что многие олимпийцы, не знавшие об экстренном изменении часа отхода судна, не попали на него.

Набирается до 10 человек, и среди них — председатель Российского Олимпийского Комитета В. И. Срезневский, Тогда решают послать через полчаса, чтобы подождать отставших, в погоню за «Бирмой» быстроходный буксир».

Пока ждали буксир, мимо пристани прошла императорская яхта «Стрела», на которой «отбыл» в Стокгольм официальный представитель России на олимпиаде генерал Воейков, командир лейб-гвардии гусарского полка.

Больше половины кают на большой, комфортабельной «Бирме» пустовало, но плыть на ней вместе со спортсменами, познакомиться с ними, узнать их нужды и настроение, стать их другом и руководителем в трудные дни олимпийских соревнований генерал счел ниже своего достоинства.

А после олимпиады этот же Воейков был назначен главнонаблюдающим над всем делом физического развития в России. Александр Блок в своих воспоминаниях отзывается о нем, как о самом глупом из свитских генералов...

Неудивительно, что при такой «подготовке» и «блестящем» руководстве русские спортсмены по всем видам спорта выступили на олимпиаде ниже своих возможностей.

Россия заняла в Стокгольме со своими шестью очками шестнадцатое место, а маленькая Финляндия, набрав пятьдесят два очка, вышла на четвертое. Впереди ее были Швеция, США и Англия.

Единственной «звездой» среди наших олимпийцев оказался борец-средневес Клейн, одержавший семь побед. В течение двух дней перед полуфиналом он провел четыре схватки с сильными противниками-финнами, в полуфинале встретился с чемпионом мира финном Ассекайненом. Схватка, получившая название «исторической», продолжалась 10 часов 15 минут и закончилась победой Клейна. Финал со шведом Иогансеном был назначен на следующее утро, хотя Иогансен перед этим два дня отдыхал. Настоятельная просьба Воейкова отложить финал хотя бы на сутки была отклонена шведскими судьями. Клейн отказался бороться, и ему было присуждено второе место.

Судейство шведов было такое, что представители десяти стран тут же в Стокгольме организовали Международный союз тяжелой атлетики и борьбы и сформировали при нем судейскую коллегию.

Наша футбольная команда выбыла из олимпийского турнира после первой же встречи, проиграв финнам 1:2; в утешительной игре с Германией она потерпела жестокое поражение — 0:16. В отчетах об этих играх отмечалась полнейшая несыгранность, недостаток быстроты и слабая игра вратаря Фаворского. Победителями турнира, как и следовало ожидать, оказались англичане, выигравшие 4:0 у финнов, 7:0 у венгров и у датчан 4:2.

В Стокгольм мне не довелось поехать. После отборочной встречи 13 мая в Петербурге я был включен в олимпийскую команду вместе с петербуржцем Соколовым, с которым я играл против англичан, и назначен капитаном сборной. Во время игры я повредил ногу. На следующий день я пришел в клуб, где сборная проводила тренировку, вызвал в раздевалку московского представителя в олимпийском комитете прибалтийского немца Бертрама, показал ему отекшее колено и сказал, что играть не могу. Бертрам молча кивнул головой. В тот же день вечером мы уезжали из Петербурга. Когда поезд отошел, Бертрам мне сообщил, что постановлением РОК я дисквалифицирован за неявку на тренировку.

— Но ведь я же предупредил вас заранее, вы же видели мое поврежденное колено, — сказал я.

Бертрам с притворным удивлением пожал плечами.

— Я вас вообще не видел сегодня в клубе...

Я мог, конечно, на первой же остановке слезть с поезда, вернуться в Петербург и, представив врачебную справку,

попытаться добиться в РОК отмены дисквалификации. Но именно в эти майские дни 1912 года шла сессия государственных экзаменов. Выдержать их я должен был во что бы то ни стало: мне недавно исполнился двадцать один год, я, как еврей, терял право жительства в Москве при отце и должен был покинуть семью и уехать в пресловутую «черту оседлости» — в Польшу или южные губернии Украины.

Университетский диплом давал мне личное право жительства в Москве. Таковы были «прелести» национальной политики в царской России.

«Аспектом» еврейского вопроса была и моя дисквалификация: Бертрам был ярым антисемитом. Он легко нашел общий язык с секретарем Российского олимпийского комитета Дюперроном, чей петербургский футбольный патриотизм был уязвлен тем, что в олимпийскую сборную вошло семь москвичей и только четыре петербуржца. Замена меня петербургским защитником Марковым существенно изменяла это положение. То, что комитет санкционировал дисквалификацию капитана олимпийской сборной, даже не расспросив его о причинах неявки на тренировку, хорошо характеризует существовавшее в то время отношение руководителей футбола к игрокам.

На другой день после возвращения в Москву я входил, прихрамывая, в университетскую аудиторию, где свирепствовал профессор финансового права Озеров. В его двухтомном учебнике, служившем камнем преткновения для многих студентов, основной текст перемежался вставками, напечатанными мелким шрифтом. Из одной такой вставки я узнал, что Екатерина Вторая в таком-то году предполагала ввести налог на соль в размере полпроцента. Я отчеркнул вставку и на полях написал весьма нелестный для Озерова эпитет: заставлять нас зубрить предполагаемые налоги представлялось мне издевательством.

Просматривая еще раз озеровский учебник перед экзаменом, я натолкнулся на свою надпись на полях и вторично прочел вставку.

Билет мне попался легкий и интересный — о покровительственных пошлинах. Убедившись, что я его знаю, Озеров прервал меня.

— А не помните ли вы, господин студент, — спросил он тягучим голосом, — в каком размере предполагала Екатерина Вторая ввести налог на соль?

— В размере полпроцента.

Озеров пробуравил меня взглядом небольших темных глаз и протянул узкую, сухую руку. Я вложил в нее свою зачетную

книжку. Когда профессор вернул мне ее, в графе «финансовое право» стояла отметка «в. у.» — весьма удовлетворительно. Это был высший балл. Я всегда считал и считаю до сих пор, что в жизни самые удивительные совпадения случаются гораздо чаще, чем это принято думать.

Через несколько дней после, окончания олимпиады проездом из Стокгольма на родину Москву посетила венгерская олимпийская сборная. 29-го июня она выступала против сборной команды Москвы и 1-го июля против сборной команды России.

В первой встрече беками должны были играть Паркер и я, во второй — Соколов и я. В обоих случаях я был выбран капитаном. Но вместо меня участвовал запасной защитник Римша, а я наблюдал за ходом игры с трибуны. Случилось это следующим образом: за два дня до соревнования я подал в Московскую футбольную лигу заявление, что за сборную команды Москвы играть согласен, а от участия в сборной России отказываюсь. Поступок был опрометчив и нелеп, но слишком глубока была обида за незаслуженную дисквалификацию из олимпийской команды. Быть без всяких оснований дисквалифицированным, не поехать в Стокгольм, не участвовать в боях олимпийского турнира, явилось для меня тяжелым ударом.

Рассмотрев мое заявление, московская футбольная лига дисквалифицировала меня на обе игры. С тех пор моя кандидатура никогда больше не выдвигалась в сборные команды Москвы и России.

Как поступила бы футбольная федерация СССР, если бы капитан сборной Советского Союза, скажем, Нетто или Иванов, подал такое заявление? Его вызвали бы для товарищеской беседы, и вопрос был бы улажен. Но «боссы» старого русского футбола — все эти Фульда, Макферсоны, Мусси — мало считались с игроками.

Итак, в играх против венгров я не участвовал. Их превосходство было подавляющим. Команда действительно была очень сильна: рослые, с мощными ударами защитники, хорошо подыгрывающие нападающие полузащитники, быстрые крайние форварды, отлично комбинирующая центральная тройка, не упускавшая малейшей возможности бить по воротам. Венгры выиграли у сборной Москвы 9:0, у сборной России — 12:0.

Глядя на их игру, приходилось удивляться, как англичане в Стокгольме умудрились забить им 7 «сухих» мячей, да еще вдесятером: одиннадцатый игрок был вначале встречи выбит грубо игравшими венгерскими защитниками.

Впрочем, существует поговорка: всякая команда играет так, как ей позволяет противник. Будь сборные Москвы и России

хорошо сыграны, они, несомненно, проиграли бы с меньшим счетом. Минорным венгерским аккордом закончился олимпийский эпизод в истории русского футбола. Начались рабочие будни.

6

Футбольный сезон 1912 года. — Первенство Москвы разыгрывается по двум группам. — Одиннадцать Ивановых в команде «Вега». — Непобедимые морозовцы. — Замоскворецкая лига «диких» команд. — Одесский эпизод в розыгрыше первенства России 1913 года.

В 1912 году первенство разыгрывалось, как и в 1911 году, по двум группам. В первой участвовало семь команд. К прошлогодним участникам прибавились БКС, отказавшийся наконец от своей «блистательной изоляции», и «Новогиреево», перешедшее из группы «Б», куда в свою очередь «спустился» прошлогодний аутсайдер МКЛ. Во второй группе играло восемь клубов. Клубы класса «А» разыгрывали первенство по трем командам, клубы класса «Б» — по двум.

Если в 1911 году футбольным курьезом были женские команды, то в 1912 году не менее оригинален был случай с командой второй группы, носившей название «Вега». Капитан «Веги», заполняя перед соревнованием в протоколе графу «фамилии игроков», вписал туда... одиннадцать Ивановых. Неопытный капитан рассчитывал таким образом скрыть наличие в команде незаявленных игроков. Возмездие было суровым: «Вегу» сняли с первенства и исключили из лиги.

В наше время московская федерация футбола поступила бы иначе: зачла бы команде поражение и предложила бы выбрать другого капитана. Чем же в конце концов были виноваты игроки?

По первой группе чемпионами Москвы в третий раз стали морозовцы. На целых пять очков отстал от них занявший второе место Британский клуб спорта. Третьим был КФС.

Однако официальным первенством Москвы не исчерпывался футбольный сезон 1912 года. Параллельно с лиговым футболом бурно рос и развивался «дикий футбол». Если все лиговые клубы объединяли пятьсот-шестьсот игроков, то на окраинах и пустырях Москвы сражались тысячи энтузиастов кожаного мяча, у которых не было свободной десятки для уплаты членского взноса и влиятельных знакомых, которые могли бы дать им нужные для вступления в клуб рекомендации.

Кое-кто пытался вообще преградить доступ рабочей

молодежи в лиговый футбол. Была выдвинута любопытная теорийка: физический труд, дескать, сам по себе развивает силу и ловкость, и потому рабочие должны считаться в спорте... профессионалами. Однако теорийка оказалась мертворожденной, над ревнителями чистоты любительских риз смеялись. Вообще же в то время принцип любопытства соблюдали свято. Спортсмен не должен был извлекать ни малейшей выгоды из занятий спортом. На этом основании профессионалами считались преподаватели физической культуры, поскольку они получали зарплату за свою деятельность.

В Англии была признана профессионалом молодая пловчиха, которой отец подарил в ознаменование ее побед серебряную статуэтку. В решении московской футбольной лиги о выдаче памятных жетонов игрокам команд, занявших в розыгрыше призовые места, имелась специальная оговорка, что эти призы не должны быть ценными. Когда я перебираю свои футбольные «трофеи», я вижу одни только небольшие бронзовые жетончики, на которых выгравированы дата и название первенства и место, занятое командой.

К чести русского спорта надо сказать, что «дикие» команды встречали широкую поддержку спортивной общественности. В 1912 году они объединились в «Союз футбольных команд, не входящих в лигу», разыгрывали районные первенства и первенство города, и «Русский спорт» печатал об этих соревнованиях подробные отчеты. Футбольный судья Алленов организовал Замоскворецкую лигу «диких» команд. Первенство Замоскворечья выиграла команда «Дом № 44». Уже по этому можно судить о росте «дикого» футбола — даже некоторые отдельные дома имели свои команды.

«Дикари» отличались тесной спайкой и предприимчивостью: своими силами расчищали и разравнивали московские пустыри, приспосабливая их под футбольные поля. Из «дикого» футбола пришли в лиговые клубы такие мастера, как Исаков, Владимир Блинков, Селин.

Осенью 1912 года впервые было разыграно футбольное первенство России.

11-го сентября сборная команда Москвы выиграла у Харькова со счетом 5:1 и вышла в финал с Петербургом.

Борьба в финале была упорной. Первая встреча закончилась вничью со счетом 2:2, 7-го октября в Москве на поле ЗКС состоялась вторая встреча. Петербуржцы, выиграв на этот раз 4:1, стали первыми чемпионами России по футболу. Соревнование собрало «огромное» количество зрителей — пять тысяч человек. В отчете «Русского спорта» отмечалась слабая игра московских

нападающих.

За месяц до этого, 7-го сентября, на том же поле перед почти пустыми трибунами состоялась другая, более скромная встреча: после моей дисквалификации перед играми с венгерской сборной я ушел из СКС. Вместе со мной ушли Фаворский, Папмель, Константинович. Мы организовали клуб «Пушкино», выиграли летнее первенство новых команд с общим счетом мячей 75:5 и получили право на переходную игру с лиговой командой, занявшей последнее место в первенстве Москвы. Таким аутсайдером был наш старый клуб СКС. Выиграв эту встречу, мы вошли бы в группу «А». Однако московская лига предложила нам играть не с СКС, а с Замоскворецким клубом спорта, одержавшим над ним в первенстве победу со счетом 5:0 и 8:0. Уж очень не хотелось заправилам московской лиги видеть в футбольном календаре «опальную» команду. Вот эта переходная встреча и происходила 7-го сентября на поле ЗКС.

Левым полусредним играл против меня Житарев, один из лучших нападающих русского футбола, участник олимпийской команды, игрок с огромной стартовой скоростью и стремительным, неудержимым ударом. Достаточно было «выпустить» его на один шаг, и догнать его уже невозможно. Игра шла под дождем, и мокрое поле помогало моему маленькому верткому противнику. Недаром одна английская газета озаглавила отчет о футбольном соревновании в дождливый день между командой из рослых, тяжелых игроков и командой легковесов — «Скользящие гиганты». Отчасти таким «скользящим гигантом» был и я против Житарева.

Игра была напряженной: наше нападение, казавшееся мне очень сильным в встречах против новых команд, спасовало перед опытной и сыгранной защитой ЗКС. И все же к концу игры счет был 2:2. Но на последних минутах я упустил Житарева. Он вырвался и, обведя страховавшего меня левого защитника, забил решающий третий гол. Счет 2:3 доказывает, что над СКС мы бесспорно одержали бы победу...

Через месяц, уложив бутсы в гардероб, я отправился в астраханские казармы отбывать в 12-м гренадерском Астраханском имени императора Александра III полку воинскую повинность; это тоже был один из аспектов еврейского «вопроса»: только у евреев единственный сын в семье не освобождался от призыва в армию.

Служить мне, как новобранцу с высшим образованием, предстояло двенадцать месяцев. Итак, футбольный сезон 1913 года прошел мимо меня. Особенно значительных событий за это время в московском футболе не произошло. Первенство Москвы в

четвертый раз выиграли морозовцы. В июле приехал из Англии приглашенный в качестве тренера Гаскелл, игрок одной из английских профессиональных команд.

Гаскелл гордился тем, что его объемистые мышцы ног в ненапряженном состоянии были мягки и колыхались, как желе. Он тренировал унионцев и сборную команду Москвы.

Это не помешало петербуржцам в розыгрыше первенства России обыграть москвичей со счетом 3:0. «Русский спорт» уже называл их двукратными чемпионами страны, предвещая в финале легкую победу над одесситами. И тут случилось, пожалуй, наиболее значительное событие футбольного сезона: «провинциалы» выиграли у жителей столицы со счетом 4:2. В соревновании отличалась центральная тройка южан — Злочевский, Богемский и Джекобс. И все же одесситы не стали чемпионами России: при изучении протоколов во Всероссийском футбольном союзе выяснилось, что у них в составе команды был незаявленный игрок. Одесситов дисквалифицировали, а первенство постановили считать неразыгранным.

Весной в Москву приезжали сборные Швеции и Норвегии. Эти скандинавские гастроли окончились для нас неудачно: шведы выиграли у сборной Москвы и сборной России с одинаковым счетом 4:1, норвежцы одержали победу над первой московской сборной со счетом 3:0, над второй 4:1 и сыграли 1:1 со сборной России. Во всех играх скандинавы добивались преимущества во втором тайме, когда наши игроки, еще не успевшие войти в форму, не выдерживали темпа.

1-го октября 1913 года я был уволен в запас в звании ефрейтора, высшем воинском звании для еврея в царской России. В кармане у меня лежал диплом об окончании юридического факультета, но стать адвокатом я не мог: в эти годы свирепой реакции в сословие присяжных поверенных не принимали.

Я пытался пойти по стопам отца, стать, как и он, бухгалтером, и поступил волонтером в контору одного из московских предприятий. Волонтеры работали бесплатно за одно лишь право «присматриваться», изучать дело. «Присмотревшись», я убедился, что так же мало создан быть бухгалтером, как и нападающим в футболе. Дебет и кредит, сальдо и балансы вгоняли меня в тоску. Мой волонтерский стаж был недолог...

7

Футбольный сезон во Флоренции. — Семья Блоха. — Первенство Тосканы. — Матч с Пизой. — Финал на берегу моря. — Членский билет клуба «Фиренце».

Очутившись на распутье, я отправился в путешествие. Это была не первая моя поездка. Еще будучи гимназистом старших классов и потом уже студентом я репетировал отстающих учеников, а на скопленные деньги пускался в путь. Легкое серенькое пальтишко, служившее мне подстилкой на жестких скамейках вагонов третьего класса, покрыло со мной уже немало километров по железным дорогам зарубежных стран.

Декабрь застал меня во Флоренции. Я жил у тети Маши, старшей сестры отца, эмигрировавшей со своим мужем, врачом Альбертом Блохом из царской России. У них был сын Жорж, студент-медик, и две дочери. Старшая Лидия училась в лицее — средней школе, — готовилась стать преподавательницей, младшая, Надя, должна была пойти в школу через год. Смышленая, веселая, лукавая, она была любимицей семьи.

Само собой понятно, что, живя во Флоренции, я не пропускал ни одного футбольного соревнования. Игры проходили на поле клуба «Фиренце», расположенном в загородном парке Кашине. Оно было окружено могучими вековыми деревьями. Вдали на холме виднелась небольшая площадка — Пиацале Микеланджело — с бронзовой копией статуи Давида. Здесь величайший скульптор, художник и архитектор эпохи Возрождения возвел в 1530 году, во время одной из бесчисленных осад Флоренции, мощную линию укреплений и руководил обороной своего родного города. За Пиацале Микеланджело на склоне горы была видна самая старинная церковь Флоренции, беломраморная Сан-Миньято.

Команда «Фиренце» играла так, как только могла играть команда прекраснейшего из городов, где подчас даже полицейский участок помещается во дворце XIII века; она играла изящно, с вдохновенной импровизацией, но ей явно не хватало «запаса мощности». Исключение составляли два игрока — левый защитник, коренастый, упористый бычок, и центральный нападающий англичанин Ньюфер — и тут не обошлась без

англичан.

«Фиренце» стала чемпионом города и теперь участвовала в розыгрыше первенства Тосканы. Она лидировала, шла на два очка впереди команды «Ливорно».

Во время одного из соревнований ко мне подошел в перерыве плотный, среднего роста, элегантно одетый господин в золотом пенсне, с бородкой клинышком. Вежливо приподняв шляпу, он представился: адвокат Орсини, председатель клуба «Фиренце». От сына господина доктора Блоха он слышал, что в моем лице Флоренцию посетил известный русский футболист. Не желаю ли я войти в состав команды «Фиренце» «al posto di back diritto» — на место правого бека?

Я поблагодарил за честь и согласился.

Через два дня я вышел из раздевалки вместе со второй командой клуба для тренировки. Чтобы поскорее войти в форму, я встал на место центрального нападающего. Лишь только я овладел мячом, послышался отчаянный крик правого крайнего:

— Sotto, sotto!

«Сотто» по-итальянски значит «под»: под стол, под книгу. Оказывается, в футболе оно равнозначно русскому «пасуй сюда». В течение всей тренировки я отгадывал и запоминал слова итальянского футбольного хода, чтобы во время соревнований понимать своих партнеров.

С ними я встретился в той же раздевалке через несколько дней. Из-за перегородки доносились голоса и смех пизанцев, наших сегодняшних противников. Команда Пизы шла в розыгрыше на третьем месте, и в первой встрече с «Фиренце» на своем поле выиграла со счетом 2:1.

Переодеваясь, мои новые товарищи испытующе поглядывали на меня. Они вежливо ответили на мое приветствие, но за этой вежливостью чувствовался холодок отчужденности. Они несомненно предпочли бы видеть на моем месте высокого, худощавого паренька, избегавшего встречаться со мной взглядом, которому сегодня из-за меня предстояло сидеть на так называемой длинной скамье — на скамье запасных. Быть может, он играет хуже, но с ним они уже давно связаны тесной спортивной дружбой, борьбой плечом к плечу на футбольных полях Тосканы. Чувствую себя одиноким и знаю: я должен сыграть так, чтобы команда поняла — не зря пригласил меня Орсини на место «back diritto».

Выходим на поле вместе с пизанцами. Присматриваюсь к своему «подопечному», левому полусреднему Бонелли, широкоплечему, крепконогому, худощавому. Меня предупредили, что это самый сильный игрок в команде Пизы, кандидат в

сборную страны. Что же, посмотрим...

Свисток судьи, и мяч в игре. Несколько минут он задерживается в центре поля, а затем полузащитник передает его Бонелли. Мяч опускается перед ним на землю, Бонелли, точно рассчитав отскок, собирается перекинуть его через себя и, повернувшись, устремиться с ним к нашим воротам. Я выскакиваю из-за его спины, снимаю у него мяч с ноги и сильным низким ударом посылаю через все поле прямо на правого защитника пизанцев. Мой расчет был прост: наш левый крайний получает возможность в рывке от боковой линии к центру перехватить мяч раньше защитника и сразу оказаться с ним перед голом противника. Все произошло, как я ожидал, но атака не была завершена: сильный удар попал в штангу, мяч отскочил далеко в поле. Гол не был забит, выигрыш был чисто психологический: вступительный аккорд в футболе, как и в музыке, задает тон всей пьесе. Острое положение, создавшееся на первых же минутах у ворот пизанцев, вселило уверенность в наших игроков. Было важно и то, что я выиграл свою первую схватку с Боннелли.

Мы продолжали атаковать, прижав противников к воротам. И тут Бонелли показал, что он умеет не только играть, но и «делать» игру для своей команды. Он оттянулся назад на помощь защите и, угадывая направление наших атак, всегда оказывался в самом опасном месте. Овладев мячом, он далекими, точными передачами выводил своих партнеров на прорыв. Постепенно выровняв игру, он снова оказался в линии нападения. Мне приходилось неотступно следить за ним, чтобы не дать ему прорваться. После нескольких безуспешных попыток обвести меня, он опять изменил тактику. Теперь он держал меня вплотную, не отходя ни на шаг, мешая мне отбивать мяч, не давая точно передавать его нашим нападающим. Он старался выключить меня из игры, свести мою роль к единоборству с ним и тем самым помочь своим партнерам найти путь к нашим воротам. Однако, несмотря на все его усилия, мне время от времени удавались точные передачи, и с одной из них Ньюфер перед самым перерывом ударом в нижний угол открыл счет.

К концу тайма мои партнеры выглядели более утомленными, чем пизанцы. Можно было предвидеть, что во втором тайме нам придется нелегко. И действительно, теперь мяч все время гостил на нашей половине, но мы удерживали преимущество почти до конца игры. Шли уже последние минуты. Полузащитник пизанцев подал высокий мяч на наши ворота. Я собирался отбить его головой. Одновременно со мной за ним прыгнул Бонелли. В то мгновение, когда мяч коснулся моей головы, я почувствовал

сильный толчок, вместе с Бонелли упал на землю и, еще лежа на земле, услышал свисток: мяч трепыхался в сетке ворот. Его забил центральный нападающий пизанцев, оказавшийся во время моей воздушной схватки с Бонелли в нескольких шагах позади него. И тут я вспомнил, что этот игрок в таких случаях всегда стоял за нами, готовясь добить мяч в ворота, если Бонелли помешает мне отбить его далеко. Гол не был случайным: тактическая комбинация была найдена Бонелли и его партнером в ходе игры и в конце концов увенчалась успехом. Наблюдательность и настойчивость Бонелли спасли пизанцев от проигрыша. Счет 1:1 удержался до конца встречи.

Вернувшись в раздевалку, я уже не чувствовал себя в команде чужим. Высокий паренек, просидевший игру на скамейке запасных, первым подошел ко мне и, улыбаясь, крепко пожал руку...

На другой день флорентийские газеты писали о «colosso russo» — русском великане, — появившемся в команде «Фиренце». Из этих же газет мы узнали, что ливорнцы выиграли свою очередную встречу. Теперь они шли вплотную за нами, отставая только на одно очко.

Первенство Тосканы подходило к концу. Мы сыграли и выиграли еще две встречи — ездили в Болонью и принимали у себя команду Сьены. Предстояла последняя решающая игра в Ливорно. Чтобы стать чемпионом Тосканы, нам достаточно было ничьей, ливорнцам нужна была победа.

Стадион в Ливорно был расположен невдалеке от берега моря. Из-за невысоких трибун доносился грохот прибоя. Штормовой порывистый ветер дул вдоль поля, рваные облака стремительно мчались по небу, то закрывая, то открывая холодное январское солнце.

Команды вышли на поле. Среди ливорнцев было несколько рыбаков — жилистые, крепкие парни с обветренными лицами.

Судья подозвал к себе капитанов и бросил вверх монету. Нам повезло, мы выиграли жеребьевку. В такую погоду это была почти победа: можно первый тайм играть по ветру, набрать изрядный запас голов, вымотать противника, а во втором тайме стараться удержать преимущество. Первая половина программы была нами успешно выполнена: к перерыву мы забили ливорнцам пять мячей.

Второй тайм был точным повторением первого, с той разницей, что на этот раз голы сыпались в наши ворота. Только теперь мы почувствовали, что значит играть против такого ветра. Стоило хоть немного поднять мяч от земли, как он подхватывал его и относил назад. Только короткими, низкими передачами

можно было продвигаться вперед. Но такие передачи без труда перехватывались ливорнцами, и мяч снова оказывался на нашей штрафной площади. А что было делать нам, защитникам?! После сильного удара мяч возвращался обратно, как бумеранг...

5:1, 5:2, 5:3, а игры остается еще немало... Наше нападение измоталось, один только Ньюфер проявляет признаки жизни. Измоталась и полузащита. Ливорнцы, предчувствуя победу, атакуют все яростнее, и мы трое — вратарь и два защитника — с трудом сдерживаем их натиск. Один за другим летят мячи в наши ворота, выше ворот, рядом с воротами. Вратарь ловит их, отбивает, переводит на угловые, выхватывает, распластавшись в броске, из-под ног противников. И тут уж было, конечно, не до корректной игры. Ливорнские рыбаки изрядно обрабатывали меня бутсами, коленями, локтями, плечами. Я старался не остаться в долгу... И все же я знал, что соревнование проиграно. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Окончательно вымотавшись, наши нападающие и полузащитники перестали думать об атаке и сгрудились на нашей штрафной площади. Сам собой получился знаменитый индонезийский «бетон», глухая защита, при помощи которой команда Индонезии сумела на Мельбурнской олимпиаде в первой встрече со сборной СССР добиться ничьей с нулевым счетом.

На пути к нашим воротам ливорнцы встречали теперь целый лес ног, и мяч увязал в нем. И все же минут за восемь до конца счет стал 5:5.

Насмарку пошла трехмесячная борьба, насмарку пошли двойки, единицы и нули в таблице розыгрыша. Забьют или не забьют ливорнцы в оставшиеся минуты шестой гол — вот что решало судьбу первенства. Бесконечно медленно текло время для нас, с неумолимой быстротой иссякало оно для ливорнцев. Все десять их полевых игроков бомбардировали наши ворота, да и вратарь подчас оказывался чуть ли не на середине поля. Ливорнцы торопились и в спешке теряли точность передач и меткость ударов. Им так и не удалось взломать «бетон». Свисток судьи зафиксировал счет 5:5 — нашу победу.

И тотчас же, раздвигая кричащую и улюлюкающую толпу зрителей, на поле выбежал взвод карабинеров, взял нас в каре и отвел в раздевалку. Эта предосторожность, на мой взгляд, была излишней: не мы, а хозяева поля нуждались в защите, на них обрушился гнев ливорнских тиффози,

Мы возвращались во Флоренцию чемпионами Тосканы. В купе вагона, где собралась наша команда, звенела под переборы гитары веселая песня:

Evviva Firenze,
Cittб delle bellй donne!
Да здравствует Флоренция,
Город прекрасных женщин!

...Через две недели начиналось первенство Италии, в котором предстояло участвовать и нашему клубу. За несколько дней до этого я покинул Флоренцию. Семейство Блоха провожало меня на вокзале. Позади, деликатно уступая им «авансцену», стоял плотный, элегантно одетый Орсини.

Поезд тронулся, он шел на юг, к Риму, Неаполю. Семейство Блоха махало мне вслед платками. Орсини догнал медленно двигавшийся вагон и протянул мне изящную картонную карточку.

— Ваша тессера, синьор Ромм, — сказал он. — Благодарю вас и счастливого пути.

Он остановился и приподнял свой борсалино...

Тессера — членский билет футбольного клуба «Фиренце» — сохранилась у меня до сих пор. На обороте каллиграфическим почерком Орсини вписаны результаты четырех соревнований, в которых я участвовал.

8

Снова в Москве. — Пенальти в Люберцах. — «Мы, божьей милостью Николай Вторый…» — С «Коломягами» против москвичей. — Гол, забитый на сто сорок третьей минуте. — Впереди — война. — Прощание на перроне.

На стадионе в Лужниках на больших щитах деревянными фигурками футболистов обозначены места команд в розыгрыше первенства СССР. После очередных встреч фигурки перемещаются в соответствии с результатами последних игр.

Ни один болельщик не пройдет мимо такого щита, не остановившись перед ним, чтобы лишний раз убедиться в том, что он и так прекрасно знает: на каком месте находится «его» команда. У щитов вспыхивают страстные дискуссии, меткие реплики сыпятся со всех сторон. А какое глубокое знание игры, особенностей каждого игрока, мельчайших подробностей предыдущих первенств обнаруживается в этих дискуссиях!

Подойдите к щитам в последние дни чемпионата, когда после многих десятков сыгранных встреч шансы команд на «золото», «серебро» и «бронзу» начинают вырисовываться яснее. Здесь можно узнать, услышать много интересного, а для профана вовсе и непонятного.

Вот стоит человек с раскрытой записной книжкой в руках и, сопоставляя начерченную в ней таблицу с фигурами на щите, рассуждает вслух: «Если киевские динамовцы выиграют у тбилисских, а «Шахтер» отгрызет очко у СКА, если «Спартак» припухнет в Минске, а минчане в Москве сделают ничью с московскими динамовцами, а московские динамовцы погорят в Ростове — тогда, пожалуй»...

Посочувствуем этому болельщику: его любимая команда находится в незавидном положении. Даже выигрывая все оставшиеся встречи, она не может выйти на «золото». Для этого нужно, чтобы исполнились все эти «если», чтобы обогнавшие ее соперники проигрывали и делали ничьи по точному расписанию, в совершенно определенных комбинациях. Иными словами, «его» команда может выиграть первенство только «чужими ногами».

Именно в таком положении находились быковцы — друзья моего футбольного детства, — когда в июне 1914 года я вернулся

из заграничной поездки и поселился в пансионе Фидлера, где мои родители снимали комнату.

За большой двухэтажной дачей через дорогу начинался столетний сосновый бор. Против калитки уходила вдаль прямая как стрела просека. Между соснами в кустарнике стоял полумрак, ковром стлался по земле темно-зеленый губчатый мох, пахло хвоей, смолой, лесной прелью. К вечеру в солнечные дни поперек просеки ложились тени стволов, высокие кроны темнели в закатном небе.

В этом лесу на большой поляне находилось футбольное поле. Как и прежнее поле по ту сторону железнодорожной линии, оно было окаймлено канавками, ворота были без сеток. С трех сторон темной стеной стояли вековые сосны. Я любил эти дачные футбольные поля. В канавках, в воротах без сеток было что-то домашнее, уютное. Зрители подступали к самым линиям, и игра шла в тесном живом обрамлении.

Первенство футбольной лиги Казанской железной дороги подходило к концу. Командам оставалось сыграть по четыре игры. Впереди шли красковцы и люберовцы. Быкомвцы отставали от них на два очка. Как я уже говорил, они могли выиграть только «чужими ногами», если красковцы и люберовцы сыграют между собой вничью и хотя бы по одному разу проиграют другим командам. Как это нередко бывает, все «если» исполнились. К последнему кругу быкомвцы опередили Красково и отставали от Люберец на одно очко, Именно с Люберцами им предстояла последняя игра. Повторилась ливорнская ситуация. Только теперь нам нужна была победа, а противникам было достаточно ничьей. К концу встречи счет был 2:2. На последних минутах мы получили право на одиннадцатиметровый. Снова, как в Ливорно, пошли насмарку все предыдущие игры. Исход первенства решался одним ударом. Бил Леонид Смирнов, заслуженный быкомвский «снайпер». Мяч прошел в нижний угол ворот раньше, чем вратарь успел нырнуть за ним.

22-го июня, через два дня после люберецкого финала, я шел вдоль дачных заборов к футбольному полю, собираясь потренироваться. На большом щите, рядом с объявлениями о концертах на «кругу» и о сдаче внаем комнат, мне бросились в глаза напечатанные большими буквами слова:

«Мы, милостью божьей Николай Вторый,
Император Всероссийский, Царь польский,
Князь Финляндский и прочая и прочая
Объявляем всем нашим верным подданным...»

Это был манифест о всеобщей мобилизации...

Через несколько дней я был призван. Сначала меня направили в 12-ый гренадерский астраханский полк, где я отбывал воинскую повинность, а затем перевели в Петербург, в автомобильную роту. Она помещалась в Михайловском манеже. Автомобильной промышленности в то время в России не было, и мы занимались реквизицией машин для нужд армии у частных владельцев.

В огромном манеже разномастными шеренгами выстраивались машины разных фирм и конструкций: «бенцы», «мерседесы», «оппели», «фиаты», «испано-суизы», «пежо», «рено», «форды», «остины».

Служба была для нас прекрасной шоферской школой. Через месяц мы крутили баранку, как заправские водители.

Время от времени в манеже появлялся командир автомобильной роты свитский генерал Секретев, один из самых близких к царю генералов, высокий, представительный, строгий. Он принимал рапорт, обходил шеренги машин и распекал наших прапорщиков.

Зимой стали приходить американские «паккарды» и «хупмобили». А затем прибыли бронированные «остины» — первые броневики в русской армии. Это были обыкновенные легковые машины с усиленным шасси и двумя пулеметами в бронированных башнях. Броня защищала от винтовочных пуль, но легко пробивалась артснарядом малого калибра.

Теперь в манеже формировались броневые взводы. Время от времени снова появлялся Секретев со своими адъютантами. Прапорщики и подпрапорщики с инженерными значками на погонах, пулеметчики и шоферы проходили мимо него церемониальным маршем, громко печатая шаг.

— Здорово, молодцы! — высоким тенором покрывая оркестр, кричал Секретев.

— Здравия желаем, ваше ди...ство! — рявкали шеренги.

Потом командиры рассаживались по машинам, заводились моторы, и броневики один за другим выезжали из широких ворот манежа на площадь.

Через некоторое время машины на буксире возвращались на ремонт — исковерканные, с пробоинами в башнях, с залитыми кровью сидениями для шоферов и пулеметчиков. Шоферы и пулеметчики не возвращались...

Нам, вольноопределяющимся, разрешалось пользоваться машинами во внеслужебное время. Сначала я выбрал себе небольшую гоночную «испано-суизу», но ездить на ней по городу было почти невозможно: при малейшей прибавке газа она давала

такой рывок, что я рисковал врезаться в стену, в извозчика, сбить пешехода. Я сменил ее на маленький уютный «форд». После работы я ездил обедать в студенческую столовую Политехнического института, называвшейся просто «политехничкой». Здесь было шумно и весело, шли разговоры о семинарах и зачетах, о гастролях Шаляпина и борьбе в цирке Труцци, и я отдыхал от военной тематики Михайловского манежа. Вечерами я долго разъезжал по великолепным петербургским проспектам и площадям, по набережным с горбатыми мостами, с резными чугунными решетками. Особенно хороши были они зимой, в изморозь, когда решетки и деревья покрывались инеем. Ходить по городу пешком я избегал: Петербург в то время буквально кишел офицерами и генералами, и приходилось на каждом шагу отдавать честь или становиться во фронт.

В начале марта ко мне в манеж приехал инженер Синдеев, секретарь футбольного клуба «Коломяги», одного из лучших петербургских клубов, занявшего осенью 1914-го года в первенстве города второе место. Год тому назад мне пришлось играть против «Коломяг» в составе сборной команды лиги Казанской железной дороги. Петербуржцы выиграли у нас со счетом 3:2. Коломяжцы играли технично, корректно, умно. Особенно запомнились мне тогда полузащитник и три брата — Филипповы.

При старой системе «5 в линию», полузащитники несли огромную нагрузку, были как бы стержнем команды. «Хорошая полузащита — хорошая команда», — гласила английская футбольная поговорка. Братья Филипповы были надежным стержнем команды. Они были очень различны. Петр, игравший правым полузащитником, был едва ли не самым техничным, разносторонним и умным игроком русского футбола. После революции он входил в состав сборной РСФСР и неоднократно был ее капитаном. В центре полузащиты играл старший Филиппов — Всеволод. Худощавый легковес, он отличался умной и точной пасовкой, от него нередко начинались атаки команды. Младший Георгий, игравший левым полузащитником, умел неожиданно подключаться к нападению и издалека забивать голы. Быстрым и точным снайпером был центральный нападающий Крутов.

Синдеев приехал вербовать меня в команду. Он был высок, строен, с живыми серыми глазами, ранней сединой, совсем не похожий на высокомерных «боссов» московского футбола. Впоследствии мы стали с ним близкими друзьями. После его визита маршруты моих вечерних поездок изменились. Теперь

«фордик» доставлял меня в петербургский пригород Коломяги. По еще не стаявшему снегу футбольного поля я бегал и бил мяч: не хотелось ударить лицом в грязь перед своими новыми партнерами.

В паре со мной левым защитником играл Гостев, невысокого роста, коренастый, с сильным плассированным ударом, типичный задний защитник, «чистильщик» по современной футбольной терминологии. Это позволило нам быстро сыграться, так как я был таким же типичным передним защитником и обычно выдвигался почти в линию полузащиты. Гостев впоследствии входил в сборную команду РСФСР.

В начале весны «Коломяги» выехали на два соревнования в Москву. Эти встречи имели для меня большое принципиальное значение: два года тому назад заправилы Московской лиги вывели меня из «большого» футбола, а петербуржцы гостеприимно пригласили в одну из своих лучших команд. Надо было доказать, что они не ошиблись.

В первый день мы играли против команды «Унион» на ее поле. Это поле было «недомерком», короче и умже, чем предусмотрено правилами. Такие тесные поля выгодны грубым и примитивно играющим командам и гандикапируют команды хорошего класса: для тактических комбинаций нужен простор. Нам, москвичам, приходилось иногда играть на поле «Униона» во время розыгрыша первенств города, но коломяжцы, особенно в первом тайме, никак не могли к нему приспособиться. Хотя нашему нападению удалось первому открыть счет, но к перерыву унионцы вели 2:1. Неужели мы проиграем слабой московской команде? Этот проигрыш был бы жестоким ударом по моему самолюбию. Однако во втором тайме коломяжцы привыкли к полю, и мы сумели свести игру вничью — 2:2.

На следующий день против нас выступила сборная команда Казанской лиги. По составу она была очень сильна, особенно в нападении. На правом краю виднелись мощные фигуры лучшего снайпера русского футбола Денисова, обладавшего феноменальным по тому времени ударом, и полусреднего Замоскворецкого клуба спорта Шурупова; левое крыло состояло из быстрых «легковесов» Житарева и Сергея Романова. Оба крыла объединял в центре хороший тактик, быкомвец Троицкий. В сущности, мы играли против сборной Москвы, особенно после того, как мой закадычный друг, быкомвский защитник Иванов из чисто спортивных соображений уступил свой «пост» замоскворецкому защитнику Эджу, не входившему в Казанскую лигу. Поступок Иванова был даже отмечен на страницах «Русского спорта».

Игра началась атаками коломяжского нападения, но вскоре москвичи выровняли игру, а затем и прижали нас к воротам. Я был прикован к Житареву, который требовал неустанной опеки, правый полузащитник Петр Филиппов держал Сергея Романова. На нашем фланге дело обстояло благополучно, а вот на левом Денисов и Шурупов крепко трепали коломяжскую защиту. Прошло шестьдесят лет со дня этой встречи, но я совершенно ясно помню, как был забит первый гол: Денисов стремительно обошел левого полузащитника Георгия Филиппова, оттянул на себя левого защитника Гостева и выложил мяч Шурупову. Никем не прикрытый Шурупов устремился с мячом к нашему голу. Я бросился ему наперерез, но он, не дожидаясь встречи со мной, спокойно и точно пробил в нижний угол ворот.

Вскоре после этого наш полусредний бельгиец де Мей вывел на удар центрального нападающего Крутова, и тот сравнял счет. Однако натиск москвичей продолжался; в середине тайма Шурупов, снова получив мяч от Денисова, забил нам второй гол.

Было ясно: если мы не сумеем сдержать правое крыло противника, то проиграем.

И тут сказалась сыгранность и высокий класс «Коломяг»: команда сразу сумела перестроиться — Петр Филиппов и я сместились немного влево. Теперь мы прикрывали не только левый край московского нападения — Житарева и Романова, но и центрального нападающего Троицкого, а наши центральный и левый полузащитники вместе с защитником Гостевым могли вплотную держать Денисова и Шурупова. Опасность была устранена без оттягивания назад нападающих. Игра выровнялась, и к перерыву счет стал 2:2.

В начале второго тайма я допустил оплошность: отбивая мяч, коснулся его рукой. Судья назначил штрафной без защиты. Как сейчас помню: все три брата Филипповы одновременно, словно по команде, обернулись и метнули на меня негодующие взгляды. Пенальти забили. Москва повела 3:2. Однако я не был особенно обескуражен: в игре уже ясно чувствовался перелом, я знал, что победа останется за нами. И действительно, сначала Крутов, потом де Мей и затем снова Крутов довели счет до 5:3.

Вернувшись в Петроград, мы застали там сборную Одессы. До нашего приезда она проиграла 1:5 сборной столицы. Встреча с «Коломягами» также не вплела новых лавров в ее венок: одесситы потерпели поражение со счетом 2:4.

Весеннее первенство Петрограда разыгрывалось по олимпийской системе. Участвовало восемь команд — все «левиофаны» столичного футбола. Слаб был только Павлово-Терлярский кружок спорта. Он пал нашей первой жертвой,

получив 10 «сухих» голов. Эта победа вывела нас в полуфинал с «Меркуром». Меркуровцы успешно играли в этом сезоне: товарищескую встречу с «Унионом» они выиграли 6:1. Очень опасны были у них центральный нападающий Самойлов и левый полусредний Киселев, мои непосредственные противники.

Встреча сложилась напряженно и очень необычно. За три минуты до конца игры мы вели 2:1, но не сумели в оставшиеся сто восемьдесят секунд удержать счет. Перед самым свистком второй мяч сидел в наших воротах. Дорого же стоила нам эта оплошность! К концу добавочного времени счет стал 3:3. По тогдашним правилам нам предстояло продолжать игру без перерыва до первого забитого мяча.

Вскоре с поля ушел получивший травму де Мей: игра уже давно стала грубой. Играть против меркуровцев вдесятером было трудно. Почувствовав «слабинку», они удвоили натиск. Пушечные удары то и дело проходили рядом с нашими воротами. Проигрыш казался неизбежным. Но неожиданно мы получили передышку. Самойлов, Киселев и я одновременно прыгнули за высоким мячом и столкнулись в воздухе. Когда мы приземлились, Киселев, прихрамывая, держался за голову обеими руками. Атаки меркуровцев ослабли. И тут наш левый полузащитник Георгий Филиппов, овладев мячом, неожиданно издалека пробил по голу. Мяч вошел в верхний угол ворот. Полуфинал был выигран. Гол был забит на 23-ей минуте «сверхдополнительного» времени, на 143-ей минуте после начала игры. Мы выиграли у равных, если не у более сильных противников: капризное футбольное счастье на этот раз сопутствовало нам.

Финал с «Унионом», обыгравшим в полуфинале многократного чемпиона Петербурга команду «Спорт», был для нас легче. Без особого труда мы одержали победу со счетом 4:2. В этой встрече мне пришлось играть против Бутусова — не знаменитого впоследствии Михаила Бутусова, а против его старшего брата Василия. Держать его было нелегко.

Итак, весеннее первенство Петрограда осталось позади. Мы отдыхали от «трудов праведных», два или три раза тренировались в ожидании летних футбольных боев.

В них, однако, мне уже не пришлось участвовать. Финальная игра с «Унионом» оказалась последним соревнованием, которое мне суждено было играть в царской России: я был откомандирован из автомобильной роты в 10-й тяжелый полевой артиллерийский дивизион, где был автопарк для подвозки снарядов, и вскоре отправился с ним на фронт.

Предстояли другие, более серьезные, чем на футбольных полях, бои...

9

У истоков советского футбола. — Флаг Советов на королевском стадионе. — В поисках новых организационных форм. — Миллионы приходят к спорту. — Москва получает настоящий стадион. — Я тренирую сборную Москвы к первой Спартакиаде. — У микрофона — Вадим Синявский. — На повестке дня — профессионалы.

Прошло три года, прежде чем мне снова пришлось увидеть футбольное поле. И вот опять тот же ЗКС — Замоскворецкий клуб спорта, против которого я не раз играл, и те же игроки, кроме тех, кто пал на полях войны. Игроки пришли в клуб пешком: только что кончилась война, страна еще не оправилась от разрухи, трамваи не ходили.

Пешком пришел и председатель ЗКС, милейший Николай Александрович Гюбиев, не по возрасту стройный и моложавый, горбоносый, с сединой в черных волосах, с живым, приветливым взглядом темных глаз. Страстный поклонник кожаного мяча, он любил не только футбол, но и футболистов, и в первую очередь, конечно, своих замоскворецких ребят. И ребята отвечали ему тем же. Да и все мы, футболисты, любили этого славного, отзывчивого человека.

Гюбиев заведовал спортивным отделом универсального магазина Мюр и Мерилиз. Придешь, бывало, к нему купить бутсы или щитки: Николай Александрович встретит тебя как гостеприимный хозяин, обслужит обязательно сам, не допуская до этого «ответственного» дела приказчика, а затем заведет к себе в подсобку. И пойдут нескончаемые разговоры и жаркие споры о игроках, командах, ударах, голах, шансах...

Увидев меня на трибунах, Николай Александрович схватил меня за рукав шинели.

— Демобилизовались? Совсем теперь в Москве?

— Совсем, Николай Александрович!

— Вот и чудесно: к нам в команду. Будете играть с Сысоевым. Прекрасная выйдет пара.

Гюбиев начал руководить Замоскворецким клубом спорта еще до войны и с таким же энтузиазмом продолжал председательствовать в первые годы после революции.

Они были очень трудны, эти младенческие годы советского футбола: интервенция, гражданская война, разруха, голод. Но ребенок рос крепким и здоровым: рухнули классовые барьеры, тысячи участников «диких» команд с их рабочей закалкой влились в ряды футболистов.

Страна еще только залечивала раны, еще не совсем наладилась жизнь, а сборная команда РСФСР из игроков Москвы и Петрограда уже отправилась в поездку по Швеции и Норвегии. Результаты этого скандинавского турне в августе 1923 года показательны: советские футболисты играли против сборных команд городов и стран, не принимавших участия в войне, принесшей им небывалое обогащение, играли на чужих полях с чужими судьями, сыграли в предельно сжатые сроки двенадцать встреч и десять из них выиграли, а остальные две свели вничью.

Стремясь во что бы то ни стало одержать хоть одну победу над «красными русскими», шведы предложили сыграть тринадцатое соревнование — вторично встретиться с их национальной сборной.

Наши игроки не испугались «чертовой дюжины», но потребовали три дня отдыха. Шведы согласились. Встреча состоялась 21 августа на королевском стадионе в Стокгольме, на том самом, где одиннадцать лет тому назад русская олимпийская команда потерпела поражение от финнов.

Трибуны были переполнены, присутствовал шведский король. Уже должна была начаться игра, но команды не выходили на поле. Зрители — спокойные, уравновешенные шведские зрители, привыкшие к безупречной пунктуальности, недоумевали. А в раздевалке шел жаркий принципиальный спор; шведы нарушили давно установленную футбольную традицию: при международных встречах вывешивать на стадионе национальные флаги обеих стран. На этот раз на обоих флагштоках у королевской ложи развевались шведские флаги.

Хозяева поля объясняли это недоразумением, ошибкой. Советские футболисты требовали, чтобы ошибка была исправлена. Шведы утверждали, что это невозможно: служащий стадиона, у которого находится ключ от помещения с флагами, уехал и неизвестно, когда он вернется. Советские футболисты заявили, что они не торопятся, могут подождать, но на поле они выйдут только тогда, когда на стадионе будет поднят флаг Советов. Заминка продолжалась еще некоторое время, а затем зрители увидели, как синий с желтым крестом шведский флаг на одном из флагштоков медленно, словно нехотя, пополз вниз и вместо него взвился — впервые на зарубежном стадионе — алый стяг молодой советской республики.

Вслед за политической победой пришла и спортивная: шведская национальная сборная проиграла со счетом 1:2. Вот имена победителей: вратарь Соколов, защитники Ежов и Гостев, полузащитник Воног, Батырев и Корнеев, нападающие Григорьев, Михаил Бутусов, Исаков, Канунников, Жибоедов.

После скандинавского турне наши связи с большим европейским футболом прерываются на одиннадцать лет: советский футбол вступает в полосу глубокой и длительной перестройки. Ломались старые формы, — руководимые меценатами спортивные клубы с высокими членскими взносами, — и в нелегких поисках создавались новые, пригодные для массового спорта, спорта миллионов, организации.

И футбол неустанно рос: бурно количественно и гораздо медленнее — качественно. Не были еще разработаны методы тренировки, кафедры игр в институтах физкультуры и научно-исследовательских институтах физической культуры делали еще только первые шаги в этом направлении.

В эти одиннадцать лет международные футбольные контакты сводились к встречам с рабочими зарубежными командами. Исключение составляли турки: с турецкой национальной сборной и сборными Анкары и Стамбула мы, начиная с 1924 года, встречались по нескольку раз в сезон. В большинстве случаев сборная СССР выигрывала, иногда делала ничьи, редко проигрывала. Но делать из этого какие-нибудь сопоставления не приходилось: на европейской футбольной «бирже» турецкие «акции» стояли не так уж высоко.

Перестройка проходила не всегда гладко, да иначе оно и не могло быть. Организационные формы неоднократно менялись. Об этом нелегком пути говорят даже названия команд: «Спартак», прежде чем стать «Спартаком», был последовательно «Московским клубом спорта», «Красной Пресней», «Пищевиком», «Дукатом», «Промкооперацией»; ЦСКА стало «самим собой», побывав последовательно «ОППВ», «ЦДКА», «ЦСКМО», «ЦДСА». Только «Динамо», организованное в 1923 году по инициативе Ф. Э. Дзержинского, сразу же обрело свое прославленное впоследствии во многих футбольных битвах название.

Менялись не только наименования команд, но и составы. Игроки кочевали из одного спортивного общества в другое, подчас даже в разгар сезона. Слабость новых обществ и текучесть их составов повели к тому, что основой футбольных календарей стали сборные команды всех видов и рангов — сборные республик, городов, профсоюзов, отдельных ведомств. Первенство РСФСР разыгрывалось сборными Москвы и Ленинграда, в первенстве СССР к ним подключалась сборная Украины.

По принципу сборных был организован и футбольный турнир крупнейшего физкультурного мероприятия тех лет — первой Спартакиады народов 1928 года. В ней, кроме трех китов советского футбола, — сборных Москвы, Ленинграда и Украины, участвовали сборные автономных республик, областей, краев и команды рабочих Уругвая, Англии, Швейцарии и Финляндии.

Незадолго до открытия Спартакиады я зашел в Московский совет физической культуры. Неожиданно для меня начальник спортивного отдела Абрам Владимирович Зискинд, с которым меня связывала долголетняя дружба, испытующе посмотрел на меня и сказал:

— А не взялись ли бы вы тренировать сборную Москвы к Спартакиаде?

— За месяц до открытия? Что же можно за это время сделать?

— Многое. Вы же знаете — сумерки богов. А если мы сами займемся их заменой, поклонники и меценаты будут на нас собак вешать. Вам это легче сделать — вы сейчас стоите в стороне от гущи нашей работы.

Я понял Зискинда с полуслова. Славное четвертое поколение русских футболистов, ставшее первым поколением советских, вынесшее на своих плечах трудности переходного периода, заставившее после блистательных побед поднять на стокгольмском стадионе знамя Советов, перешло зенит своего спортивного пути. Уже много лет гремели в футболе имена Канунникова, Артемьева, Григорьева, Лапшина, Исакова, Рущинского, Селина. Они и теперь еще могли служить примером своим будущим преемникам, но... как уже было сказано, только сочетание выносливости и задора молодых игроков с опытом и точным расчетом старых создает тот чудесный сплав, который одерживает трудные победы на футбольных полях. Кое-кому из «стариков» пришла пора уступить свое место в сборной команде Москвы молодежи.

К этому времени после травмы, полученной на хоккейной тренировке, я уже не мог играть и был связан с футболом только как спортивный журналист.

Не без колебаний принял я предложение Зискинда. Многие из тех, которых предстояло вывести из состава сборной Москвы, были моими старыми футбольными друзьями. Против некоторых мне не раз приходилось играть.

Было решено, что спортивный отдел сформирует две сборных, и после нескольких тренировок будет определен основной состав.

«Вешать собак» на нас начали, лишь только в футбольные круги проник слух, что состав сборной будет изменен.

А когда начались тренировки, в «Красном спорте» появилась статья одного из солидных деятелей московского футбола: он писал об «экспериментальной лаборатории Зискинда и Ромма», о том, что открытие Спартакиады на носу, а сборная еще не приступила к настоящей работе, и футбольная Москва до сих пор не знает, кто будет защищать ее честь.

К началу Спартакиады сборная команда выглядела так: вратарь Леонов, защитники Рущинский и Александр Старостин, полузащитники Егоров, Селин и Леута, нападающие Николай Старостин, Троицкий, Исаков, Владимир Блинков, Холин. Четверо из них — двое Старостиных, Егоров и Блинков — впервые вошли в состав московской сборной. Слабым местом в команде был правый полусредний Троицкий, один из когда-то славной плеяды новогиреевских нападающих. Но найти ему замену среди молодых футболистов не удалось, а оставлять в команде игрока, занимавшего это место до замены, мне не хотелось: он был тесно связан с теми, кого пришлось вывести из состава, и вряд ли можно было ожидать от него особенного рвения.

Из ветеранов, входивших в состав команды, следует прежде всего упомянуть левого защитника Рущинского. Когда ревнители давно минувших времен футбола утверждают, что никто сейчас не обладает такими сильными ударами, как старые игроки, они в качестве примера приводят нападающего Денисова и защитника Рущинского. Рущинский действительно обладал редким по силе и точности настильным ударом, и вратари настораживались, когда он бил по воротам с тридцати-сорока метров.

Своеобразным игроком был центральный полузащитник Селин, высокий, худощавый, ярко-рыжий. Вспоминается популярное в то время четверостишье, сложенное о нем неизвестным «футбольным» поэтом:

Мир футбола чист и зелен,
Зелен луг и зелен лес.
Только очень рыжий Селин
Как-то в эту зелень влез.

Селин обладал феноменальной прыгучестью. Снять ногой мяч с головы противника было для него простым делом. Он был своего рода футбольным акробатом: принимал, и останавливал мяч, и бил по воротам из самых невероятных положений.

И еще в одном отношении он оставался непревзойденным: одинаково хорошо играл защитником, центральным

полузащитником и центральным нападающим.

Интересным игроком был центральный нападающий Петр Исаков, прозванный «футбольным профессором». Он не обладал ни силой, ни быстротой, этими столь необходимыми для центрального нападающего качествами. Но он был великолепным футбольным тактиком и в этом отношении далеко опередил эпоху, в которой играл. Он держался в несколько оттянутой назад позиции, умно и точно посылал мячи своим партнерам, всегда находя самое уязвимое место в обороне противника. Его удары по воротам были не очень сильны, но точно и неожиданно плассированны, неудобны для вратаря.

Надо отметить, что эти три выдающихся игрока отличались неизменной корректностью. Грубости они не признавали.

Спартакиада открылась в начале августа. Впервые распахнул свои ворота новый динамовский стадион, первый настоящий стадион в Москве. Теперь, после Лужников, он кажется нам небольшим и скромным, но тогда мы были поражены его размерами, великолепным футбольным полем, гаревой легкоатлетической дорожкой, мототреком, трибунами, вмещавшими 50 тысяч зрителей, стеклянной радиокабиной.

После легких побед над командами Крыма и Сибири сборная Москвы вышла в полуфинал со сборной Ленинграда. Признаться, со смятением в душе ехал я в битком набитом трамвае на стадион в день встречи с нашим грозным соперником: у ленинградцев играли лучший вратарь Советского Союза Соколов, защитники Ежов и Гостев, в полузащите блистали такие имена, как Петр Филиппов и Батырев, в нападении — Григорьев и Бутусов, словом, чуть ли не весь состав сборной СССР. Выдержат ли наши выдвиженцы натиск этих закаленных ветеранов советского футбола, оправдает ли себя наш эксперимент с омоложением команды почти накануне трудных футбольных боев?

Начало игры подтвердило мои опасения. Уже на второй минуте Бутусов, получив мяч от Григорьева, внес его на груди в наши ворота. Вскоре Александр Старостин с трудом в последнюю секунду ликвидировал прорыв того же Бутусова. Но на двадцатой минуте наступил перелом: Николай Старостин, опередив Ежова, принял передачу от полузащитника и забил ответный гол мимо выбежавшего ему навстречу Соколова. Теперь игру повела сборная Москвы, и только блестящие броски и выбеги Соколова спасали ворота Ленинграда. Но незадолго до перерыва тот же Николай Старостин с подачи Блинкова забивает ленинградцам второй гол.

Вторая половина игры проходит при явном перевесе москвичей. Блинков с передачи Старостина увеличивает счет до

3:1; красивая комбинация Старостин — Холин — Блинков завершается четвертым голом; и, наконец, пушечный удар Холина заставляет Евграфыча пятый раз вынуть мяч из сетки ворот. Игра «сделана», переходить в глухую защиту тогда еще не умели, и ленинградцы, используя небрежность уверенных в победе москвичей, успевают сквитать два гола. Со счетом 5:3 Москва выходит в финал.

Характерно, что четыре гола из пяти были забиты молодым пополнением московской сборной, да и Холин был не из «стариков». В защите Александр Старостин показал ту солидную, надежную игру, которой он отличался на протяжении всего своего долгого футбольного пути.

«Красный спорт» писал, что Батырев был незаметен, а Бутусов слаб. Это было, конечно, неверно: ветераны русского и советского футбола играли хорошо, но в их игре уже проступали признаки увядания...

Итак, ставка спортивного отдела МСФ на омоложение команды выдержала первое трудное испытание. Теперь предстояло второе, еще более трудное — финальная встреча со сборной командой Украины.

Команда была очень сильна, особенно в защите и полузащите. Я не видел ни одной игры, где украинцы не владели бы серединой поля. Но их нападающие, быстрые, с хорошей техникой, страдали «ударобоязнью» в самой острой форме. Дойдя до штрафной площадки противника, они продолжали перепасовываться в поисках абсолютно верной голевой ситуации, упуская при этом менее верные, и в конце концов теряли мяч.

Так же сложилась и финальная встреча на Спартакиаде. Украинцы почти все время висели на наших воротах. Не раз казалось, что мяч уже трепещет в сетке, но нет... вместо удара следовал пас, второй, третий, возможность забить упускалась, мяч уходил на свободный, на угловой, за боковую линию. Прорывы наших нападающих ликвидировались великолепной полузащитой и защитой украинцев обычно еще на дальних подступах к их воротам, и снова атака перебрасывалась к нашей штрафной площади.

Стадион гудел, москвичи с тревогой ждали развязки: должен же был непрерывный, ураганный натиск южан завершиться в конце концов голом.

Развязка пришла на шестьдесят первой минуте игры, пришла совсем не так, как этого можно было ожидать: наше левое крыло прорвалось в зону противника. Холин отпасовал в центр, и мяч попал к Троицкому, самому слабому нашему нападающему. Но на этот раз слабость оказалось силой: на Троицкого уже давно никто

из украинцев не обращал внимания, никто его не держал, и он все время оставался свободным. Получив мяч, заслуженный новогиреевец тряхнул стариной: не останавливая, прямо с ходу, почти без замаха, всадил его возле самой стойки в ворота. Москвин, вратарь украинцев, не успел даже пошевельнуться.

И снова непрерывно и настойчиво атаковала сборная Украины, и снова Леонов, Рущинский и Александр Старостин, стиснув зубы, отстаивали неприкосновенность наших ворот. И отстояли: гол Троицкого остался единственным голом финальной встречи. Сборная Москвы стала чемпионом первой Спартакиады...

Встреча Москва — Украина стала важной вехой в истории советского футбола: впервые футбольное соревнование транслировалось по радио, впервые к десяткам тысяч зрителей присоединились миллионы болельщиков во всех концах страны.

Незадолго до начала встречи на стадион приехали три молодых веселых парня — два радиотехника из Всесоюзного комитета радиовещания и представитель редакции «Последних известий». Радиотехники подвесили в кабине белый кирпичик микрофона и проверили аппаратуру, представитель «Последних известий», стройный сероглазый юноша, проверил звук и приготовился к трансляции.

Прежде, чем команды вышли на поле, впервые полетели в эфир ставшие такими привычными слова: «Говорит Москва, говорит Москва: наш микрофон установлен на центральном стадионе «Динамо». Сегодня мы передаем...»

Этот день неожиданно определил весь жизненный путь сероглазого юноши. Футбол взял его за руку и повел по стадионам всего мира. Вот уже 36 лет — эти строки пишутся в январе 1964 года — доносится до нас со всех континентов через океаны и горные хребты его голос: «Наш микрофон установлен на стадионе»...

Где только не устанавливал свой микрофон Вадим Синявский — читатель, конечно, уже давно догадался, что речь идет о нем. Он стал едва ли не самым популярным человеком в спортивных кругах Советского Союза; из радиокабин Рима и Хельсинки, Стокгольма и Сант-Яго, Мельбурна и Рио-де-Жанейро он видел футбольные турниры четырех олимпиад и двух первенств мира, видел игру всех корифеев мирового футбола, предельно точную пасовку бразильцев, коварные финты Гарринчи, голы, забитые Жюстом Фонтеном, «мертвые» мячи, взятые непревзойденным Яшиным. Он видел, как крепла и мужала в футбольных боях сборная Советского Союза, вместе с ней радовался ее победам и скрывал под маской железного спокойствия горькую обиду ее неудач и поражений.

В передачах Синявского стремительная погоня за мячом в минуту футбольных кульминаций — «мяч у Хусаинова, пас Гусарову... Гусаров отдает назад Шустикову... удар... еще удар... Гол??.. Нет, атака отбита»... — чередуется с раздумьями о приметах и особенностях транслируемой игры, сопоставлениями с другими встречами. И тогда в эфире возникают частые паузы. Прислушиваешься к ним — к паузам тоже можно прислушиваться — и чувствуешь, что Вадим спокойно, не торопясь, подыскивает самое точное выражение, самое меткое определение для того, что происходит на поле; он хочет быть наблюдательным и верным глазом радиослушателя, этого заочника футбольных соревнований.

У Синявского выработалась своя, отличная от других комментаторов, манера подавать материал. Мягкая, ироническая нотка почти всегда звучит в его голосе, спасая его от ненужного мелодраматизма, которым грешат некоторые радиокомментаторы: «Гол! Гол!! Замечательный гол!!!... Наша команда снова вырвалась вперед!». С годами к этой спокойной интонации прибавилась назидательность — огромный опыт дает Синявскому на нее право. Назидательность эта не навязчива: Вадим скуповат на похвалу и мягок в упреках: «Сыграно, пожалуй, не самым лучшим образом»...

Только иногда его голос звучит жестко и укоризненно, — когда на поле начинается «рубка».

Трудно сказать, кто из них больше дал другому: футбол Синявскому или Синявский футболу. Но врозь я их не мыслю и от души желаю Вадиму еще долго оставаться у микрофона...

...Еще шесть лет после первой Спартакиады советский футбол рос и развивался в отрыве от европейского. Наконец осенью 1934 года встал вопрос о поездке сборной из игроков московских команд «Спартак» и «Динамо» в Чехословакию для встречи с одной из стяжавших мировую известность чешских профессиональных команд «Славия» или «Спарта». Чехи только что вернулись с футбольного первенства мира в Риме, где вышли в финал и только здесь проиграли итальянцам с минимальным счетом 1:2. Итак, первая встреча с профессионалами.

«Профессионалы, профессионалы! Как надоел нам этот жупел, которым не переставали нас пугать! Когда же мы померяемся силами с этими самыми профессионалами?» — пишет о настроениях наших футболистов в те годы Андрей Старостин в своей книге «Большой футбол»,

И вот желанный день настал...

10

Рабы профессионального футбола. — Не так страшен черт, как его малюют. — Футбольная «династия» Старостиных. — Взлет и падение Акимова. — «Спартак» терпит поражение на поле и одерживает победу в… раздевалке.

Что же это, однако, за жупел — профессиональный футбол? Впервые он появился в Англии в 1885 году и вскоре принял там законченные «классические» формы. Английский профессиональной клуб представляет собой обычное акционерное общество, отличающееся от промышленных и торговых акционерных предприятий лишь тем, что размер дивиденда, уплачиваемого пайщикам, ограничен шестью процентами. Остальная часть дохода должна быть обращена на улучшение стадионов — строительство трибун, дренажирование полей и другие усовершенствования.

Игроки связаны с клубами контрактом и без их согласия не вправе переходить в другие команды. Клубы же могут выставить любого своего игрока на трансферт — продать его за определенную сумму другому клубу. И игрок должен безропотно сложить свой чемодан и отправиться жить и играть в другой город, а то и в другую страну и даже на другой континент. Согласия игрока не требуется: право трансферта предусмотрено контрактом, который сохраняет силу до тех пор, пока игрок не достигнет футбольной старости — тридцатипятилетнего возраста — или не будет изувечен и по заключению компетентной медицинской комиссии станет негодным для футбола.

«Сегодня, во второй половине двадцатого столетия, профессиональный футболист — единственный человек, которого можно продать и купить без его согласия. Продать и купить, как невольника и раба!» — пишет в одной из своих статей, разоблачающих подоплеку профессионального футбола, центральный нападающий «Реймса», сборной Франции и сборной мира, тончайший тактик футбольных полей Раймонд Копа.

Копа на собственной судьбе испытал прелести футбольного рабства. Шестнадцати лет, работая откатчиком на шахте в Не-ле-Мин и играя в футбол в местной любительской команде, он был продан отцом профессиональному клубу «Анже»: заправилы этого

клуба разгадали в нем будущего чемпиона, а старый шахтер считал, что его сыну лучше стать профессиональным футболистом и иметь хороший заработок, чем гнуть спину в шахте, рискуя погибнуть при взрыве или обвале. Сам Раймонд был на седьмом небе: он страстно любил футбол.

Но когда через несколько лет, уже известным игроком, он хотел перейти из захудалого «Анже» в одну из лучших профессиональных команд «Реймс», его хозяева сказали ему:

— Об этом не может быть и речи: ты нужен нам.

Так бы и корпел Копа всю свою футбольную жизнь в «Анже», если бы не счастливая случайность: «Анже» обанкротился, и при ликвидации его дел «Реймс» купил Копа за два миллиона франков. Заправилы «Реймса» не пожалели об этой сделке: через шесть лет они перепродали Раймонда мадридскому «Реалу» за ...пятьдесят два миллиона. Копа покинул родную Францию и перекочевал в Испанию. И когда он должен был защищать цвета своей родины на мировом первенстве в Стокгольме, ему пришлось испрашивать на это разрешения у своих хозяев. Надо отдать справедливость заправилам «Реала»: они отпустили Копа в Швецию...

Впрочем, жалобы Копа следует принимать с оговоркой. Такие «асы», как он, связаны со своими хозяевами золотыми цепями. С каждого трансферта игрок получает солидный куш. Так, например, когда миланский клуб «Милано» «купил» молодого бразильского негра Амарилдо за полмиллиона долларов, обе стороны остались довольны сделкой: «Милано» повысил свои шансы в первенстве Италии, сборы с матчей с участием Амарилдо удвоились, а отчисления от трансферта в пользу знаменитого футболиста составили изрядный куш, обеспечивший его на всю жизнь.

Итальянцы пытались купить и черную жемчужину бразильского футбола Пеле, но бразильские болельщики — торседорес — предупредили своего кумира, чтобы он после своей измены не вздумал вступить на родную землю, иначе... Пеле остался в «Сантосе».

Однако профессиональные команды состоят не только из «асов». Рядовые игроки, которых клубы не стремятся перекупить друг у друга, «работают» на футбольных полях за довольно скромное вознаграждение.

При всех своих отрицательных сторонах профессионализм неизмеримо поднял класс футбола и его популярность. Во всех странах Европы выросли огромные стадионы, и сотни тысяч зрителей понесли свои деньги в их кассы. Профессиональный футбол перестал быть спортом, он стал большим бизнесом с

кадрами опытных руководителей и квалифицированных тренеров.

...Таков был тот жупел, с которым предстояло встретиться сборной команде московских «Спартака» и «Динамо».

Приехав в Прагу, наши футболисты узнали, что их противником будет «Жиденице», а не «Спарта» или «Славия»: эти команды были не в лучшей спортивной форме, они могли проиграть русским. Их поражение было бы расценено, как поражение чешского футбола, а проигрыш «Жиденице» был бы просто проигрышем малоизвестной команды из города Брно. Да и риск был для чехов невелик: «Жиденице» играла отлично, лидировала в чемпионате, шла впереди «Спарты» и «Славии».

Итак, в один из поздних осенних дней 1934 года наши футболисты вышли на непривычное для них гаревое поле «Жиденице». Можно себе представить, как волновались они, неискушенные в большом футболе, перед этой встречей с «жупелом». Но волнение вскоре прошло, и, к удивлению зрителей, да и пожалуй, самих советских футболистов, к перерыву два «сухих» мяча сидели в воротах чешской команды. Неискушенность все же сказалась — не на поле, а в перерыве. В то время, как чехи в раздевалке выслушивали наставления тренера и готовились к ожесточенной борьбе во втором тайме, наши, по выражению Андрея Старостина, «бездумно растрачивали свои силы: давали телеграммы в Москву, принимали поздравления, орали, хохотали».

Это едва не стоило им победы: через четверть часа после перерыва счет был 2:2, и чехи продолжали бешено штурмовать ворота советской команды. Все же сборная «Спартак» — «Динамо» выстояла, а перед самым концом прорыв Якушина принес ей третий победный гол.

Так у наших пограничников на станции, через которую возвращались из Праги футболисты, появился мяч, покрытый автографами игроков, выигравших у профессионалов «Жиденице». Коллекция таких мячей увеличивалась после каждой поездки советских футболистов за границу до тех пор, пока наши команды стали туда не ездить, а летать. Может быть, и на Внуковском аэродроме есть любители коллекционировать футбольные мячи с автографами...

Об игре с «Жиденице» мне подробно рассказывали Николай и Александр Старостины, с которыми у меня после моего кратковременного тренерства сборной Москвы к первой Спартакиаде завязалась дружба.

Рассказывали они подробно, со вкусом. Речь вел Николай, Александр вставлял отдельные, большей частью юмористические замечания.

Футбольная «династия» Старостиных чрезвычайно своеобразна. Три старших брата — Николай, Александр, Андрей — унаследовали от своего отца, егеря-обкладчика Петра Ивановича Старостина, неиссякаемую, из глубин народных идущую жизненную силу, выдержку, спокойную энергию, основательность. Эти качества отражаются и в их внешности: рослые, плечистые, подтянутые, они хороши и сейчас, когда седина обильно посеребрила их головы.

Братья схожи и очень различны. Николай — прирожденный организатор и руководитель коллектива, тонкий психолог. Один из основателей «Спартака», он много лет руководит его футбольной командой: дело нелегкое, — это знает каждый, кто знаком с большим футболом. У него наметанный глаз: он умеет в желторотом юнце разглядеть будущего мастера, определить его настоящее спортивное призвание — футбол, бокс, коньки, — ободрить при первых неудачах, осадить при первых признаках зазнайства.

Александр — самый спокойный и уравновешенный из трех братьев. Спокойно и надежно играл он на протяжении многих лет защитником в команде мастеров «Спартака», в сборных Москвы и Советского Союза, спокойно и солидно директорствовал на фабрике спортивного инвентаря, заведовал торговой спортивной базой. Он, бессменный член федерации футбола СССР, нередко привлекается Николаем в качестве компетентного консультанта.

Андрей в пору своего расцвета был игроком мирового класса. Футбол он любил страстно, до самозабвения, тяжело переживал неудачи команд и свои собственные. Его всегда отличало большое чувство ответственности перед товарищами.

У меня сохранилась любопытная фотография: только что забит решающий гол в ворота «Спартака»: Андрей стоит у ворот, остолбенело глядя вдаль — олицетворение трагической скорби, а два крайних спартаковских защитника, однофамильцы Виктор и Василий Соколовы, держат его за руки и смотрят на него с трогательным состраданием.

В течение нескольких лет Андрей был капитаном спартаковской команды мастеров, ее лидером в трудных футбольных боях. Лидером другой замечательной советской команды — московского «Динамо» — был Михаил Якушин. Встречи этих двух китов московского футбола, неизменно происходившие при заполненных до отказа трибунах, были в какой-то степени дуэлью их лидеров — темпераментного, горячего капитана спартаковцев и спокойного ехидного «хитроумного Михея», наблюдательного и тонкого комбинационного игрока, первоклассного мастера не только

кожаного мяча, но и хоккейной клюшки.

Однако ничто не вечно под луной — Андрей Старостин уже давно не топчет шипами бутсов газоны футбольных полей. Он ответственный работник федерации футбола СССР, неоднократный начальник сборной команды Союза, автор талантливой и увлекательной книги «Большой футбол» и — будем надеяться — будущий автор второй части этой книги, в которой он расскажет о последнем десятилетии советского футбола, о футбольных первенствах мира в Швеции и Чили, о стадионах Бразилии и Уругвая, Италии и Швеции, Индонезии и Индии, о победах и поражениях, об игроках и болельщиках.

Старостины — из племени настоящих спортсменов. Спортивным духом отличается и дружная, сплоченная команда «Спартак». В тяжелые годы, когда после выигрыша дубля она скатилась из-за смены поколений чуть ли не на последнее место, в ней не было дезертиров.

Мне вспоминается характерный эпизод. Ранней весной 1936 года на стадионе (ныне «Локомотив») в Черкизове шла встреча на первенство Москвы. Играли «Спартак» и «Динамо», трибуны, как всегда, были переполнены. Три месяца назад сборная из лучших игроков этих двух команд выступала в Париже против профессионального клуба «Рэсинг». В воротах сборной стоял запасной спартаковский вратарь Акимов, даже в Москве ни разу не игравший в больших матчах. Акимов сыграл великолепно. Это был его «большой» день, когда неожиданно раскрылся его замечательный талант. Парижская печать сравнивала его с лучшими вратарями мира — Хиденом, Заморрой, Планичкой. И вот теперь, в ранний весенний день, москвичи увидели в воротах «Спартака» этого новоявленного соперника Заморры и ждали, чтобы он показал свое искусство.

Поначалу все шло хорошо. Атаковали спартаковцы и забили два гола в ворота «Динамо». Но вот один из динамовских нападающих издалека пробил по воротам «Спартака». Под пристальным взглядом десятка тысяч зрителей Акимов каким-то угловатым, неловким движением потянулся к мячу и... не дотянулся; мяч, совсем не трудный, оказался в сетке. Еще пять мячей вынул до конца встречи из своих ворот Акимов, один из них прошел у него между ног.

Было ясно — молодой вратарь играл в полушоковом состоянии. Там, в Париже, он был всего лишь запасным вратарем, из-за болезни основного занявший его место, а с запасного и взятки гладки. Здесь, в Москве, он держал экзамен «на Заморру» и, неопытный, необстрелянный, не выдержал тяжелой психической нагрузки.

После игры я прошел в раздевалку «Спартака». Акимов стоял у окна, судорожно охватив руками батарею отопления, прильнув щекой к подоконнику — воплощение беспредельного, безграничного отчаяния. Никто его не утешал и никто не бранил. Игроки раздевались, принимали душ, растирались полотенцами, прихлебывали холодный чай с лимоном, перекидывались репликами, подначивали друг друга, смеялись, вспоминали эпизоды только что сыгранного соревнования. Ни слова не было сказано об Акимове. Могло показаться, что сегодняшняя игра ничем не отличалась от многих других, сыгранных «Спартаком». Это была великолепная симуляция: спартаковцы, щадя Акимова, искусно скрывали едкую горечь поражения. А несчастный Акимов все еще обнимал руками батарею.

Я уже искал слова утешения, но тут послышался спокойный голос Николая Старостина:

— Хватит переживать, Анатолий, не последний раз играешь. Ступай в душ, игроки уже одеваются.

«Не последний раз играешь»... Умные слова: в них был как раз тот подтекст, который в эту минуту был нужен. «Не последний раз играешь» — значит, не все еще потеряно, значит, не выгонят из команды, дадут возможность искупить вину. Половину невыносимой тяжести снял Старостин этими словами с души молодого вратаря. Акимов отлепился, наконец, от батареи, сел на скамью и стал стаскивать свои вратарские доспехи.

Спартаковцы в этот день потерпели на поле тяжелое поражение, но зато одержали в раздевалке великолепную победу: спасли товарища от душевной травмы. Акимов не остался в долгу: много лет он блестяще защищал ворота «Спартака», его искусство не раз спасало команду от поражений в самых трудных, решающих соревнованиях.

11

Жупел № 2. — Куар забивает решающий гол. — Советский футбол вступает в пору зрелости. — Первый чемпион Советского Союза и первый обладатель кубка. — Футбольный клуб на северной трибуне. — В редакцию «Красного спорта» приходит Иван Поддубный. — Мой последний футбольный матч.

Встреча сборной «Динамо» — «Спартак» с чемпионом Франции «Рэсингом», происходившая в Париже 1-го января 1936 года, превратилась для парижан в главный новогодний аттракцион. В течение нескольких дней до соревнования толпы болельщиков держали в осаде кассы стадиона «Парк-де-Пренс».

«Рэсинг», недавно вернувшийся из Лондона, где он сыграл вничью с знаменитым «Арсеналом», представлял собой типичную профессиональную команду эпохи футбольного «экспорта-импорта». Ее основу составляла Франция с колониями: четыре коренных француза, высокий, худощавый сенегальский негр защитник Диань и центральный нападающий стройный светловолосый алжирец Куар. Англия и Югославия были представлены полусредними — маленьким кривоногим Кеннеди и рослым, сильным Живковичем. Германия «делегировала» второго крайнего защитника Шмидта. Стержнем команды были австрийцы: вратарь Хиден, которого многие считали лучшим вратарем мира, и центральный защитник Жордан. Тренировал команду для встречи с нашими игроками английский тренер Кемптон, специально приглашенный хозяином «Рэсинга», крупным промышленником Бернаром Леви из Лондона. Леви сделал все, чтобы его «мальчики» не ударили лицом в грязь. Словом, этот жупел был куда грознее, чем скромная «Жиденице».

Сборная «Спартак» — «Динамо» не обманула ожидания парижан: она играла великолепно, показала футбол высокого класса, имела почти все время территориальное преимущество и... проиграла со счетом 1:2. Что-то странное, необычное для наших футболистов было в ходе игры: причины проигрыша так и остались для них неясными.

«На половине поля «Рэсинга» тесно. На нашей половине свободно», — пишет, вспоминая об этом соревновании, Андрей

Старостин. — «У меня впереди лишь два края и Куар. Оба инсайта оттянуты назад. Однако странная вещь: мы нападаем чаще, а моменты атаки острее у них. В чем же дело? Почему то Куар, то Вейнант, то Мерсье так неожиданно и как-то легко, как нож масло, проходят нашу защиту?»

Дело было в том, что советские футболисты впервые столкнулись с жупелом № 2 — тактической системой «дубль-ве».

Теперь ее знает каждый новичок, тогда она была новинкой. Ее вызвала к жизни новая редакция правила «вне игры», принятая в 1925 году.

По старой редакции этого правила игрок, принимая мяч от партнера, должен был, чтобы не оказаться в положении «вне игры», иметь перед собой не меньше трех противников. Пользуясь этим, один из защитников играл обычно далеко впереди, почти в линии полузащиты, заставляя нападающих другой команды оттягиваться назад, чтобы не оказаться «вне игры». Второй защитник — по современной терминологии «чистильщик» — оставался сзади на случай прорыва.

Заметим, что такое расположение игроков носило название «пять в линию», название не совсем точное, так как нападающие почти никогда не располагались шеренгой поперек поля, а играли в разных вариантах: с оттянутыми назад или с выдвинутыми вперед полусредними, или же с оттянутыми назад центральным нападающим.

Широкие права защитников постепенно создали явный перевес обороны над атакой, брони над снарядом. Футболу стала грозить «ничейная смерть». Кроме этого, маневры опытных и сыгранных между собой защитников вынуждали судью тридцать-сорок раз на протяжении соревнования останавливать игру и назначать свободные удары за нарушение правила «вне игры». Футбол стал зрелищно скучным.

Все это и вызвало изменение правил. Теперь, чтобы при приеме мяча от партнера не оказаться в положении «вне игры», достаточно было иметь впереди себя не трех, а всего двух противников, включая вратаря. Поэтому продвижение вперед одного из защитников уже не заставляло нападающих другой команды отступать. Они могли спокойно оставаться за его спиной и ждать там мяча. Пришлось перестроить всю систему защиты. Центральный полузащитник оттянулся назад и превратился в центрального защитника. На его обязанности было закрывать самую опасную зону — пространство перед воротами. Крайние защитники стали держать крайних нападающих противника, полузащитники — полусредних. Нападение играло с оттянутыми назад для связи с полузащитой полусредними. При новой

расстановке игроков команда представляла собой как бы две английские буквы «дубль-ве» — одна из них была повернута «вверх ногами»: отсюда и название системы.

Всего этого не знали наши игроки. Центральный полузащитник Андрей Старостин держался, как всегда, впереди, защитники Александр Старостин и Корчебоков прикрывали ворота каждый со своей стороны, и Куар, Мерсье и Вейнант легко проникали в коридор между ними.

Так встала перед советским футболом задача освоить новую тактическую систему. Без этого нечего было и думать о международных победах.

Перестройка затянулась. Во-первых, ни наглядный урок на футбольном поле, ни лекция Кэмптона на другой день в отеле «Кавур» не убедили наших игроков в преимуществах новой системы: она казалась чересчур защитной, они еще не уловили ее тесную связь с новой редакцией правила «вне игры», слишком еще прочны были навыки прежней системы «пять в линию», в течение многих лет царившей во всех странах, где играли в футбол. Нужен был второй, еще более наглядный урок, который преподали через год футболисты Басконии. Во-вторых, чтобы внедрить «дубль-ве», надо было сначала покончить со сборными командами, этими футбольными однодневками, и перейти к клубным командам со стабильным составом, с хорошими условиями для тренерской работы, а также к твердым календарям розыгрышей первенства.

Это было сделано в том же 1936 году, когда первенство и кубок СССР впервые были разыграны не сборными командами, а командами клубов. Советский футбол вступил в пору зрелости.

Я пишу не историю футбола, а лишь свои «футбольные» воспоминания. Но несколько слов о первенстве и кубке СССР мне все же хотелось бы сказать. Первыми чемпионами страны стали московские динамовцы, первым обладателем кубка — московский «Локомотив». За время с 1936 по 1963 год московские динамовцы выходили на «золото» одиннадцать раз и завоевывали кубок два раза, «Спартак» был чемпионом страны семь раз и обладателем кубка шесть раз. ЦДСА выигрывал первенства пять раз и кубок четыре раза. Кубок покидал Москву четырежды: в 1944 году его завоевал «Зенит». Это была замечательная победа. Футболисты города Ленина, города-героя, истерзанного блокадой, бомбежками, голодом, сумели, лишь только армия погнала немцев от ленинградских застав, пройти без поражений все напряженные кубковые встречи. Второй раз кубок покинул Москву ради первопрестольного града Киева. Наконец, два года подряд он гостил в Донецке у «Шахтера».

Вместе с твердым календарем и стабильными командами появились и «стабильные» болельщики: спартаковские, динамовские, торпедовские, приверженцы ЦДСА. Некоторые скоро будут справлять тридцатилетний юбилей своего преданного «боления».

Кожаный мяч завоевывает прессу. Отчеты о соревнованиях появляются не только на страницах «Красного спорта» — предтечи «Советского спорта», — но и в общей печати. В дни соревнований в ложе прессы на стадионе «Динамо» собирается целый «корпус» спортивных корреспондентов. Семен Нариньяни и Мартын Мержанов от «Правды», Ефим Рубин от «Известий», Юрий Ваньят от «Труда», Колодный от «Вечёрки» ловят на летучие листки блокнотов стремительный ход футбольных сражений. Изобретаются диаграммы, позволяющие проследить и зафиксировать путь мяча по полю от первой до последней секунды игры.

Заглядывал и я в эту шумную, веселую ложу. Но чаще я забирался в тридцать шестой ряд северных трибун, под самую радиорубку, сквозь стеклянную стену которой просвечивал силуэт Вадима Синявского. Отсюда, сверху, поле просматривалось лучше. Рядом со мной садился начальник «Физкультснаба» и председатель московской и всесоюзной теннисных секций Константин Иосифович Масс, или, как его любовно звали друзья и знакомые, Массик. Мы приходили за полчаса до начала игры, смотрели, как заполняются трибуны, следили за разминкой команд, обсуждали шансы.

Постепенно вокруг нас образовался своего рода футбольный клуб из завсегдатаев соревнований. Тут же, по ходу игры, сыпались реплики, возникали споры. «Феерия в красках!» — азартно кричал Масс при виде эффектно забитого гола. Это было его любимое выражение.

Добродушный толстяк, человек редкого обаяния, готовый помочь всем и каждому советом и делом, он был одним из самых популярных людей в спортивных кругах. Уже тяжело больной, он продолжал руководить сложной работой «Физкультснаба». В день его шестидесятилетия зал центрального шахматного клуба, где происходило чествование, был заполнен спортсменами всех специальностей. Свой юбилей он пережил ненадолго...

Со своего места на северной трибуне я видел с 1936 по 1943 год не меньше ста игр на первенство и кубок страны, и ни одна из них не была похожа на другие.

Многие до сих пор сохранились в моей памяти. Хорошо помню, как ликовали тбилисские динамовцы, забив в первом тайме три «сухих» мяча в ворота московского «Торпедо», и как

разочарованно покидали они поле, пропустив столько же во втором тайме в свои, помню великолепный гол, забитый в этой игре в высоком прыжке миниатюрным тбилисцем Джеджелавой.

Самые острые, самые упорные бои разыгрались, когда встречались извечные соперники — московские «Спартак» и «Динамо». В спартаковском нападении играли невозмутимо спокойный, постигший все премудрости владения мячом Глазков, неистовый боец Степанов по прозвищу Болгар; рослый таран Семенов с размашистым, совсем не футбольным бегом; Алексей Соколов, прирожденный, по моему твердому убеждению, полузащитник, всю свою футбольную жизнь игравший форвардом; прямолинейный, несколько примитивный быстроход Корнилов. Трудно понять, как из таких разнородных «компонентов» получился отлично сыгранный ансамбль.

Не раз приходилось мне видеть Сергея Ильина, левого крайнего из «могучей кучки» московского «Динамо», маленького, верткого, с неожиданными рывками от боковой линии к центру, к штрафной площади противника, с меткими завершающими ударами, с молниеносным и всегда верным решением самых сложных тактических ситуаций; его напарника правого крайнего Трофимова, неотвязчивого, настырного, способного измотать любого полузащитника, и такого же меткого «стрелка», как Ильин; видел знаменитый дуэт Бобров — Федотов из ЦДКА и ажурные «кружева» киевского трио — Шиловского, Щегодского и Лайко.

Целое поколение советских футболистов, поднявших уровень нашего футбола, от проигрыша «Рэсингу» до побед над лучшими командами Англии в 1945 году, прошло перед моими глазами.

С моего места в тридцать шестом ряду северных трибун я видел игру футболистов Басконии. Наблюдая за ней, я снова утверждался в мысли, что спорт в его высших проявлениях сроден искусству, вернее, представляет собой один из его видов. Подобно музыке и балету, он не создает материальных художественных ценностей. Его стихия, как и стихия балета, — движение. Но в балете движение становится искусством, когда оно предельно эмоционально, передает все оттенки человеческих страстей, все движения человеческой души, в спорте — когда оно предельно просто, целеустремленно, рационально. Тогда оно обретает особую строгую красоту.

Я сказал «снова утверждался в мысли». Снова, потому что взлеты спорта к искусству мне приходилось видеть и раньше: в артистических бросках за мячом вратарей Соколова и Идзковского с их поразительным предугадыванием направления ударов, без чего нельзя защитить семиметровый раствор

футбольных ворот, в безупречно изящной игре многократного чемпиона СССР по теннису Кудрявцева, изящной даже в минуты высшего напряжения, даже при неудачах и проигрыше, в движениях чемпионки по плаванию Кочетковой: коренастая, приземистая, она, войдя в воду, теряла, казалось, весомость. Ее тело становилось предельно обтекаемым. Словно веретено, пронизывала она прозрачную стихию, и даже при спуртах и на финише, когда вокруг нее бешено вскипали буруны белой пены, ее движения сохраняли обманчивую непринужденность. Не спортом, а высоким искусством был бег приезжавшего в Москву рекордсмена мира на средних дистанциях француза Жюля Лядумега. Он не бежал, а плыл над гаревой дорожкой, словно не касаясь ее шипами черных туфель.

...После соревнований я пробивался сквозь густую толпу зрителей к выходу, отыскивая среди тысяч машин маленький газик «Красного спорта», и садился в него вместе с тремя сотрудниками футбольного отдела — Дуровым, Виттенбергом и Ваньятом, который еще не перешел в «Труд». Газик, непрерывно сигналя, медленно прокладывал себе путь сквозь скопление машин на Ленинградском шоссе. По дороге в редакцию мои спутники успевали в жарком споре обсудить все подробности только что закончившейся игры.

Футбольные парадоксы Дурова сталкивались с психологическими соображениями Виттенберга, а совсем еще молодой, высокий, тонкий, как хлыст, пронзительный Ваньят, прирожденный репортер и живая энциклопедия футбола, сыпал сведениями о всех предыдущих встречах игравших сегодня команд и освещал закулисные стороны сегодняшнего соревнования. Я мрачно молчал: у меня никогда не было журналистской хватки, умения творить на лету.

Впечатления от матча должны были отлежаться в моем сознании, уйти в подсознание и вернуться оттуда в виде готового «отстоя». Поэтому я писал отчеты долго и мучительно.

Приехав в редакцию, я уединялся в какой-нибудь комнатушке и начинал «творить». Хорошо известно, в какой спешке создается текущий номер газеты. Время от времени дверь приоткрывалась, снова закрывалась, и я слышал иронический голос Ваньята или Виттенберга: «Старик еще мучается». Затем проявлял беспокойное любопытство сам редактор. Наконец отчет готов. В нем оказывалось, конечно, вдвое больше строк, чем мне было отведено. Начинался бой за «место». Каждая строчка, каждое слово в отчете казались мне откровением. Отторговав десяток строк, я садился сокращать. На другое утро, развернув свежий номер газеты, я убеждался, что карандаш редактора еще раз

прогулялся по тексту, ампутировав именно те места, которыми я больше всего гордился. Я мчался в редакцию, и в кабинете редактора начинался трудный разговор, заканчивавшийся полным примирением, чтобы снова возникнуть после очередного соревнования.

Работать в «Красном спорте» было интересно. Редакция была физкультурным штабом, куда стекались все спортивные новости и сенсации, куда приходили спортсмены всех специальностей. Заходил худой, как скелет, Ощепков, инициатор джиу-джитсу в Москве (самбо тогда еще не знали), толстый бочкообразный Романовский, пловец на сверхдальние дистанции, ветеран русской атлетики Шульц, похожий на профессора, гиревик Ян Спарре, жизнерадостный, неугомонный остряк. Однажды ввалился в редакцию Иван Поддубный, огромный, медлительный, слишком громоздкий для редакционных комнатушек. Привел его маленький худенький Борис Михайлович Чесноков, большой знаток и любитель — очевидно, по закону контраста — тяжелой атлетики. Поддубный «разменивал» седьмой десяток, но все еще глядел богатырем, хотя годы провели глубокие борозды на его лице.

— Я еще мог бы бороться, — говорил он глуховатым басом, — спина и руки сильные, да вот ноги ослабли, не выдерживают.

Всего десять лет тому назад, приехав в Америку, он выиграл первенство мира по вольной борьбе, хотя выступал в ней впервые. Врачи при контрольном осмотре заявили, что у него сердце тридцатипятилетнего здорового человека.

Поддубный рассказал нам несколько случаев из своего прошлого. Знаменитому русскому богатырю, многократному чемпиону мира, за долгие годы своих выступлений лишь однажды побежденному, было о чем рассказать.

Кто-то из нас спросил его, что он считает более надежным средством самозащиты — борьбу или джиу-джитсу.

— Тут и гадать не надобно, — ответил Поддубный. — Дело проверенное. Приехал как-то в Париж, когда там шел чемпионат борьбы, ихний профессор, худенький такой японец, самый что ни на есть знаток по части джиу-джитсу. «Давайте, говорит, мне любого борца из чемпионата, я его за пять минут изломаю». Ну, мы собрались, посовещались. Выбрали меня с японцем бороться.

Происходило это дело на боксерском помосте, в канатах, чтобы, значит, ни мне, ни ему никуда податься нельзя было. Стал профессор вокруг меня крутиться и прыгать, норовит поймать на какой-нибудь ихний прием, руку или ногу выкрутить, захват какой сделать. Ну, и я за ним из стороны в сторону кручусь, стараюсь все время к нему лицом стоять. Наконец попробовал он

меня ногой ударить, Я его за ногу-то и поймал. Тряхнул — перелом бедра. Унесли на носилках...

Поддубный на минуту замолчал, а затем мрачно произнес:

— На этот раз я боролся бесплатно...

Чувствовалось, что он никак не мог примириться с этим тяжелым воспоминанием.

Борец неподкупной честности, единственный из всех борцов, ни разу не легший на лопатки в угоду жульническим комбинациям антрепренеров, он все же оставался профессионалом.

С теплым чувством вспоминаю я годы работы в «Красном спорте», — тесные комнатки редакции и своих, тогда еще молодых, товарищей по футбольному отделу. Дурова я потерял из вида, Ваньят и Виттенберг до сир пор не изменили спортивной журналистике. Ваньят, как уже говорилось, ведет спортивный отдел в «Труде», и ведет его дельно и подробно. Футбольные отчеты Виттенберга, подписанные коротко «Вит», появляются почти в каждом номере «Советского спорта». Надеюсь, я не совершил нескромности, разоблачив псевдоним моего жовиального друга.

Приезжая в Москву, я не упускаю случая заглянуть в футбольный отдел «Советского спорта», где Виттенберг строчит свои статьи и отчеты, то и дело хватая трубку почти непрерывно звонящего телефона, чтобы удовлетворить любопытство какого-нибудь болельщика, жаждущего узнать, кто выиграл первенство СССР в 1932 году, или отразить нападки ярого приверженца какой-нибудь команды, негодующего по поводу того, что «Советский спорт» осмелился критиковать ее игру.

Напротив Виттенберга сидит Мартын Мержанов, редактор «Футбола», воскресного приложения к «Советскому спорту», один из ведущих наших футбольных обозревателей, объездивший, вернее облетевший с нашими футбольными командами немало континентов и стран. С Мержановым меня связывает особое воспоминание. В 1938 или 1939 году мы с ним были участниками своеобразного футбольного матча, происходившего на тренировочном поле стадиона «Динамо» при довольно-таки пустых трибунах. Сражались команды журналистов «Правды» и «Красного спорта». Мартын защищал правдинские ворота, я играл за «Красный спорт» на своем обычном месте правого защитника. Это был мой последний матч. Мне уже было под пятьдесят, футбольное поле казалось мне огромным, необозримым, по крайней мере вдвое большим, чем в дни моей юности, а молодые журналисты из «Правды», обгонявшие меня без особого труда, — рекордсменами в беге. Насколько я помню, встреча окончилась

вничью. Лично для меня она окончилась растяжением всех связок, которые можно растянуть...

12

Баски в Москве. — «Дубль-ве» в действии. — Победа или поражение московского «Динамо»? — Горостица играет парадоксально. — Футбольное рождение Федотова. — «Спартак» побеждает басков.

Площадь перед Белорусско-Балтийским вокзалом залита народом. Море цветов. Несутся крики: «Да здравствует революционная Испания!», «Но пасаран!». Москва встречает футболистов Басконии. В их лице столица приветствует стертую с лица земли Гернику, бойцов Мансанареса, интернациональные бригады...

Летом 1937 года, в разгар фашистской интервенции, баски совершили поездку по Европе; сборы с матчей поступали в фонд помощи семьям бойцов, сражавшихся с франкистами. В составе команды почти вся сборная Испании, одна из сильнейших в мире, первая нанесшая поражение сборной Англии. По дороге в Москву баски выиграли в Париже у «Рэсинга» со счетом 3:0.

Первым померяться силами с гостями выпало на долю московского «Локомотива». За два дня до встречи я отправился на «Динамо», посмотреть, как баски тренируются. Когда я приехал на стадион, они уже облачались в футбольные доспехи. Я обратил внимание на то, что многие из них бинтовали подъем ноги эластичным бинтом.

В раздевалке слышалась твердая, с раскатистым «р» своеобразная басконская речь, звучали незнакомые нам экзотические имена: Лангара, Ригейро, Силаурен, Ларинага, Горостица, Иррарагори, Эчебария, Мигуэрса, Аресу, Аэду.

Тренировку баски начали с ударов по воротам. Их тренер Педро Вальяно, стоя у штанги, сильно катил по земле мяч навстречу бегущему к воротам игроку, и тот бил по голу. Удары были отработаны безупречно не только у нападающих, но и у игроков защитных линий, и вратарю Бласко не всегда удавалось поймать или отбить мяч, пробитый с пятнадцати, двадцати метров. Но даже пушечные удары баски били легко, без видимых усилий. Их работа с мячом была красива, непринужденна, обнаруживала высокое мастерство.

23-го июня на поле «Динамо» вышли гости и команда

московского «Локомотива». Железнодорожники сразу же бросаются в бурную атаку. Они знают: быстрота и напор — только это могут они противопоставить мастерству басков. Но те точными передачами гасят темп и без особой спешки спокойно и методически переходят в контратаку. Жупел № 2, незнакомая москвичам тактическая система «дубль-ве», приходит в действие. Грозно выдвигается к воротам «Локомотива» острый трезубец — атлетический центр нападения Исидро Лангара и два крайних: Горостица, техничный, с коварными неожиданными ударами, и Алонсо, единственный блондин среди черноволосых басков. Оттянутые назад полусредние — капитан команды Луис Ригейро и Ларинага — точной распасовкой выводят эту тройку на прорыв, а иногда в неожиданном рывке и сами оказываются в опасной близости от ворот. Полузащитники Силаурен и Субиета держат середину поля, встречают на дальних подступах к своим воротам нападающих «Локомотива». Тройка защитников — именно тройка, а не двойка, как при старой системе «пять в линию», — отражает атаки железнодорожников на близких подступах. Крайние защитники Аресу и Аэду, невысокие, быстрые, удивительно похожие друг на друга по манере игры, держат крайних нападающих железнодорожников, центральный Мигуэрса обороняет ключевую позицию перед воротами. И при малейшей возможности баски опасно и сильно бьют по голу — издалека и вблизи, низом, по верху. Они демонстрируют изящный и мощный, тактически зрелый футбол. Особенно сильное впечатление производят Лангара, на первый взгляд медлительный и неуклюжий, но мгновенно использующий малейшую возможность послать своим тяжелым, почти неотразимым ударом мяч в ворота, Луис Ригейро, «мозг» команды, с его точными, острыми передачами, «непроходимый» полузащитник Силаурен, которого тщетно старались обвести локомотивовцы. Теперь, когда мы видим игру басков, становятся понятными победы сборной Испании над сборными почти всех стран Европы...

...Клуб завсегдатаев на северной трибуне заседал в тот день в полном составе. Но реплик и споров не было: члены клуба боялись пропустить малейшую подробность игры.

Уже на третьей минуте первый гол «сидел» в воротах «Локомотива». Баски продолжали атаковать без особого, впрочем, усердия. Железнодорожники старательно защищались. Вскоре их центральный нападающий овладел мячом на середине поля.

«Сейчас наши забьют», — негромко сказал я Массу. Он удивленно покосился на меня, а кто-то из сидевших позади насмешливо произнес: «Держи карман шире!» Через несколько секунд вратарь гостей Бласко уже вынимал мяч из своих ворот.

Откуда появился у меня дар пророчества? Даже в игре против слабого противника, — а «Локомотив» с его упорной атакой и самоотверженной защитой отнюдь не был слабым противником — опасно нарушать тактические связи в команде. Это сделали, потеряв бдительность, «близнецы» Аэду и Аресу. Они заняли неверные позиции, и между локомотивовцем с мячом и воротами басков большим зигзагом пролег незаметный для неопытного глаза свободный коридор. Две точные диагональные передачи по этому коридору вывели одного из нападающих на свободное место у ворот, и гол был забит.

Он остался единственной удачей железнодорожников в этот день. Баски выиграли со счетом 5:1.

...Через четыре дня, 27-го июня, против басков играло московское «Динамо», успевшее дважды выиграть звание чемпиона страны. Надо ли говорить, что небольшая синяя бумажка с обозначением трибуны, ряда и номера места стала заветной мечтой сотен тысяч москвичей и что даже опытнейшие «стопперы» — контролеры стадиона — не могли защитить свои «ключевые позиции» от безбилетников.

Динамовцы одержали в этот день большую победу, проиграв баскам со счетом 1:2. Парадокс? Ни в коем случае! С одной стороны — одна из сильнейших европейских профессиональных команд с огромным боевым опытом, с такими «звездами» в своем составе, как Лангара, Ригейро, Ларинага, Силаурен, с другой — команда, часть игроков которой всего дважды встречалась с профессионалами, а часть выступала против них впервые, команда, сражавшаяся к тому же устарелым оружием, отжившей свой век системой «пять в линию», против острых колючек «дубль-ве», и в результате — разница в один гол.

Как же сложилась игра? И по своему ходу, и по результатам она была повторением игры с «Рэсингом», только на этот раз москвичам пришлось иметь дело с гораздо более сильным противником.

Динамовцы показали футбол мужественный и изящный, показали отличное владение мячом и тактическую изобретательность, неиссякаемую энергию и выдержку. Они гораздо чаще, чем баски, добивались территориального преимущества и проиграли только потому, что из шести или семи возможностей забить гол они реализовали только одну, в то время, как баски сумели использовать две из трех: Лангара при мгновенном замешательстве защитников «Динамо» мощным ударом послал мяч в верхний угол, Ригейро при счете 1:1 в борьбе с одним из динамовских защитников головой спланировал мяч также в «девятку».

Недостаточное умение завершать атаки отмечала европейская пресса и после матча с «Рэсингом», отдавая в то же время хвалебную дань искусству сборной «Спартак» — «Динамо». Это неумение отмечается нередко и сейчас на страницах «Советского спорта».

Во встрече с московским «Динамо» полностью раскрылось футбольное мастерство басков. Прежде всего, они играли, а не трудились. В их игре не было пота и «зубовного скрежета» даже в трудные для них минуты. Легкость и непринужденность — свидетельство отличного владения техникой — не покидали их. Они передавали мяч точно и просто: он ложился к ногам партнера так, что его не приходилось обрабатывать, — хочешь передавай дальше, хочешь — бей по воротам.

В футболе есть много схожих положений, например, прорыв по краю и простреленная передача в центр, но нет одинаковых. Каждая такая передача должна быть сделана по-другому в зависимости от расположения партнеров и противников. Этим умением баски владели в совершенстве.

Они избегали трафарета. Старались не играть так, как того ожидали противники, искали неожиданных, подчас парадоксальных решений, и эта неожиданность приносила успех и придавала их игре разнообразие и артистичность.

Попытка противопоставить баскам в третьей игре усиленное «Динамо» не удалась. Тбилисцы: вратарь Дорохов и защитник Шавгулидзе, призванные укрепить динамовскую сборную, не справились со своей задачей. Баски выиграли со счетом 7:4, отражающим несколько сумбурный характер встречи.

И вот 8-го июля против басков играет московский «Спартак». В составе команды семь спартаковцев: вратарь Акимов, защитники Виктор Соколов и Александр Старостин (все еще два, а не три защитника!), полузащитники Михайлов и Андрей Старостин, нападающие Степанов и Семенов. Третьим полузащитником играет Малинин из ЦДКА, нападение усилено киевскими динамовцами Шиловским и Щегодским, на левом краю выступает мало кому известный высокий, светловолосый, совсем еще юный футболист.

На первых же минутах он получает мяч и устремляется с ним вперед. Дорогу ему преграждает Силаурен, один из лучших полузащитников мира. Мы видим, как баск уже приготовился отобрать мяч у своего соперника, но затем происходит нечто совершенно непонятное: Силаурен стремительно бросается в сторону, и светловолосый юноша спокойно продолжает свой бег с мячом к воротам басков. Следует тяжелый, мощный удар, штанга отражает мяч, и он отскакивает чуть ли не на середину поля.

В чем же было дело? Почему Силаурен бросился в сторону, словно умышленно освобождая путь противнику? Немногие заметили, как светловолосый юноша, приблизившись к баску, сделал едва уловимый финт — легкий поворот головой и плечами, будто собираясь круто повернуть влево. И этот финт был настолько убедителен, что Силаурен, травленый волк европейских футбольных полей, поддался на него. Так впервые раскрылась одна из граней великолепного футбольного таланта Григория Федотова, наиболее одаренного из наших мастеров кожаного мяча.

Финту трудно научиться; это скорее врожденное свойство, своего рода гипноз обманным движением: поэтому защитник может отлично знать, каким финтом чаще всего пользуется его противник, и все снова и снова на него попадаться.

Конечно, не только финты отличали мастерство Федотова. «Его игровая интуиция, чувство пространства и времени, умение видеть поле, молниеносная оценка положения, понимание товарища, остроумные решения были и остаются удивительными, а иной раз непостижимыми», — пишет о нем Александр Старостин.

Звезда Федотова, гак неожиданно и ярко взошедшая на футбольном горизонте в матче с басками, долго не закатывалась.

Причиной тому был не только его футбольный талант, но и скромность, полное отсутствие зазнайства, сгубившего немало спортсменов.

Не только Федотов, но и все нападающие самоотверженно штурмовали ворота басков. Я внимательно следил за игрой «Спартака»: в ней намечались — еще смутно и неуверенно, — контуры «дубль-ве».

Во всяком случае, Андрей Старостин уже превратился из полузащитника в центрального защитника и нашел свое место в опасной зоне перед воротами, которое он тщетно искал в Париже в игре против «Рэсинга». «Спартак» выиграл со счетом 6:2...

...Встречи с басками показали, что советский футбол, несмотря на двенадцатилетний отрыв от европейского, сумел достигнуть высокого класса. Эти встречи выявили также его отличия от европейских профессиональных команд.

Мы превосходили зарубежников прежде всего в физической подготовке игроков.

В Европе ей уделялось мало внимания, каждый тренер строил ее на свой лад. У нас она велась в тесном взаимодействии с научно-исследовательским институтом физической культуры.

Насколько в этом отношении отстали наши западные соседи, видно из того, что обычная разминка, которую наши футболисты

провели в 1945 году в Лондоне перед игрой с «Челси», оказалась для гегемонов мирового футбола откровением. Между тем в странах Западной Европы, где в футбол играют зимой, такая разминка, разогревающая мышцы и предупреждающая растяжения и разрывы, особенно необходима.

Не только физическая подготовка игроков, но и тренировочный режим, режим питания и бытовой распорядок строились у нас на научной основе. Все это позволяло нашим игрокам с первой же минуты игры включать «четвертую скорость» и держать ее до финального свистка. Советские футболисты выматывали своих противников.

...«если футбол принимает нынче научно обоснованный характер, — писал в 1958 году один из авторитетнейших европейских футбольных обозревателей Габриэль Ано, — то этим мы обязаны инициативе русских. Наряду с более глубоким знакомством с психологической и биологической стороной подготовки футболиста, они добились создания и такого бытового режима, который обеспечивает улучшение физического состояния спортсмена».

Однако игры с басками выявили и недостатки нашего футбола, возникшие из-за того, что мы долго варились в собственном соку: отставание в технике владения мячом, наиболее сложном компоненте футбольного искусства, незнакомство с системой «дубль-ве», недостаток тактического разнообразия.

После игр с басками встала задача ликвидировать эти недостатки: возможно скорее перейти к системе «дубль-ве» и овладеть высотами технического мастерства.

Первая задача давно уже решена, вторая еще не полностью.

13

Тбилисская идиллия. — Кино на службе футбола. — Девушка на стадионе. — Футболисты грузинского села. — Тренеры команд класса «А» садятся за школьную скамью. — Московский «Спартак» показывает класс.

Над окошечком висит таблица: «Администратор». В окошечко виден затылок: человек разговаривает с кем-то, находящимся в глубине комнаты.

— Нам бы номер на двоих... — говорю я робко и просительно.

— Номеров нет, — отрезал затылок и продолжал прерванный разговор.

— Видите ли, мы приехали снимать футбольный фильм...

Поворот головы: теперь в окошечке виден профиль. Лед тронулся.

— У нас будет сниматься Борис Пайчадзе.

Я бил наверняка: Борис Пайчадзе, центральный нападающий тбилисского «Динамо», был кумиром своих земляков.

— Пайчадзе?! Боря?!

Профиль повернулся фасом. Широкое лицо и большие черные глаза излучают восторг, гостеприимство, дружбу. Голова высовывается из окошка, кричит кому-то в глубину коридора:

— Эй, кацо! Вынеси вещи из семнадцатого номера в камеру хранения! Тот парень уже третий день за комнату не платит.

Так волей его величества футбола — в Тбилиси поклоняются ему самозабвенно — мы вселились в номер семнадцатый одной из тбилисских гостиниц, в отличный номер с балконом, с видом на прямой, широкий Михайловский проспект (сейчас он, наверное, переименован) и на далекую гряду зеленых гор. Мы — это я и левый защитник «Спартака» Георгий Путилин, взявший на себя роль руководителя юных грузинских футболистов, которым предстояло сниматься в массовых сценах в учебном фильме «Техника футбола». Фильм снимался молодым режиссером студии «Мостехфильм» Амасом Кондахчаном по моему сценарию и при моей консультации. Кондахчан с нами в гостинице не поселился: в Тбилиси, в одном из старинных деревянных домов с четырехугольным внутренним двориком, с балкончиками, наружными лестницами и переходами, жила его сестра, и у нее

Амас нашел приют.

Два чудесных месяца в столице Грузии, два месяца золотой грузинской осени... Утром мы отправлялись на базар, покупали душистый грузинский хлеб — лаваш и янтарный виноград, подернутый сизой паутиной. Завтракали мы на стадионе. Футбольное поле нежилось в утренних лучах солнца, сквозь узорную вязь верхней балюстрады трибун в воздушной дали мерцали снежные вершины гор.

Позавтракав, мы принимались за работу. Кондахчан устанавливал киноаппарат, Путилин выносил на поле в большой сетке десяток новеньких, желтых, блестящих футбольных мячей.

«Актеры» нашего фильма, лучшие мастера советского футбола, приехавшие после окончания сезона в Тбилиси, рассаживались на скамьях трибун или на траве у ворот, и начиналась съемка.

Сначала я работал отдельно с кем-нибудь из футболистов, проверял и окончательно отшлифовывал его удар, остановку мяча, финт, обводку, а затем, когда прием выполнялся безупречно, Кондахчан снимал его с нескольких позиций «рапидом» — замедленной съемкой.

По признаку «коронных» приемов были мною отобраны и приглашены для участия в фильме мастера нашего футбола. Сергей Ильин, левый крайний московского «Динамо», и Лайко, левый полусредний киевского «Динамо», снимались на ударе прямым подъемом — одном из основных ударов в футболе, которым, однако, хорошо владеют немногие. Нападающий московских динамовцев Михаил Семичастный демонстрировал великолепные удары головой с места и в прыжке. Борис Пайчадзе, тонкий мастер обводки, легко и непринужденно, не замедляя бега, выписывал с мячом замысловатые фигуры между расставленными на поле стойками. Елисеев, правый полусредний московского «Динамо», оказался универсалом: был хорош и на ударах внутренней стороной подъема, и на остановках мяча, и на ударах головой. Среди приглашенных был и непревзойденный футбольный кудесник Григорий Федотов. Я ожидал, что Гриша продемонстрирует в Тбилиси весь арсенал футбольной техники. Однако когда мы приступили к съемке, обнаружилось неожиданное и весьма поучительное обстоятельство: Федотов одевал бутсы сорок пятого номера. При такой огромной ступне нечего было и думать об ударах прямым подъемом: носок зацеплял бы за землю. Федотов владел, в сущности, только одним ударом — внешней стороной подъема. Но этим ударом он владел в совершенстве, бил сильно и точно из всех положений, по неподвижному, катящемуся и летящему мячу, по низкому и

высокому, бил без поправки, без остановки, под любым углом, бил с места, в беге и в прыжке. Это доведенное до предела владение одним ударом создало впечатление разнообразной, искусной техники и делало Федотова самым опасным из наших нападающих.

Мы засняли его в очень трудном техническом приеме: мяч сильно посылался сбоку поля к воротам на высоте метра-полутора метра — слишком высоко для удара ногой, слишком низко для удара головой, — и Федотов в прыжке направлял его своим единственным «коронным» приемом в гол. Мяч изменял направление под прямым углом и, словно пушечное ядро, входил в ворота. Выполнял Федотов этот труднейший удар без промаха. Мы засняли Гришу также в нескольких видах остановки мяча, требующих особой мягкости и эластичности движений. А мягкость движений у Федотова была поистине кошачьей.

Я часто вспоминаю этого безвременно ушедшего от нас большого мастера футбола, его скромность, душевный такт, обаятельную улыбку. Трудно было играть Федотову: слишком плотно, а подчас и грубо его опекали. Еще труднее было играть против него: никакая опека не могла его удержать. Но как бы остра ни была борьба, как бы важна ни была для его команды победа, Федотов никогда не играл грубо. Это оружие в его арсенале боевых приемов отсутствовало...

...Засняв на пленку определенный технический прием, мы переходили к «массовым сценам». Надо было показать, как прием разучивается на тренировках. Постановщиком массовых сцен с участием футболистов из высококлассной юношеской команды Тбилиси был, как уже упоминалось, Путилин. Он вообще оказался очень ценным помощником — знающим, толковым, энергичным. В Москве он сам, не дожидаясь приглашения, пришел на «Мостехфильм» и добился включения в съемочную группу. Я знал его как защитника «Спартака» и часто любовался его редкими по красоте, точности и чистоте исполнения настильными ударами. Он посылал мяч от ворот далеко в поле своим нападающим, причем мяч шел как раз на такой высоте, чтобы игроки противника не могли его перехватить.

Молодые тбилисские футболисты работали с большим увлечением. Общение с прославленными чемпионами, участие в съемках было для них настоящим праздником. А видеть себя на экране при проверке заснятого материала в просмотровом зале «Грузкино»... да разве, могли они об этом мечтать! Легко себе представить, каким восторгом переполнялись их юные сердца.

Эти просмотры были очень интересны и для нас. То, что в натуре происходит в долю мгновения, в съемке рапидом длилось

несколько секунд. Футболист с неестественной медлительностью поднимал ногу, мягко отталкивался от земли, плыл, перебирал ногами в воздухе, ему навстречу так же медленно плыл по воздуху мяч. Нога и мяч встречались, было видно, как мяч при ударе сплющивался, облипая ногу, затем, снова став круглым, отделялся от нее и, не торопясь, уплывал обратно за пределы кадра. Футболист одной ногой становился на землю, вторая еще добрых три-четыре секунды завершала движение. Кадр можно было остановить в любое мгновение, и тогда футболист и мяч причудливо «зависали» в воздухе.

Замедленная съемка раскрывала красоту точного, безупречно скоординированного движения, скрытую во время игры стремительностью. Отдельные кадры — особенно приемы в прыжках, и броски вратаря — казались взятыми из какого-то изящного спортивного балета.

Съемка вскрывала такие детали футбольной техники, которые не удавалось уловить в бурном темпе соревнований. Впервые стало мне ясным, каким образом вратарь после прыжка в верхний угол приземляется не ушибаясь. В кадре хорошо было видно, как он, поймав мяч, опускается, как земли касается прежде всего внешний край подошвы, затем голень, бедро, бок, и тело вратаря изгибается, подобно полозу качалки.

Замедленная съемка безжалостно вскрывала малейшую ошибку в выполнении приема, и тогда приходилось снова его отшлифовывать и переснимать.

Пока я работал отдельно с кем-либо из мастеров, остальные ждали своей очереди, беседуя, читая или просто нежась на траве под нежарким осенним солнцем.

— Работать с мячом мы не будем, — заявили они в первый день съемок, — устали после сезона.

Но какой футболист не поддастся искушению, когда десяток новых мячей желтеет на зеленом газоне у штрафной площади и молодые тбилисские вратари только и ждут случая испытать свои силы? И вскоре я отрабатывал приемы под непрерывное бухание мячей, посылаемых сильными и точными ударами в ворота.

Сначала били из штрафной площади, потом стали отходить дальше. Удары становились точнее, сильнее, неотразимее. Уже не один, а два вратаря становились в ворота.

К концу съемок приехал киевский вратарь Антон Идзковский, вратарь блестящий, безупречный техник. Вот уж кто в замедленных кадрах казался изящной балериной, футбольной Анной Павловой.

— А ну-ка, ребята, побейте мне в ворота! — сказал он, впервые появившись на стадионе, натягивая свои рубчатые

резиновые перчатки.

И ребята начали бить. Удар — гол, удар — гол! И если даже дотянется Идзковский до мяча, руку его отворачивает в сторону, и мяч входит в ворота.

— Да что с вами стало? Бьете, как черти!

Мастера улыбались.

— Потренировались на досуге...

Так оправдалась на деле моя теория о том, что не так уж сложна проблема меткого и сильного удара по воротам: надо просто бить много, бить каждый день, как били когда-то мы, зачинатели футбола в России. Правда, у нас это была единственная форма тренировки — даже как-то странно сейчас об этом вспоминать. Но то обстоятельство, что несколько лучших мастеров советского футбола, приехавших в Тбилиси в отличной форме после окончания розыгрыша первенства страны, могли на протяжении двух-трех недель значительно улучшить свое искусство ударов, — разве не говорит оно о том, что эта трудная задача решается по старинному римскому рецепту: «Repetitio est mater studiorum» — «Повторение — мать учения». Думается, что этот тбилисский опыт еще и сейчас не совсем утратил свою поучительность.

Работали мы дружно и весело. Этому много способствовали такт, простота в обращении, добродушие, искреннее расположение к людям и мягкий юмор нашего режиссера Амаса Кондахчана и то, что все мастера, снимавшиеся в фильме, были настоящими спортсменами, любившими футбол, не жалевшими труда, чтобы наилучшим образом играть свои «роли».

Продолжительность рабочего «кинодня» устанавливается не кодексом законов о труде, а солнцем. К четырем часам его лучи слабели. Амас кричал «амба!», и до следующего утра мы были свободны. Если в тот день не было просмотра, Кондахчан шел домой, а мы с Путилиным отправлялись на прогулку по Тбилиси. К нам обычно присоединялся Женя Елисеев.

Втроем мы бродили по столице Грузии, по великолепному проспекту Руставели, по узким извилистым улицам старых кварталов, поднимались на фуникулере на гору Давида, гуляли в парке, раскинутом на ее плоской вершине, ужинали в ресторане на террасе, висящей над крутым обрывом к городу. Быстро спускалась осенняя ночь, и далеко внизу загорались тысячи огней Тбилиси.

Иногда мы поднимались на гору Давида пешком, проходили мимо монастыря у ее подножья. В белой стене монастыря была глубокая ниша, забранная решеткой, осененная густыми ветвями деревьев. Сквозь решетку видны были две надгробные плиты —

могила Грибоедова и его жены — красавицы-грузинки, урожденной Нины Чавчавадзе. «Мадонна Мурильо», — звал ее, нежную и любящую, автор «Горя от ума». Это по ее указанию на надгробии писателя и дипломата, друга Пушкина, Рылеева и Чаадаева, высечена надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русских»...

...Иногда мы отправлялись на стадион тбилисского «Локомотива», где в это время происходил розыгрыш первенства сельских команд. Соревнования были интересны: футболисты из грузинских сел хорошо владели мячом, играли быстро, темпераментно, без грубости.

Частенько мы бродили по обрывистым берегам Куры. Там, прямо по кручам, спускавшимся к бурной реке, лепились один над другим маленькие домишки. Неподалеку находился бальнеологический курорт с знаменитыми тбилисскими серными ваннами. Мы ложились на мраморные скамьи, и банщики выжимали на нас из холщовых мешков облако воздушной мыльной пены, растирали, гладили, вывертывали во всех суставах руки и ноги. Затем начинался своеобразный массаж: вскочив на наши спины, банщики плясали на них, разминая мышцы пятками. Влияние серной воды и всех этих манипуляций было чудодейственным: мы уходили из бани словно обновленные, чувствуя во всем теле необычайную легкость.

Иногда мы заходили в гости к Кондахчану. Его сестра, такая же простая, веселая, доброжелательная, как и он сам, встречала нас как родных, угощала чахохбили из кур и лоби по-армянски.

Работа подходила к концу. Все реже бывали мы на стадионе, все чаще в просмотровом зале и у монтажниц. Уже обрисовывались контуры фильма, уже звукооператоры записывали дикторский текст.

Однажды мы пришли на стадион доснять кое-какие кадры групповой тренировки. Вдали, у других ворот, сидели на траве, обхватив руками колени, двое в легкоатлетических костюмах, о чем-то беседуя. Мы кончили съемку, Кондахчан и Путилин стали переносить аппаратуру в комнату, где жили наши футболисты.

Один из двух сидевших на земле поднялся. Теперь было видно, что это девушка, рослая, с широким разворотом плеч. Она сделала несколько движений — вращения корпуса, нагибания вперед и вбок, приседания, сделала легко, свободно и закончила разминку шпагатом. Потом взяла диск и отвела руку для замаха. Плавное круговое движение, поворот кисти, и диск летит, поблескивая в лучах вечернего солнца полированным деревом и металлическим ободом. Он падает недалеко, бросок был сделан без усилия. Не спеша, почти лениво, идет за ним девушка, и тени

облаков, бегущие по полю, скользят по ее синему спортивному костюму. Она поднимает диск и снова бросает его, опять без видимого усилия, но на этот раз уже дальше. Затем она усложняет движение. Она делает стремительный разворот вокруг собственной оси и, переступив ногами, круто останавливается, словно боясь зайти за воображаемую черту на траве. Разворот и метательное движение были сделаны без диска, это было похоже на наметку, на эскиз броска. Затем девушка снова берет в руки диск и готовится метать. Тот, другой, который до сих пор сидел на траве, встает, подходит к ней ближе и внимательно смотрит — так умеют смотреть только тренеры. Ростом он ниже девушки, я узнаю в нем одного из ветеранов советской легкой атлетики Бориса Дьячкова.

Девушка отводит назад руку с диском. Теперь в ней заметно скрытое напряжение, она похожа на тугую, готовую распрямиться пружину. Придерживая диск сверху второй рукой, она делает несколько легких замахов и затем мощный, стремительный разворот. Диск, выпущенный из руки, трепеща в полете, словно птица, летит высокой, далекой дугой, падает на траву, скользит по ней, чуть припрыгивая, останавливается. Тренер подходит к девушке и что-то говорит ей — одно, два слова, не больше. Девушка снова не спеша, легкой, свободной походкой направляется к диску. Бросок, еще бросок, и с каждым разом все сильнее и дальше. Но движения девушки не теряют легкости, непринужденности, красоты.

Древней Элладой веет от этого залитого косыми лучами солнца стадиона, с его овалом трибун и далекими снежными вершинами над узорной каймой балюстрады, от этой рослой девушки, от гармонии ее движений.

Через десять дней, на первенстве СССР по легкой атлетике, она побьет мировой рекорд, побьет, никого не обидев, ибо уже сейчас он принадлежит ей, она его только улучшит...

В один из свободных дней я зашел к Нине Думбадзе — так звали многократную рекордсменку мира, — она рассказала мне о своем нелегком восхождении к славе лучшего на земном шаре дискобола. Существует два стиля метания диска — американский и финский; так было, по крайней мере, в то время, к которому относится мой рассказ. Теперь, быть может, есть и другие стили: все движется, все течет. Ведь наплодила же «бразильская» система в футболе целую кучу отпочкований: 1— 4 — 2 — 4, 1 — 3 — 3 — 4, 1 — 4 — 3 — 3, 1 — 1 — 3 — 2 — 4!

Успеха Нина Думбадзе достигла тогда, когда создала для себя некий американо-финский гибрид, наиболее подходивший к особенностям ее телосложения. Для этого ей пришлось расстаться

со своим первым тренером — он не признавал «смешения» стилей — и в течение нескольких лет работать самостоятельно. Только потом она встретилась с Борисом Дьячковым, который и помог ей взобраться на легкоатлетический Олимп. Как видно из всего этого, не только рост, сила и упорство в тренировке помогли Нине, но и ясная голова...

...Фильм заснят. В просмотровом зале мы видим на экране уже не отдельные отрывки. Весь арсенал футбольной техники, расчлененный замедленной съемкой на элементы, проходит перед нами в исполнении наших лучших мастеров под почти непрерывные аплодисменты сидящих в креслах тбилисских футболистов. Особенно громкие овации срывают Семичастный, Издковский и, конечно же, Борис Пайчадзе. Впервые раскрываются перед восхищенными взорами земляков и почитателей секреты его искусного дрибблинга. Мы тоже аплодируем Борису, вернее его изображению на экране: за дни съемок мы полюбили этого «короля обводки», не по-королевски скромного и душевного, которому громкая футбольная слава не вскружила голову.

Но предстоит еще один, куда более грозный просмотр. В Москве ареопаг из высших футбольных авторитетов будет смотреть и критиковать фильм. Здесь будут строго и придирчиво разбирать каждый кадр, и Александр Старостин с укоризной укажет на мое упущение: не показан удар носком. Но это не упущение: я сознательно не заснял его, не желая тратить драгоценные метры на такой, по моему мнению, третьестепенный удар. Возникнет дискуссия, каждый из нас останется при своем мнении. В конце концов фильм выдержит экзамен на четверку и пойдет по экранам спортивных обществ и клубов.

Все это произойдет через два месяца, а пока я провожаю на тбилисском вокзале Кондахчана, Путилина и талантливых «актеров» фильма. Они возвращаются в Москву, я остаюсь в Тбилиси: здесь начинается первый всесоюзный тренерский сбор, вызванный необходимостью возможно скорее перестроить современный футбол на новой тактической основе. Руководитель сбора, доктор Алексей Андреевич Соколов, пригласил меня читать на нем основной курс — тактику современного футбола. Итак, вслед за техникой футбола мне предстоит погрузиться в недра футбольной тактики, попытаться раскрыть перед тренерами команд класса «А» все премудрости «дубль-ве».

Задача сама по себе была не так уж трудна: трудна была аудитория. Приходилось выступать перед «столпами» советского футбола: трое из них — Ежов, Батырев и Воног — были участниками блестящего скандинавского рейда сборной РСФСР

еще в 1923 году, с Филипповым я играл в команде «Коломяги». Рядом с ними за партами сидели Пайчадзе и Шавгулидзе — лучшие игроки тбилисского «Динамо», Матвей Гольдин — тренер футбольной команды Болшевской коммуны, один из старейших наших футболистов и хоккеистов, Аркадьев — тренер «Локомотива» и ЦДКА, Товаровский — руководитель тренерской школы, Виктор Маслов — в будущем тренер московского «Торпедо».

Попробуйте-ка перед такой аудиторией в чем-нибудь ошибиться, допустить малейшую неточность в рисунках и схемах, иллюстрирующих расположение и перемещение игроков, разные тактические комбинации, возникающие в ходе игры!

Сначала мои «ученики» сидели, откинувшись на спинки стульев, и ничего не записывали: они смотрели на меня выжидающе, сомневались, услышат ли что-нибудь для себя новое.

Скептицизм их усилился, когда на одной из тактических схем игрок «а» переместился не совсем туда, куда ему следовало. Но вскоре они начали один за другим строчить в тетрадях. Последним к концу первого урока сдался кряжистый Батырев.

Мои лекции стенографировались, и издательство «Физкультура и спорт» выпустило их отдельной книжкой под заглавием «Тактика современного футбола».

С пребыванием в Тбилиси у меня связано еще одно яркое воспоминание. Туда, сделав «дубль», то есть выиграв и первенство, и кубок СССР, приехал московский «Спартак» для товарищеской встречи с местным «Динамо». Эта товарищеская встреча обещала быть более «принципиальной», чем иное календарное соревнование. Тбилисцы, как это часто с ними бывало, отлично шли в розыгрыше первенства, в кубке добрались до полуфинала, но у самого финиша и тут и там потерпели неудачу. Теперь им хотелось во чтобы то ни стало доказать, что они не слабее чемпиона СССР.

Трибуны были переполнены, на них обширными делегациями болельщиков были представлены чуть ли не все города и веси Грузии. Сразу после свистка судьи на поле закипела горячая схватка. На первых же минутах прорвался Пайчадзе и буквально с шести или семи метров послал в нижний угол ворот «Спартака» сильнейший, по существу, неотразимый мяч. Но в воротах стоял Жмельков со своей феноменальной интуицией. Не успел Пайчадзе пробить, как Жмельков, распластавшись, уже лежал в углу ворот и вытянутыми руками намертво схватил мяч.

Стадион ахнул. Прошло немного времени, и история повторилась. Снова Пайчадзе, великолепно обведя Андрея Старостина, неудержимо пробил в нижний угол, и снова

Жмельков, угадав направление удара, каким-то непонятным образом задержал мяч на самой черте.

А затем «Спартак», спокойный за свои тылы, разыгрался. Это был «большой день» красных маек, им все удавалось. Вскоре Глазков с правого края послал сильную передачу к воротам тбилисцев. Мяч шел параллельно воротам. Едва коснувшись мяча головой, Алексей Соколов изменил его направление, и он вошел у штанги в гол.

В середине тайма счет стал 2:0, к концу 3:0. И все голы были «трудовые». На футбольном жаргоне это значит, что они были забиты не случайно и не со штрафных ударов, а после красивых комбинаций.

Тбилисцы невольно сосредоточили свои усилия на защите. Один Пайчадзе мужественно пытался пробиться к воротам «Спартака». Но теперь державшего его Андрея Старостина все время подстраховывал кто-нибудь из полузащитников, и Борису, при всем его искусстве обводки, не удавалось миновать этот плотный барьер. Тогда Пайчадзе стал блуждать — перемещаться без мяча то на левый, то на правый край и там ждать передачи. Эти маневры сбивали с толку защиту «Спартака».

В конце тайма, сместившись на правый край, Пайчадзе обвел левого полузащитника, опытного, неутомимого работягу Леуту и помчался вдоль боковой линии. Правый крайний, быстрый, верткий Джеджелава, тотчас же занял место в центре поля и стал продвигаться на одном с Пайчадзе уровне к голу «Спартака». Рядом с ним бежал Андрей Старостин. Пайчадзе обвел крайнего защитника. Теперь Старостин стоял перед почти неразрешимой задачей: Пайчадзе мог сам пройти с мячом к голу — надо было преградить ему дорогу. Пайчадзе мог передать мяч Джеджелаве — надо было перехватить передачу. И как это всегда бывает в футболе — решение надо было принять в доли секунды. Именно в доли секунды принял решение... но не Старостин, а Пайчадзе. Оттянув на себя Андрея, он не стал обводить его, а послал мяч Джеджелаве. В отчаянном шпагате Старостин все же перехватил мяч и... срезал его в свои ворота. Это было слишком неожиданно даже для Жмелькова. Мяч медленно вкатился в гол у самой стойки. Честь тбилисцев была спасена, они ушли от «сухой», но от поражения не ушли.

После перерыва ничего не изменилось. По-прежнему спартаковцам все удавалось — 4:1, 5:1, 6:1. С таким счетом кончилась игра. Темпераментные тбилисские зрители, страстно болеющие за своих, на этот раз воздали должное победителям.

Действительно ли счет 6:1 отражал соотношение сил игравших в этот день команд? Ни в какой мере: на поле были

противники почти равной силы. Капризная фортуна кожаного мяча сопутствовала на этот раз «Спартаку» и повернулась спиной к тбилисцам. Быть может, первые минуты встречи, когда Жмельков спас два «мертвых» мяча, сыграли решающую роль...

...На следующий год мне пришлось снова побывать в Тбилиси: там проходил второй всесоюзный тренерский сбор, и я опять читал на нем курс футбольной тактики.

В теории тактическое перевооружение футбола шло полным ходом. А вот проверить его результаты на практике во встречах с сильными зарубежными командами нельзя было: уже пылала Европа в огне мировой войны, уже лежала в развалинах Варшава, уже капитулировала вишистская Франция, уже дрались с немцами в горах югославские партизаны, уже поворачивали фашистские орды на восток, к границам Советского Союза.

Розыгрыш первенства СССР прервался в 1941 году в самом разгаре. Последнее соревнование состоялось через две недели после начала войны. Трибуны были наполовину пусты. Многие из моих товарищей, спортивных журналистов, были уже в военной форме. Они пришли на стадион, чтобы перед отъездом на фронт еще раз встретиться друг с другом в ложе прессы. Впервые наблюдал я за игрой рассеянно, без увлечения; мысли были далеко...

А еще через две недели мы с женой, диктором Всесоюзного радиокомитета Валентиной Соловьевой, стояли ночью на крыше нашего шестиэтажного дома. Где-то рядом оглушительно стучал пулемет, и трассирующие пули пестрыми лентами тянулись в небо, к фашистским самолетам, в тревожных лучах прожекторов, похожих на больших белых бабочек. Над городом, превращая ночь в день, зонтами повисали немецкие ракеты, на крыши сыпались зажигательные бомбы, в двухэтажном флигеле рядом с нашим двором занимался пожар.

Налет стихал, фашистские самолеты уходили курсом на запад, догорали в небе осветительные ракеты. И затем, как финальный аккорд, раздался где-то неподалеку тяжелый, потрясший землю взрыв.

Крыша заходила у нас под ногами, над соседними домами поднялся к небу и стал медленно оседать, принимая грибовидную форму, огромный столб земли: первая фугаска...

Затем все стихло. В неожиданной, неправдоподобной тишине раздался спокойный голос диктора: «Опасность воздушного налета миновала: отбой... Опасность воздушного налета миновала: отбой». Кое-где догорали пожары.

Бомбежки, бомбежки, бомбежки... Воздушные бои на подступах к Москве, привязные аэростаты в небе над городом.

Слышен далекий гул канонады, московские заставы ощетинились противотанковыми надолбами. Москва сурова, спокойна, готова к отпору. Немцы в Можайске, в Воскресенске, фашистские танки в Химках... Слухи о легендарной дивизии Панфилова, обороняющей подступы к столице... И, наконец, восьмое декабря: Москва ликует, на всех улицах расклеены сообщения о разгроме немцев. Фашистские орды, бросая технику, откатываются назад: блицкриг сорвался...

Как писателю мне часто приходится выезжать в воинские части, в окрестности Москвы, в зону пустыни. Безлюдные деревни, кирпичные трубы, торчащие из остатков обгорелых изб...

Потом в моей жизни наступил период, связанный с теми нарушениями социалистической законности, которые допускались во времена культа личности.

14

В далекой Кзыл-Орде. — Снова «Спартак» — «Динамо». — Большой футбол в Алма-Ате. — Юбилейный номер журнала «Спортивные игры». — «На «Форо Италико» в Риме». — Есть в этом и моя доля.

И вот я в Кзыл-Орде. Жизнь надо начинать заново. Через три месяца Валентина прерывает свое молчание, и я узнаю, что она решила связать свою жизнь с другим человеком.

Хорошо, что к этому времени я уже не одинок: уже почти три месяца я работаю заведующим отдела подписных изданий местного книготорга. Врачи, инженеры, педагоги, бухгалтера, студенты, рабочие подходят к моему прилавку и выбирают очередные тома Пушкина, Лермонтова, Шолохова, Шекспира, Бальзака. И вскоре среди подписчиков у меня появляются друзья, радостно приветствуют меня при встрече на улице:

— А не пришел ли пятый том Паустовского?

Проходит еще несколько месяцев, и я встречаю женщину, такую же одинокую, как и я, и она становится моей женой и другом...

А футбол?

Апрель подходил к концу, приближался первомайский праздник. Утром я шел на работу и неожиданно увидел афишу:

ФУТБОЛ
«Спартак» — «Локомотив»

«Обувная фабрика» — «Динамо»
Открытие летнего сезона.

Оказывается, и в Кзыл-Орде есть. «Спартак», «Динамо» и «Локомотив».

И вот я уже сижу в верхнем ряду на стадионе кзыл-ординского «Локомотива»: правда не в тридцать третьем, как на «Динамо» в Москве, а просто в третьем — больше рядов нет, и не на бетонной трибуне, а на деревянной скамейке. И среди игроков я не вижу прославленных мастеров нашего футбола. И все же это — футбол. И худенький мальчонка-кореец в сдвинутой на

затылок кепке, сидящий передо мной и страстно болеющий за «Спартак», — все одиннадцать игроков этой команды его земляки, — чем он хуже искушенных московских болельщиков?

Я наблюдаю за игрой. У «Спартака» неплохое нападение, слаженное, с хорошей распасовкой, сильными неожиданными ударами по воротам, у «Локомотива» — надежная защита. В ней выделяется центральный защитник, рослый, хорошо сложенный; он играет умно и расчетливо, ведет за собой всю команду. Узнаю его фамилию — Дмитриев. Уже есть, за кого «болеть», а без этого нет футбола.

После матчей прихожу домой, беру лист бумаги, расчерчиваю таблицу розыгрыша, заношу в нее результаты двух встреч: две единицы, двойку и ноль. Много таких заполненных таблиц лежат у меня в ящике письменного стола в Москве.

Теперь они будут скапливаться из года в год в моей скромной кзыл-ординской комнате.

Я бываю на матчах, знакомлюсь с игроками, с руководителями кзыл-ординских спортивных организаций — председателем Облспорта Трофимовым, бывшим чемпионом Среднеазиатских республик и Казахстана по толканию ядра, и председателем Горспорта Бирюковым, кандидатом в сборную Казахстана по волейболу.

У обоих комплекции и характер находятся в полном соответствии со спортивной специальностью. Оба они рослые, но из Трофимова, мощного, широкоплечего, можно выкроить двух Бирюковых.

Трофимов солиден, спокоен, немного медлителен. Бирюков быстр, подвижен, схватывает на лету.

Познакомился я и с председателем судейской коллегии Василием Николаевичем Ханом, лучшим кзыл-ординским судьей. Психологический скафандр действовал у него безупречно. С бесстрастным непроницаемым лицом подъезжал он на велосипеде к стадиону, молча переодевался, с таким же бесстрастным лицом выходил на поле. Свисток его звучал уверенно и безапелляционно. Когда он подзывал к себе игрока, чтобы сделать ему замечание, тот невольно становился в положение «смирно». Судил он умело, почти без ошибок. Ему одному из кзыл-ординских судей была присвоена республиканская категория.

Познакомился я и с начальником спортивно-учебного отдела Облспорта Володей Паком, низкорослым, широколицым здоровяком, подвижным и жизнерадостным. Я встречался с ним не только на трибунах стадиона, но и на страницах областной газеты «Ленинский путь». Я вел в «Ленинском пути» футбольный отдел, а Пак помещал обширные обзоры, в которых воспевал

«королеву спорта» — легкую атлетику, подвиги кзыл-ординских боксеров, среди которых были чемпионы Казахстана, и драматические эпизоды эстафеты имени газеты «Ленинский путь».

Довольно забавно сложились мои отношения с этими руководителями кзыл-ординского спорта. Они испытывали ко мне смешанное чувство уважения и недоверия. Бывший капитан сборной команды России или самозванец — вот вопрос, который они никак не могли решить. Очень уж чудно было видеть в Кзыл-Орде такую «важную персону». Я не обижался: не так редки в спортивной среде самозванцы, а документальных доказательств моих прошлых заслуг у меня не было.

Все разъяснилось несколько неожиданным образом. В майский день 1958 года я прогуливался по главной улице Кзыл-Орды.

У больших часов меня окликнул Володя Пак. Он бежал ко мне, размахивая каким-то журналом. Это был юбилейный номер «Спортивных игр», выпущенный в ознаменование шестидесятилетия советского футбола. Журнал был раскрыт на двадцать второй странице. Я увидел заголовок статьи: «Английские странники» в Петербурге — первые международные матчи русских футболистов». И две фотографии: сборной олимпийской команды и русской сборной России. Увидел Бребнера, Овена, Чепмена, Нагорского, Соколова, самого себя. Нахлынули воспоминания сорокасемилетней давности...

— Идемте в Облспорт, — сказал Володя Пак, — вас там ждут.

В Облспорте меня встретили Трофимов и Бирюков. Их лица, как и у Пака, светились радостью и смущением. Встреча на «высоком уровне» председателей Облспорта и Горспорта прошла на этот раз в атмосфере полного взаимного доверия. Через неделю меня выбрали председателем городской секции футбола...

А как же с большим футболом? Неужели я перестану следить за ним? Нет, конечно, хотя по превратности судьбы я стал заочником и все его события я вижу только глазами Вадима Синявского. Но это точный и наблюдательный «глаз». Да еще Бирюков, съездив в командировку в Москву, расскажет мне о футбольных встречах, которые ему удалось посмотреть, расскажет красочно, точно, с теми подробностями, которые улавливают только знаток и настоящий болельщик.

Но разве мог я примириться с судьбой футбольного заочника? Разве мог даже талантливый репортаж Синявского или рассказ Бирюкова заменить с детских лет знакомое зрелище футбольного сражения в кольце заполненных праздничной толпой трибун? А трепетное предвкушение, когда сходишь у

стадиона с автобуса, вмешиваешься в толпу таких же, как и ты, поклонников кожаного мяча и шагаешь плечом к плечу к охраняемым контролерами и милиционерами входам, шагаешь быстро, почти бежишь, хотя до начала остается еще добрых полчаса? Спешишь, чтобы увидеть все: как выбегают из люка на поле футболисты детских команд, которым предстоит подавать игрокам ушедший за линию мяч, как выходят для разминки на поле участники соревнования, с деланной небрежностью жонглируя мячами, скрывая уже охватившую их пружинную готовность к борьбе, как пустеет поле после свистка судьи, вызывающего игроков обратно в раздевалку, как под звуки знакомого марша выходят на опустевшее поле три вершителя судеб сегодняшней игры...

...В 1958 году, после семнадцатилетнего перерыва мне пришлось снова увидеть большой футбол. Я был в командировке в Алма-Ате. В воскресенье я отправился на стадион. Троллейбусы медленной вереницей двигались по проспекту Абая. Автобусы и легковые машины запружали широкий проспект. На остановке у стадиона машины пустели. Сплошным потоком шли люди к трибунам. В лучах жаркого алма-атинского солнца лежало настоящее футбольное поле, обрамленное настоящими трибунами. Праздничная толпа, теснясь в проходах, заполняла скамьи. «Кайрат» играл с какой-то из московских команд. Через балюстраду трибун безмолвно наблюдали за игрой снежные гиганты Алатау.

Впервые мне пришлось увидеть, как две советские команды играли по системе «дубль-ве». Я вспомнил Тбилиси, тренерские сборы, моих «учеников» Ежова, Филиппова, Аркадьева, Гольдина, скептического Батырева...

И снова я на несколько лет стал заочником большого футбола, снова слушал репортажи Синявского и Озерова и рассказы Бирюкова...

...1956 год принес успех нашему футболу: советская сборная выиграла олимпийский турнир в Мельбурне. Победа радовала, но все же не могла служить мерилом силы нашей сборной: уже давно не олимпийские турниры, в которых возбранялось участвовать профессионалам, а мировые футбольные первенства стали главными событиями международной футбольной жизни. Они назывались также розыгрышами кубка Римем, по имени одного из председателей ФИФА — Международного футбольного союза.

Уругвай и дважды Италия завоевывали кубок Римем в 1930, 1934 и 1938 годах. После войны, в 1950 году, опять победил Уругвай, в 1954 — Западная Германия.

Через месяц после того, как Володя Пак вручил мне

юбилейный номер «Спортивных игр», в Швеции начались финальные игры шестого футбольного чемпионата мира. Впервые в ней участвовал Советский Союз.

События шведского чемпионата, ставшего поворотной вехой в истории футбола, еще свежи в нашей памяти: блестящая игра сборной Бразилии, легко и уверенно вышедшей на первое место, продемонстрированная ею новая тактическая система 1 — 4 — 2 — 4, оказавшаяся подлинным откровением для остальных участников, неожиданный уход в отставку старушки «дубль-ве», честно отслужившей 30 лет на футбольных полях, успех сборных Франции и Швеции, трудная судьба сборной СССР, попавшей в одну предварительную группу с такими «китами», как Бразилия, Англия и Австрия, и вынужденной из-за ошибки судьи переигрывать выигранную встречу с англичанами.

Но были и более глубокие причины проигрыша наших футболистов шведам в четвертьфинале: мы утеряли наше преимущество в физической подготовке игроков, наши методы тренировки уже давно стали достоянием всех «футбольных» держав, а в технике игры мы значительно уступали лучшим зарубежным командам.

Седьмой чемпионат мира в 1962 году в Чили был, в сущности, для всех участников экзаменом, в котором выяснилось, насколько усвоены уроки Швеции.

Те же «асы», что и в Стокгольме, постаревшие на четыре года, вторично вывели команду Бразилии на первое место, те же причины, что и в Швеции, привели нашу сборную после победы над грозными соперниками — югославами и уругвайцами — к ничьей с Колумбией, к проигрышу в четвертьфинале команде Чили. На тридцатой минуте игры хозяева поля вели 2:1, остальные шестьдесят минут атаковала советская сборная, так и не сумев преодолеть сопротивление массированной чилийской защиты: по-прежнему не хватало индивидуального мастерства, мастерства финтов, обводки, прорывов, точных и неожиданных, без предварительной подправки ударов по воротам.

В команде были игроки высокого класса, но не было подлинных виртуозов, без которых борьба против усилившейся при системе 1 — 4 — 2 — 4 обороне обречена на неудачу.

Повышение индивидуального мастерства игроков и тактической гибкости команды в целом по-прежнему остались главными задачами, стоящими перед нашим футболом.

Удалось ли разрешить эти задачи за те два года, что прошли после футбольных сражений в далеком Чили?

Ответ на этот вопрос дала вторая встреча сборных СССР и Италии на кубок Европы, состоявшаяся в Риме 13-го октября 1963

года.

...Итак, наше повествование, охватив шестьдесят четыре года истории русского и советского футбола, вернулось к исходной точке.

Мы покинули стадион в Лужниках и пустились в плавание по океану футбольных воспоминаний после первого тайма, когда советская сборная вела 2:0. Это был настоящий, большой футбол, футбол высокого класса. И все же хотелось, чтобы передачи были более простыми, не такими многоходовыми, чтобы мяч при пасах чаще шел над самой землей, чтобы не, упускались голевые моменты из-за подправки мяча перед ударом. И хотелось еще, чтобы в команде было больше подлинных виртуозов, таких, как Хусаинов или Иванов.

С такими мыслями я вернулся из ложи ветеранов на свое место перед началом второго тайма, ожидая продолжения увлекательной игры, бурных атак нашей сборной, голов в ворота итальянцев. Не было ни увлекательной игры, ни бурных атак, ни голов. Советскую сборную словно подменили: имея дело с морально сломленным противником, игравшим к тому же вдесятером, а затем и вдевятером — один игрок был удален с поля из-за хулиганской выходки, второй получил травму — наша сборная перестала атаковать, ушла в защиту. Зрители с недоумением наблюдали, как даже неукротимый Хусаинов маневрировал где-то между нападением и полузащитой. Казалось, обе команды тянули время, стараясь сохранить счет первого тайма. Мало того: итальянцы провели несколько опасных атак, и дважды молодому кутаисскому вратарю Урушадзе пришлось показать все свое искусство.

В чем же было дело? Невольно вспоминался колумбийский «эпизод» в чилийском чемпионате мира, когда наша сборная, ведя во втором тайме 4:1, после случайного, нелепого гола ушла в защиту и позволила противнику добиться ничьей. Что же это за странное явление, этот внезапный спад игровой энергии? Утомление? Нет, не утомление, команда была отлично тренирована. Это так называемый «очковый прессинг», внезапно возникающая боязнь утерять завоеванное преимущество, слабость волевой мускулатуры, как писал один из наших обозревателей после чилийского чемпионата. Против этой опасной болезни есть только одно средство: чаще играть с сильными противниками, чаще выступать в таких международных турнирах, где первое место завоевывается целой цепью трудных побед. Не забудем, что седьмой футбольный чемпионат в Чили был для нашей сборной только вторым: в предыдущих мы не участвовали.

Не скажется ли «очковый прессинг» во второй встрече нашей

команды с итальянцами в Риме? Ведь там задача будет заключаться именно в том, чтобы удержать московскую фору, а два тайма в защите не отсидишься.

Итак, окончательный ответ на вопрос, каков же класс нашего футбола, откладывался до 10-го ноября, когда на римском стадионе «Форо Италико» будет разыграно второе действие двухактной пьесы, носящей название «восьмая финала кубка Европы».

К этому времени я вернулся в Кзыл-Орду и в день встречи сидел вместе с жильцами соседней квартиры у приемника, ожидая начала передачи.

Транслировал передачу Николай Озеров, бывший чемпион СССР по теннису, сын известного оперного певца. Не раз слышал я в былые годы в Большом театре его отца в моей любимой опере «Кармен», где он пел партию Хозе. Николай Озеров транслирует совсем в другой манере, чем Синявский. Он экспансивно переживает перипетии матча, страстно и откровенно болеет за свою команду. Бурные эмоции футбольных битв в его передаче не смягчены иронической ноткой, свойственной Вадиму. Хороши у Озерова аналогии и сопоставления, которые он экспромтом вводит в передачу. И сейчас, произнося сакраментальную вводную фразу: «Наш микрофон установлен на стадионе «Форо Италико» в Риме», он не забывает добавить: «На том самом стадионе, где в дни римской олимпиады зрители аплодировали блестящим победам наших спортсменов».

Но вот начинается матч, и Озерову теперь не до сравнений и аналогий: только бы поспеть за бешеным темпом игры. После нескольких минут разведки итальянцы обрушивают на наши ворота шквал атак. Он не иссякает, не ослабевает: ведь перед хозяевами поля стоит трудная задача: отыграть московскую форму в два гола и забить третий, победный мяч. Мы сидим у приемника и словно видим, как накатываются одна за другой на ворота нашей команды яростные волны итальянских атак. Нет, такой матч не передать в иронической манере Синявского, здесь нужен темпераментный диапазон Озерова. Наша команда выдерживает подлинный шторм. Только испытанные хладнокровные бойцы кожаного мяча могут устоять против него. Смогут ли? Стадион гудит, ревет, неистовствует. Трели трещоток, истошные крики прорезают сплошной гул. Захлебываясь, возбужденной скороговоркой ловит Озеров ход игры, называет фамилии игроков, итальянских нападающих и наших защитников. Все чаще слышим мы одну фамилию: Яшин. «Яшин взял «мертвый» мяч, Яшин перехватил передачу Булгарелли, Яшин в броске вынул мяч из угла».

У Яшина — большой день. Как скала, стоит он в наших воротах, впрочем, не стоит, а мечется из стороны в сторону, отбивает, ловит, перехватывает, переводит на угловой. Мечется, как... скала? Парадокс, глубочайшие противоречия. И однако, это так. Как скала, стоит Яшин в воротах, и стеной обороняют подступы к ним наши защитники. И все же нельзя устоять против такого натиска: есть же удары, которые не может взять даже Яшин. Гол неминуем, мы ждем его в томительном напряжении, и томительно текут секунды и минуты — десять, двадцать, тридцать. И все время: Яшин, Яшин, Яшин. Ни в одном матче за все сто лет существования футбола не повторялась, вероятно, столько раз одна и та же фамилия.

Но вот в приемнике зазвучали другие имена: Хусаинов, Иванов, Гусаров, Численко. Они звучат все чаще. Очевидно, шторм у наших ворот стихает. Я хорошо знаю: долгая безрезультатная атака нередко кончается голом в ворота атакующей команды.

Голос Озерова снова хрипит от волнения: «Мяч у Хусаинова... он обводит Траппатони... передает Численко... мяч у Гусарова... Удар... Гол!.. Гусаров забил гол на тридцать первой минуте»...

Дальше Озерова не слышно: он не может перекричать прибой оваций. Аплодируют, конечно, итальянцы, наших ведь на стадионе всего несколько десятков человек.

...Я не был в раздевалке на «Форо Италико», где готовились к встрече наши игроки, но я хорошо знаю, что именно сказал Бесков перед выходом на поле Гусарову:

— Твое дело, Геннадий, только одно: забить гол тогда, когда нам будет особенно трудно.

Не Понедельника, игрока сильного, но уже разгаданного итальянцами в первой игре в Москве, поставил Бесков на вторую игру, а Гусарова, не такого сильного, но еще не разгаданного. Это был правильный шахматный ход, тонкая и дальновидная футбольная стратегия. Попробуйте-ка, синьор Фаббри, сразу же, в ходе игры подобрать ключи к этому новому, вам еще не знакомому, нападающему.

Итак, мы ведем 1:0. Раньше итальянцам для победы надо было забить три гола, теперь — четыре: разница как будто невелика. Но считать надо иначе: раньше у итальянцев на три гола было девяносто минут, теперь у них на четыре гола — всего шестьдесят. И без того трудная задача стала вдвое трудней, стала, по существу, неразрешимой. Судьба матча решена. Это, конечно, понимают и итальянцы. Они атакуют, но теперь это лишь попытка уйти от «сухой», от позорной «сухой» на своем поле.

«Идет пятьдесят восьмая минута игры. Напоминаю: счет по-

прежнему 1:0 в пользу советской сборной», — слышится привычный рефрен футбольных трансляций. Голос Озерова спокоен. Но внезапно в нем снова звучит тревога.

«Пенальти! — кричит он. — Булгарелли сумел добиться пенальти!»

Ясно представляю себе: Булгарелли лежит на земле и воздевает руки к небу, взывая о справедливости.

На стадионе воцаряется тишина; в репродукторе — легкое потрескивание. Затем Озеров произносит два слова:

«Бьет Мацолла».

В мельчайших подробностях вижу я то, что происходит сейчас на «Форо Италико», отдаленном от меня расстоянием в три с половиной тысячи километров: Мацолла устанавливает мяч на одиннадцатиметровой отметке, поворачивает его шнуровкой от себя, отходит назад для разбега. Впившись в него взглядом, стараясь угадать, куда он пробьет, замер в воротах Яшин. У штрафной площади выстроились в стартовых позах итальянские нападающие и наши защитники, собираясь ринуться вперед после удара. Сто тысяч на трибунах затаили дыхание...

«Удар!» — кричит Озеров.

А где же аплодисменты? Их нет: молчание. И только потом долго несмолкающая овация.

«Яшин взял пенальти!» — исступленно кричит Озеров.

И я вижу, как Мацолла в отчаянии хватается за голову, а Яшин далеким и точным броском передает мяч одному из наших нападающих, и мы переходим в атаку.

Яшин, голубчик, ты и на самом деле лучший вратарь в мире!

«Тридцать минут остается до конца игры, советская сборная ведет 1:0», — напоминает Озеров.

Но снова все чаще слышится фамилия Яшина: итальянцы идут на последний штурм, во чтобы то ни стало хотят они уйти от «сухой». И мне приходит в голову мысль: как легко, как просто в свалке у ворот незаметно для судей и зрителей вывести из строя вратаря.

Словно в подтверждение моих мыслей слышен тревожный голос Озерова:

«Яшин на земле, он не встает, ему помогают подняться, он уходит с поля... Напоминаю: по условиям розыгрыша кубка Европы заменять вратаря нельзя... Если Яшин через десять минут не вернется, в ворота станет один из полевых игроков»...

На стадионе тишина, ни криков, ни свистков... Ждут... И затем взрыв аплодисментов: повреждение было легким, Яшин вышел на поле, Яшин встал в ворота, он снова ловит, отбивает, переводит на угловой.

«Дьявол, а не вратарь! — скажет о нем Фаббри после игры. — Все могло быть по другому, если бы не он».

Добавим: и если бы не стояли стеной защитники Мудрик, Шестернев, Шустиков, Крутиков, если бы не помогали им полузащитники, а подчас и нападающие, если бы хоть на минуту дрогнула, пала духом, потеряла уверенность наша команда.

— «В Риме мы во всяком случае не проиграем, — ответил перед матчем на вопрос корреспондентов капитан нашей сборной Иванов. Он знал, что говорил: в Риме не было очкового прессинга, наша команда обрела крепкую «волевую мускулатуру»...

...«До конца игры остается десять минут. Счет по-прежнему 1:0. Атакуют итальянцы».

«До конца игры остается пять минут. Атакуют итальянцы».

«Три минуты»...

«Одна минута»...

«Тридцать секунд: счет по-прежнему...»

Озеров не успевает договорить: его голос тонет в громе оваций, в трелях трещоток. Ясно: счет стал 1:1. За две секунды до конца игры Ривера забил ответный гол. Итак 1:1. Ничья, для нас означающая победу. Московская фора осталась в силе, наша сборная вышла в четвертьфинал кубка Европы, итальянцам пришлось сложить оружие.

Трансляция окончена, отзвучал блантеровский марш, но мы не сразу встаем, не сразу уходим от репродуктора: мы все еще под властью магии кожаного мяча, мы торжествуем победу. Вместе с нами торжествуют победу миллионы советских людей и среди них — десяток, другой уже старых, уже седых, помнящих так же, как и я, первые годы русского футбола. Они, как и я, чувствуют не только радость, но и гордость: в победе сборной СССР есть и наша, пусть скромная, доля, доля зачинателей, пионеров, прокладывателей первой борозды.

* * *

Повесть окончена. Часть событий, в ней описанных, удалось проверить по комплектам журналов, по картотекам моих друзей-футболистов. Но в большинстве случаев мне приходилось полагаться на свою память. А когда мы пытаемся восстановить события далекого прошлого, память подчас ставит нам коварные ловушки. И я не буду удивлен, если знатоки истории нашего футбола обнаружат в моей повести отдельные ошибки в именах и

датах.